
ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В лаборатории микробиологии Института зернового хозяйства юго-востока СССР (Саратов). Заведующий лабораторией кандидат сельскохозяйственных наук А. Е. Фалин и лаборантка А. А. Юнг осматривают дубки, выращенные в лаборатории.

Фото А. Гостева

На первой странице обложки: **В. Зинов.** ЮНОСТЬ. (Всесоюзная художественная выставка 1949 года).

На последней странице обложки: Фотоэтюд М. Савина.

ОГОНЁК № 23 (1200) 4 июня 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В ШКОЛАХ СТРАНЫ ПРОХОДЯТ ИСПЫТАНИЯ И ЭКЗАМЕНЫ. На снимке: школьницы ленинградской женской школы № 384 после экзамена (см. «Школа за Нарвской заставой» на 12 странице).

Фото Д. Трахтенберга

КРЕПОСТЬ МИРА

М. КОТОВ

Ответственный секретарь Советского комитета защиты мира

I

Каждый день в дом № 10 по Кропоткинской улице в Москве, где помещается Советский комитет защиты мира, приходят письма со всех концов нашей страны: с Сахалина, Памира, из Сибири, с Украины, из Белоруссии, Армении, Казахстана.

Это замечательные человеческие документы. В них, в этих письмах, звучит мощный голос простых советских людей, стоящих на страже мира.

Вот письмо на небольшом листке бумаги. Оно коротко и выразительно. Пишет народный сказитель из деревни Тропарево, Московской области, М. Ф. Протасов:

«Я присоединяюсь к подписям всех людей доброй воли — за мир, против поджигателей войны. Я участвовал в двух мировых войнах, и мой сын погиб на войне. Я, как и всякий советский человек, не желаю войны и голосую за то, чтобы запретить атомную бомбу».

Читаем другое письмо. Колхозник с Алтая, инвалид Отечественной войны, Иван Иванович Королев взволнованно делится своими чувствами.

«Я хочу сказать свое слово о мире, — пишет он, — сказать о том, что волнует меня как простого советского человека. В газетах я читаю о поджигателях войны. Они жаждут народной крови. Но эти господа все равно потерпят крах. Я хотел бы сказать слово к рабочим, крестьянам, к сторонникам мира других стран: дорогие друзья, общими усилиями обуздаем зачинщиков войны! Надо объявить вне закона атомную бомбу. Да будет проклят тот, кто первым ее применит! Пусть содрогаются враги мира от нашего единого голоса: мы хотим мира, нам хочется жить счастливо, нам не надо войны!»

...Письма людей разных профессий, разных возрастов. Их десятки, сотни — по-разному написанных, но одинаково волнующих патриотических документов. В этих письмах выражено одно великое чувство советских людей — стремление к миру, ненависть к поджигателям войны, желание внести свой могучий вклад в дело борьбы за прочный мир.

II

Советский человек! Как много вкладывается в эти слова! С благоговением наши потомки будут изучать легендарные подвиги советского человека сталинской эпохи. Это он, советский человек, совершил невиданные перемены на нашей необъятной земле. Он построил заводы и фабрики, проложил дороги, повернул реки, выстроил прекрасные города. Он преодолел все трудности и лишения, воздвиг в нашей стране величественное здание социализма, в жестоких боях с врагами отстоял свои великие завоевания. В необычайно короткий срок советские люди восстановили разрушенное войной народное хозяйство и сейчас, под водительством большевистской партии, великого Сталина, успешно строят коммунизм.

Советский человек! С какой любовью эти слова произносят миллионы людей за рубежом! Недавно одного из французских докеров, присутствовавшего на первомайских празднествах в Москве, спросили, что больше всего ему понравилось в Советском Союзе. Он, не задумываясь, ответил:

— Самое чудесное, что я увидел в вашей стране,— это люди. Они знают свою силу, они смело смотрят вперед, с ними мы отстоим мир. С ними нам не страшно!

Это верные слова. Кто бы ни побывал в нашей стране, каких бы убеждений ни был этот человек, но если он честен, то, встретившись с советскими людьми, познакомившись с их образом жизни, с их мыслями, чувствами, он убедится: советские люди — люди труда, истинные сторонники мира.

По приглашению Советского комитета защиты мира в Москву приезжал генерал Эрибарто Хара, бывший морской министр Мексики, вице-председатель Мексиканского комитета защиты мира.

Он посетил Сталинград и Грузию, беседовал там со многими советскими людьми. Покидая Советский Союз, он заявил:

— Мы глубоко восхищены всем виденным в вашей великой стране. Ваши успехи великолепны.

Когда члена делегации Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира канадского священника Джеймса Эндикотта спросили, почему он согласился войти в делегацию, направлявшуюся в Москву, Эндикотт ответил так:

— Первое основание для моего согласия дал Сен-Лоран, премьер-министр Канады. Он отказался принять делегацию Канадского конгресса в защиту мира, которая хотела вручить петицию, скрепленную тысячами подписей, собранных по всей стране, и содержащую требование объявить вне закона атомную бомбу и применять атомную энергию только в мирных целях.

Священник Эндикотт, один из видных борцов за мир, был в Москве, встречался с советскими людьми — рабочими, колхозниками, интеллигентами. Он разговаривал с учеными, писателями, деятелями искусства. Он побывал на заводе, в колхозе, он присутствовал на многолюдных собраниях. Он был принят в высшем органе власти нашей страны — в Верховном Совете СССР — и вместе со всей делегацией вручил предложения Постоянного комитета председателям палат. На каждом шагу он ощущал, с каким энтузиазмом и чувством солидарности были встречены в СССР посланцы мира.

Всюду Эндикотт слышал слово «Мир!». Это слово на устах всех советских людей. Мы заняты вдохновенным трудом. В нашей стране нет никого, кто бы помышлял о войне.

На обращение посланцев мира председатели палат Верховного Совета СССР дали ясный ответ: предложения Постоянного комитета отвечают неизменным стремлениям Советского Союза к укреплению мира.

III

Первым декретом, изданным советской властью, был декрет о мире. Всегда, на всех международных конференциях, представители Советского Союза твердо отстаивали и отстаивают политику мира.

В славный день семидесятилетия товарища Сталина советское правительство установило международные Сталинские премии за деятельность, направленную к укреплению мира. Что может лучше свидетельствовать о миролюбии нашей страны, нашего правительства!

Советский человек больше, чем кто-либо другой, знает цену миру. Он испытал на себе ужасы войны. Все мысли и стремления советского человека направлены к мирному труду. Мир — это строительство новых величественных городов, фабрик и заводов. Мир — это тучные хлеба и неисчислимые стада. Мир — это освоение новых природных богатств, прокладывание путей, посадка лесозащитных полос, преграждающих дорогу суховеям. Мир — это расцвет духовной культуры, новые открытия в науке, новые произведения литературы и искусства. Мир — это обеспеченная жизнь. Мир — это счастье детей. Для советских народов мир — это прекрасное сегодня, это лучезарное завтра, это все новые и новые творческие победы.

Наш народ не хочет войны и готов сделать все возможное, чтобы не допустить ее. Но нас не запугать бряцанием оружия. Нам ли, победителям фашистской Германии, бояться войны! Слава советского оружия прогремела на весь мир; наш народ привык одерживать победы над любым врагом. Мы твердо уверены в своей несокрушимой силе. Не нам, а империалистам нужно бояться войны, ибо если они развяжут ее, то придет конец всему мировому капитализму.

Мы готовы продолжать мирное соревнование с капитализмом и потому выступаем против новой войны, в защиту мира.

Весь советский народ горячо откликнулся на призыв Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Воззвание сессии нашло единодушную поддержку и одобрение на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, в научных учреждениях. Вместе с миллионами простых людей во всех странах земного шара советские люди требуют: запретить атомное оружие как оружие агрессии, объявить военным преступником то правительство, которое первым посмеет его применить. В этом с новой силой проявляется воля советского народа к прочному миру во всем мире.

На происки поджигателей войны советские люди отвечают перевыполнением планов, новыми рекордами, новыми открытиями в науке и технике. В самом деле, стоит вдуматься только в один факт, чтобы представить себе грандиозность трудовых усилий советского народа: в основных отраслях народного хозяйства СССР не только достигнут, но и превзойден довоенный уровень производства.

Укрепление могущества нашей великой Родины — это лучший ответ советских людей врагам мира.

IV

Империалисты и их прислужники беспрестанно клевещут на Советский Союз, на советских людей, обвиняя их в подготовке войны.

Один из видных деятелей движения сторонников мира, генеральный секретарь Демократического объединения Французской Африки, Габриэль д'Арбусье, хорошо сказал по этому поводу: «Напрасно реакционеры всех мастей фабрикуют всякого рода клевету о Советском Союзе. Наша народная пословица гласит, что истина подобна восходящему солнцу: когда оно появляется на горизонте, от него ладонью не закроешься...»

Взоры передового человечества устремлены к великой стране социализма, подлинной крепости мира — к Советскому Союзу. Подписываясь под воззванием Стокгольмской сессии, во всем мире люди разных профессий, убеждений и вероисповеданий, крестьяне и рабочие, люди умственного труда — все, в ком бьется честное сердце, с любовью говорят о Стране Советов, о Москве, где живет и трудится на радость всему человечеству товарищ Сталин — первый поборник мира.

«Есть на свете Москва!» — эти слова звучат сегодня на всех языках и наречиях. Москва — надежда человечества. Голос Москвы вселяет в людей веру в будущее, и нет такой силы на земле, которая могла бы погасить в сердцах миллионов людей огромную любовь к стране мира, к стране Ленина и Сталина. Нет такой силы, которая могла бы одолеть могучий, несокрушимый лагерь мира, возглавляемый великим Советским Союзом.

Леса над Доном

На окраине станицы Вешенской, в молодом сосновом бору, расположен поселок лесозащитной станции.

С. МОРОЗОВ
Специальный корреспондент «Огонька»

Фото А. Гостева

От железнодорожной станции Миллерово к станицам Верхнего Дона ведут тряские, разъезженные проселки. Едешь час, другой, третий, едешь день, а за ветровым стеклом машины — все та же голая степь. Пыль облаками клубится над дорогой, над зеленью озимых всходов, щиплет глаза. Все острее ощущаешь тоску по тени, прохладе. Но кругом — опаленные солнцем низины и балки. На улицах сел изредка промелькнут одинокие деревца, чья листва, едва успев распуститься, уже покрылась пепельным налетом. Вот, наконец, с холмов правого берега открывается сверкающий на солнце Дон. Но только узкая полоска поймы, заливаемой паводком, покрыта зарослями ивняка. На левом берегу опять степь.

Сколько воды несет тихий Дон на своем пути от Среднерусской возвышенности к Азовскому морю! Зимой плотный слой снега покрывает степные его берега. Но как мало влаги задерживается в земле! Причудливыми зигзагами тут и там врезаются в берега глубокие, как ущелья, овраги. Каждый год бушует в них весеннее половодье, унося с собой землю, загромождая судоходный фарватер реки отмелями и перекатами.

Так, не увидев еще лесных посадок, можно уже мысленно представить ту великую преобразующую роль, которую они призваны сыграть в этом степном краю.

Зеленой стеной встанут деревья на пути знойных юго-восточных ветров, крепко свяжут своими корнями прибрежную землю над Доном. Раз и навсегда будет положен предел расточительному буйству природы.

Наступление на засуху в придонских степях развернулось на огромном фронте протяженностью около тысячи километров. По единому государственному плану работают лесозащитные станции — ЛЗС.

Одна из них расположена на левом берегу реки в сосновом бору за станицей Вешенская. Сверкающие белизной дома управления ЛЗС, массивный каменный корпус механической мастерской, новые тракторы с плугами и культиваторами, то и дело выезжающие из-под тени деревьев на дорогу, и, наконец, самый воздух, прохладный, напоенный ароматом сосны,— все создает здесь ощущение свежести, молодости.

Сосновый лес на песках выращен руками советских людей в последние три десятилетия. Поселок лесозащитной станции не насчитывает и года жизни.

Прошлой весной, когда от Миллерова в Вешенскую, преодолевая степную распутицу, пробивались первые машины — тракторы из Сталинграда и Челябинска, грузовики из Москвы и Горького,— все управление ЛЗС ютилось в маленькой хатенке. Но и тогда уже катилась по округе молва про большие дела, которые будут скоро вершиться на берегах Дона. С охотой шли работать на лесозащитную станцию лучшие в районе трактористы. Едва изыскатели наметили трассу лесной полосы, как Николай Ермаков, Михаил Бондарез, Павел Губин уже поднимали лемехами своих плугов целину, готовя почву под будущие посадки.

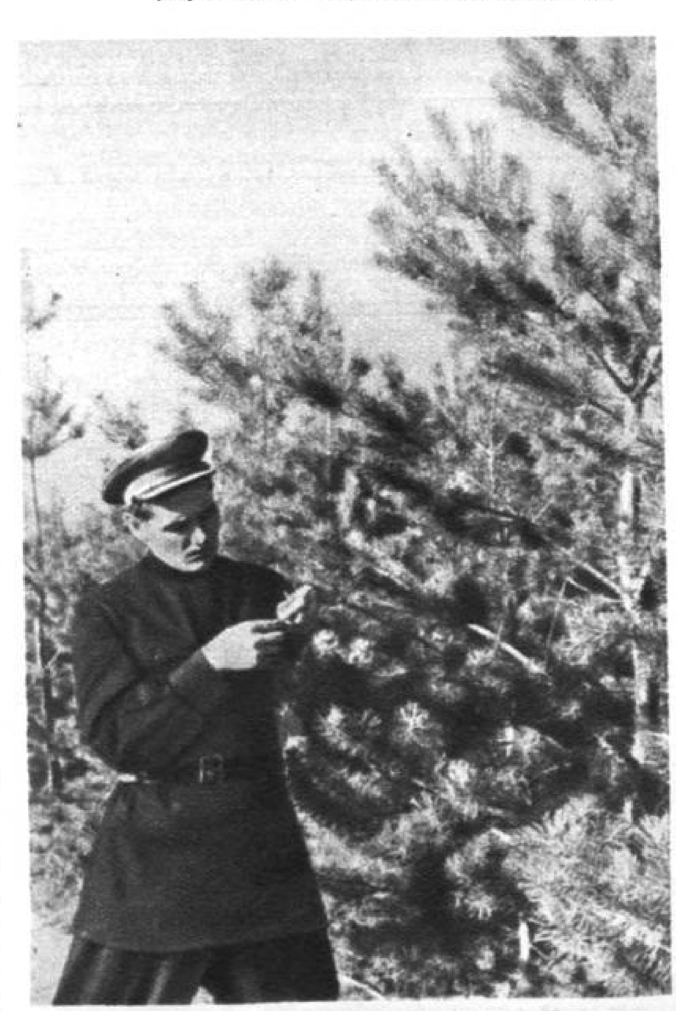
Пока в степи пахали, в лесу, на окраине станицы, стучали топоры, звенели пилы, закладывались фундаменты, возводились бревенчатые и кирпичные стены. Нелегко приходилось поначалу руководителю строительства инженеру П. Г. Прудникову. Единственным опытным столяром оказался В. А. Алексеев, единственным квалифицированным каменщиком — М. Т. Евсеев. Но сколько старательных, ревностных учеников появилось у этих мастеров в первые же дни, как только партийная организация обратилась с призывом: «Будем учиться на стройке!»

Ряды домов тянутся вдоль сосновой просеки, образуя улицу молодого поселка. Заканчивается внутренняя отделка квартир, куда скоро вселятся трактористы, лесомелиораторы, агрономы. В поселке разместились и научные сотрудники создаваемой здесь Донской опытной лесной станции. На делянках питомника, рядом с посевами сосны, проводятся опыты по выращиванию древесных культур, невиданных ранее на левобережье: черного и маньчжурского ореха, абрикоса, белой шелковицы, бересклета.

Директору ЛЗС Александру Яковлевичу Душко есть о чем рассказать, оглядываясь на дела минувшего года. По обилию событий год этот, пожалуй, богаче предыдущих двадцати лет, которые лесовод Душко проработал в Вешенском лесничестве. Но Александру Яковлевичу не до воспоминаний. Сейчас на государственной полосе Воронеж—Ростов страдная пора посадок.

Ранним утром из ворот ЛЗС выезжают машины. Они доставляют на трассу рабочих, развозят посадочный материал. Заботливо укрытые мокрым брезентом, лежат в кузовах нежные сеянцы сосны. Слоем сырого песка защищены от солнца желуди, выкопанные из глубоких траншей. Привезенные осенью из дубовых лесов Украины, желуди зиму пролежали в земле, проросли и теперь готовы пустить корни в придонских степях.

Выезжает на трассу и директор. Пригласив нас в свой «газик», Александр Яковлевич берется за руль. Прохлада соснового леса сменяется палящим зноем пыльных дорог. Чувствуешь себя в степи, словно в открытом море,— так широк, необозрим здесь разлив

Директор Вешенской ЛЗС А. Я. Душко.

Желуди, хранившиеся в траншеях, выкапывают, просеивают и, укрыв слоем сырого песка, развозят по трассе.

песков. Желтые равнины тянутся по левобережью Дона до самого горизонта. Крохотными островками мелькают красноватые заросли шелюги, бледносерые кустики медоносного чебреца.

Послушная умелой руке машина ныряет в песчаных ухабах, как утлая шлюпка в волнах.

— А вот и государственная полоса! — Александр Яковлевич показывает на пашню, тянущуюся параллельно дороге.

Пашня пестрит разноцветными женскими платками. Сажальщицы работают попарно. Одна держит в руках ведро с сеянцами, другая — узкую и длинную лопату, похожую на меч. «Меч Колесова» — орудие лесоводов.

Раз! Фекла Скилкова точным движением врезает лопату в землю, нажимает на ручку — и внизу уже зияет углубление. Два! Ефросинья Самойлова вынимает из ведра влажное, дрожащее на ветру деревцо и, бережно распрямив загибающийся корень, опускает в ямку. Три! Скилкова вонзает меч в почву, рядом с углублением, снова нажимает на ручку — и земля, сдвинувшись, плотно облегает корень.

Время рассчитано на секунды, точность посадки измеряется сантиметрами. До четырех тысяч сеянцев сосны в смену, почти вдвое больше установленной нормы, сажают вешенские казачки Фекла Скилкова и Ефросинья Самойлова. По ним равняется вся бригада. Не один десяток километров отшагали сажальщицы вдоль полосы, оставляя в пашне ряды тоненьких годовалых сосенок.

Жаркое лето предстоит пережить деревцам. Будущие стражи посевов, они пока сами нуждаются в надежной защите от солнца и суховея. Вслед за бригадой ЛЗС на полосу выходят колхозники с семенами арбузов и дынь. Скоро широкая листва бахчи плотно укроет сосенки сверху.

Обходя окраины Вешенской, государственная полоса устремляется на юго-восток, к границам Сталинградской области, к памятным местам Великой Отечественной войны.

Комсомольцы Еланского лесомелиоративного участка взялись полностью механизировать посадку сосны. Трижды перепахивали они целину, боронили, обрабатывали культиваторами. Зато теперь любо-дорого смотреть, как движутся на прицепе тракторов лесопосадочные машины, плавно опуская в бороздки сеянцы, как аккуратно засыпаются землей корни сосенок. Бригада тракториста Михаила Мерзликина четырьмя машинами высаживает в смену до ста тысяч сеянцев — столько же, сколько пятьдесят сажальщиков вручную.

— К вечеру все закончим, — рапортуют директору руководители участка Григорий Костенко и Анатолий Дорошенко.

Душко спешит порадовать этой вестью остальные бригады, работающие на трассе. Спидометр «газика» ведет счет уже второй сотне километров, когда директор переправляется на пароме через Дон.

На черноземе правого берега вешенские лесоводы сеют дуб по гнездовому способу академика Т. Д. Лысенко. Как солдаты в строю, шагают вдоль полосы маркировщики.

Полоса разбивается на гнезда, Следом за маркировщиками идут севцы.

К обочинам полосы подкатывает грузовик-самосвал, ссыпая в кучи остро пахнущую лесной сыростью черную землю. Она заражена микоризой — полезным грибком, помогающим дубу быстрее вбирать питательные соки. Ее добывают неподалеку, в мелких зарослях дубняка по оврагам. Перемешанная с желудями микоризная земля попадает в лунки. Так на новой, непривычной для дуба, степной почве создаются благоприятные условия его произрастания.

На участках государственной лесной полосы по правому берегу Дона можно встретить не только кадровых рабочих лесозащитной станции, но и жителей окрестных хуторов. Юная фельдшерица Таня Иванкова соревнуется на севе желудей с пожилым молотобойцем Михаилом Гвоздевым. От плотника Николая Овчинникова не отстает колхозница Пелагея Дронова. Учителя, кооператоры, домашние хозяйки с ведрами и лопатами в руках чувствуют себя заправскими лесоводами.

— Молодцом народ! Полюбил новое дело, — говорит Иван Федорович Данилин, встретившись с Душко на трассе правого берега. Данилин, агроном по профессии, заместитель директора ЛЗС по политической части, уже которые сутки идет по трассе вместе с бригадами.

Сев желудей вручную подходит к концу. На другом участке трассы скоро впервые применят машины-сеялки. Только накануне прибыли они из Ростова. Прямо с железнодорожных платформ приняли их шоферы лесозащитной станции и всю ночь без отдыха гнали к станице.

Уже смеркалось, когда директор приехал в станицу. На дверях участковой конторы висел замок. Все ушли на полосу. Собравшись вокруг инженера-механизатора Уголева, трактористы обсуждали первые итоги применения сеялки. Поздравляли и инженера и своего товарища Владимира Чурбасова. Вдвоем с подручным засадил он десять гектаров, выполнив работу сорока пяти человек. Все были довольны, один только Иван Григорьевич Уголев хмурился. Трактористы ушли отдыхать, а он долго еще советовался с директором, потом, простившись с ним, допоздна сидел над расчетами и чертежами. Зато на следующее утро трактор повел за собой на прицепе три желудевые сеялки.

Через три дня Вешенская ЛЗС полностью завершила посадку дуба на правом берегу Дона. Коллектив Мигулинского участка, успешно применивший новые машины, завоевал первое место.

А потом пришли на полосу колхозные сеялки с пшеницей. Золотистые зерна легли в междурядьях, чтобы через месяц — другой подняться высокими зелеными стеблями на защиту юных дубков.

Завершение весенних работ на государственной полосе ознаменовалось для вешенских лесоводов двойной радостью. В недавнем постановлении Совета Министров и Центрального Комитета ВКП(б) о ходе выполнения сталинского плана преобразования природы было отмечено, что Вешенская ЛЗС в числе других наиболее успешно проводит работу по созданию государственной лесной полосы.

Радуясь высокой похвале, вешенцы говорили:

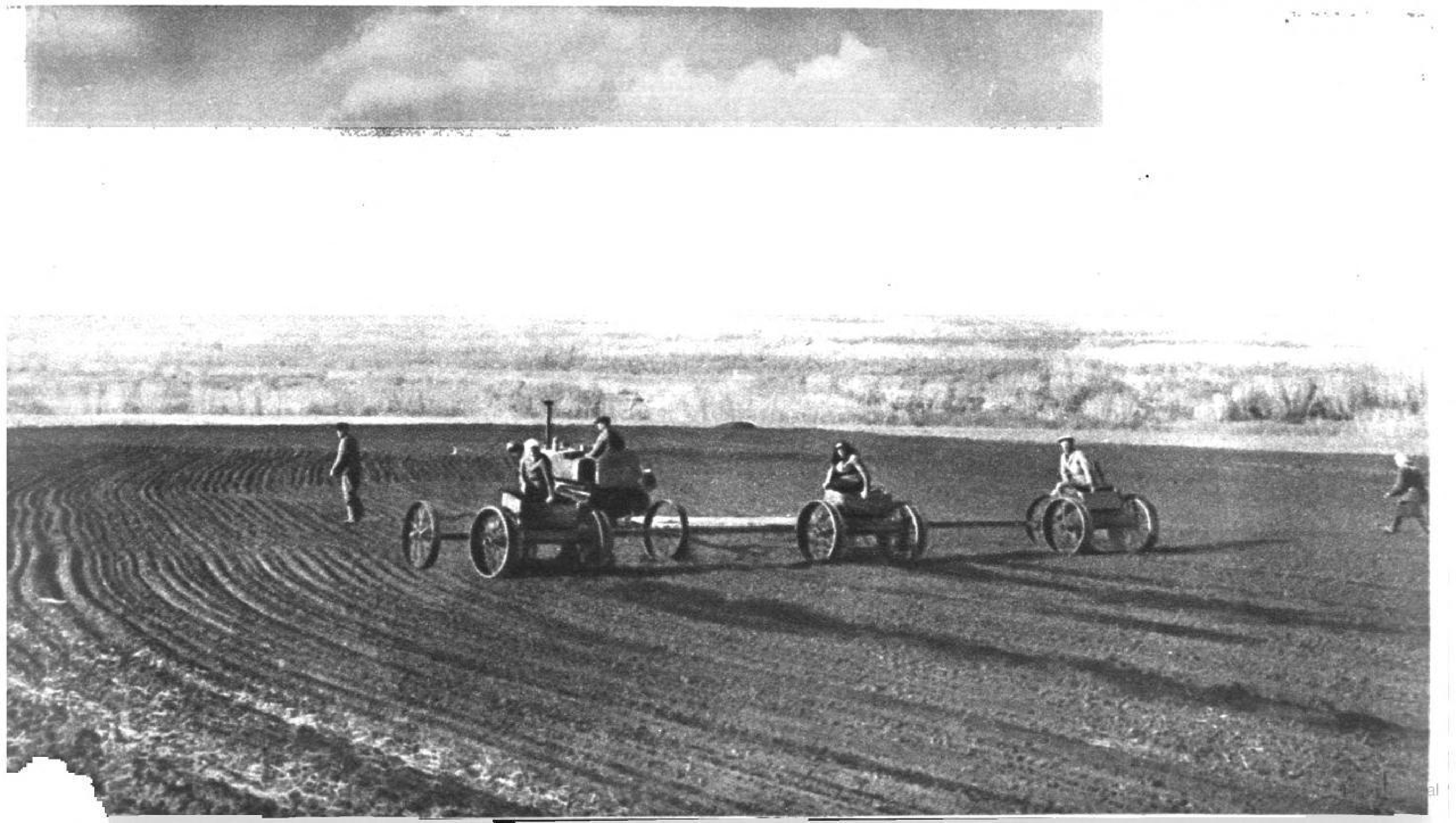
— А все же мало сделали нынешней весной. Летом и осенью нужно сделать больше.

И снова готовятся к выходу в поле тракторные бригады. Тысячи гектаров заросших дерном целинных песков предстоит вспахать, обработать, подготовить к посадкам.

В образцовый порядок приводятся землеройные машины — грейдер, экскаватор. Скоро будут получены скреппер и бульдозер. Недалек тот день, когда они выйдут на склоны степных оврагов строить плотины, рыть пруды для окрестных колхозов.

Растет коллектив Вешенской лесозащитной станции. Новые люди приходят в поселок, раскинувшийся на окраине станицы, приходят, чтобы учиться сажать лес, бороться с засухой по всем правилам советской науки.

Три желудевых сеялки идут за трактором. Вешенские лесоводы производят механизированный посев дуба гнездовым способом академика Т. Д. Лысенко.

В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

«Я ненавижу Нью-Йорк в воскресенье»,— писал Маяковский, имея в виду те одуряющие развлечения, которым предаются многие американцы в часы отдыха от не менее одуряющей погони за долларом.

Царством скуки назвал Максим Горький американский «город увеселений» Куни Айленд, куда устремляются в свободные часы люди, затравленные Желтым Дьяволом.

Предприимчивые дельцы капиталистического мира превращают и досуг рабочего в грязное средство наживы. Что касается десятков миллионов безработных, то весь их «отдых» заключается в... поисках работы.

Советский человек, честно потрудившись в течение недели, получает заслуженный им отдых. Публикуемые «Огоньком» короткие зарисовки, естественно, не претендуют на то, чтобы дать полное представление о многообразных развлечениях, которыми заполнен выходной день нашего рабочего. Но и в этом беглом обзоре нетрудно увидеть отличительные черты социалистического быта. Главная из них — забота государства о досуге трудящихся. Перед ними открыты двери всех музеев; для них построены чудесные парки, дворцы культуры, стадионы, яхт-клубы; им предоставлены в пользование дачи, сады, виноградники.

Материально обеспеченный, уверенный в завтрашнем дне, стремящийся к новым высотам культуры — таков советский человек и в труде и на отдыхе.

Поезд идет в Гори

...Фасад завода оклеен афишами, объявлениями. По ним можно наглядно судить о том, как проводят свой воскресный отдых рабочие старейшего предприятия Тбилиси — паровозо-вагоноремонтного завода имени Сталина.

В воскресенье особенно людно в заводском клубе. Днем здесь состоялся концерт музыкальной студии, в которой учатся 115 детей рабочих. Вечером при переполненном зале шел спектакль Театра имени К. Марджанишвили. Заводская театральная касса продала сотни билетов на воскресные спектакли тбилисских театров — оперы и балета имени З. Палиашвили, имени Руставели, русского и армянского драматических театров.

С утра большая группа рабочих с семьями выехала на родину товарища Сталина — в Гори. Это уже стало традицией на заводе — выходной день проводить в Гори. В распоряжение экскурсантов был предоставлен любовно отделанный руками рабочих вагон-клуб.

От Тбилиси до Гори около двух часов езды. В пути весело, празднично. Котельщики, вагонники, сборщики принарядились. Всю дорогу пели песни. Певцам подыгрывали на аккордеонах молодые ребята из кружка художественной самодеятельности.

Но вот все притихли. Рабочие сгрудились вокруг Давида Амиранашвили — слесаря монтажного цеха. Он рассказывает о столице нашей Родины. В декабре минувшего года в составе делегации трудящихся Советской Грузии Амиранашвили выезжал в Москву на празднование 70-летия товарища Сталина.

Среди экскурсантов и старейший рабочий Егор Хубулури, непрерывно работающий на заводе с 1893 года. Здесь же знатные стахановцы: слесарь-сборщик Шалва Капанадзе, котельщики Иосиф Мачаидзе и Яков Бабаев, газосварщик Захарий Надирадзе с сыном Карло. В первый раз едут в Гори молодые рабочие котельщик Георгий Багашвили, оператор вагонопассажирского цеха Павел Свиридов...

Рабочие оставили в Доме-музее И. В. Сталина взволнованные записи, полные горячей любви к любимому отцу, вождю и учителю.

В выходной день в Гори много гостей и с других предприятий Тбилиси. Сотни людей знакомятся с достопримечательностями города, внимательно слушают пояснения экскурсоводов.

К полудню все собрались на горе, у стен древней крепости, что высится над Гори. На разостланных ковриках и скатертях появилось все, чем богата грузинская земля, а богата она ныне, благодаря трудам счастливого народа своего, многим...

Н. НОВИЦКИЙ

Тбилиси.

На снимке справа: группа рабочих Тбилисского паровозо-вагоноремонтного завода имени Сталина отправляется на экскурсию в Гори.

Фото М. Квирикашвили

Четверо друзей

Зоя и Маша опоздали всего на двадцать минут. Это немного, если учесть, что друзья решили пробыть в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького до самого вечера.

Хрустит под ногами песок. Дорожки ведут к аттракционам. Все они почему-то носят почти научные названия: «колесо обозрений», «иммельман» — и все в том же роде. Видимо, называя их скучный человек.

— Лучше бы вместо «летающие люди» именовать «полет в ничто»,— предложил Бургов.

Шумилин посоветовал ему обратиться в Бюро рационализаторских предложений.

— Кстати, о рационализации, — вмешалась Зоя Акиншина, высокая девушка с мечтательными карими глазами. Друзья обедали в «Шестиграннике», и в бокалах искрилось вино. — Я подумываю о переводе шлифовки на скоростное...

— Никаких деловых разговоров, — перебил Шумилин. — Сегодня отдыхаем. Решено!

Четверо молодых людей проводят воскресный день в московском Центральном парке культуры и отдыха. Трое из первого механического цеха «Красного пролетария» — Шумилин, Бургов и Акиншина, — а Мария Пантелькина — сборщица 2-го часового завода. Биография каждого только еще начинается: все они недавно перешагнули за второй десяток, — но сделано в жизни уже немало. Сверловщик Александр Бургов работает на скоростном режиме, дает не меньше двух с половиной норм. Ему не уступает шлифовщица Зоя Акиншина. А Виктор Шумилин — один из инициаторов скоростного резания металла на «Красном пролетарии» — удостоен в этом году Сталинской премии.

Саша Бургов высоко поднимает бокал:

— За нашего лауреата!

Друзья проводят в парке целый день. Весело стоять у карусели, где распластались по воздуху, догоняя друг друга, синие, красные

Друзья в парке культуры и отдыха.
Фото М. Савина

кони! Весело выиграть в тире приз! Правда, меткие стрелки забывают его забрать. Ну и ладно! Они уходят на концертную площадку и там, вместе со всеми, разучивают слова новой песни. А потом оказывается, что песня для них не новая: все четверо знали ее давным-давно, а просто хотелось попеть.

По предложению Зои организуется катание на лодке. Девушки садятся на весла. Виктор доказывает, что он-де боксер, а Саша — волейболист, что они спортсмены, но... приходится подчиниться неумолимым командирам и скромно сидеть одному — на корме, другому — на носу.

День клонится к вечеру. Небо темнеет. Исчезает с Москвы-реки дрожащий солнечный блеск... Интересно стоять на набережной и смотреть, как на той стороне, в домах, вспыхивают первые электрические огни. Веселые, цветные огоньки мерцают и на катерах и на небольших судах, что без устали снуют по реке. Шумилину приходит чудесная мысль: не отправиться ли домой на теплоходе? Сказано — сделано.

Быстро плывет по Москве-реке юркий теплоход. По обоим берегам сверкает вечерними огнями столица...

Е. БРАГИН

Гости Ясной Поляны

— Ну что, все в сборе? Пошли! — сказал Алексей Петрович, и вся семья тронулась в путь.

Миновали заводской поселок с красивыми многоэтажными домами и углубились в лес, направляясь к Ясной Поляне. Пока они идут по молодой зеленой траве, любуясь высокими белоствольными березами и раскидистыми вязами, расскажем о семье доменщика металлургического завода на Косой горе Алексея Петровича Данкова, о семье, каких много в округе, где некогда родился, жил и творил великий русский писатель Лев Николаевич Толстой...

Сегодня Алексей Петрович при орденах и медалях, как в торжественный день, хотя это обычное воскресенье. Старый доменщик всегда делает так, когда навещает толстовскую усадьбу, словно хочет еще раз подчеркнуть, как далеко шагнул вперед простой деревенский парень, копавший во времена Л. Н. Толстого руду на Косой горе от зари до заката, живший впроголодь, спавший в клоповнике, где ютились на двенадцати метрах еще тринадцать его товарищей-артельщиков.

Семья Данковых у Дома-музея Л. Н. Толстого.
Фото Н. Ховрачева

Теперь Алексей Петрович Данков — коммунист, почетный человек на заводе, глава большой семьи. И так уж повелось, что каждый год, в одно из воскресений мая, доменщик идет со своей супругой Екатериной Кузьминичной и детьми в яснополянский дом, чтобы поклониться памяти своего любимого писателя.

Недавно он снова перечитал «Анну Каренину», и хочется ему еще раз взглянуть на «нижнюю библиотеку» — комнату, в которой Толстой писал этот роман, на широкий кожаный диван, что описан в нем, на портрет Л. Толстого работы И. Н. Крамского.

В нынешнее воскресенье Данковы пошли в Ясную Поляну несколько раньше обычного: на этом настояла Нина, дочь Алексея Петровича. Она учится в девятом классе, и ей нужно еще раз побывать и в дубовой роще Чепыж, и на Калиновом лугу, и на «Пришпекте» — аллее, ведущей от въезда в усадьбу к дому,— во всех этих чудесных местах, упоминаемых в произведениях Л. Н. Толстого.

Вся семья идет вместе. Здесь, кроме родителей, и Нина, и Николай — студент второго курса механического техникума, и дочь Валя — ученица третьего класса, и даже маленький Витя, которого Екатерина Кузьминична держит за руку, хотя он уже ученик второго класса.

Так всей семьей и проведут они выходной день.

...На «Пришпекте» людно. К дому шли мужчины, женщины, дети. Здесь были рабочие, колхозники, студенты, учащиеся ремесленных училищ, приехавшие из Тулы. Алексей Петрович встретил и своих, заводских. С семьями пришли монтажник Григорий Трушин, обер-мастер Павел Миненко.

— Косогорцы любят проводить выходной день в Ясной Поляне, — говорит Алексей Петрович.

Надев поверх ботинок мягкие матерчатые туфли, семья Данковых прошла с очередной группой экскурсантов в заветный дом. И хотя много раз бывал здесь старый доменщик, он еще и еще раз внимательно слушал рассказ о жизни и творчестве гениального русского писателя, с затаенным волнением ходил по комнатам, где все сохранено в том виде, в каком было здесь в последний год жизни Л. Н. Толстого.

Из дома мы вышли вместе с семьей Данковых. Алексей Петрович повел нас в лес, к могиле писателя. По дороге доменщик рассказывает, как сразу же после изгнания гитлеровцев из этих священных мест началось восстановление усадьбы, школы, больницы — всего того, что варварски разрушили фашисты.

Мы подошли к скромному могильному холму, обложенному свежим дерном. Доменщик с Косой горы склонил голову.

Потом Данковы прошли в глубину леса. Екатерина Кузьминична постелила принесенное одеяло, и вся семья расположилась на отдых...

Я. МИЛЕЦКИЙ

Ясная Поляна.

Яхта под парусом

Раньше всех на Рижском вокзале появляются рыболовы со своей снастью. Старики и подростки одинаково сосредоточены и немногословны. С шумом врывается на перрон ватага юношей и девушек с волейбольными мячами. С книгами и газетами в руках степенно шагают люди постарше. Движется вереница мамаш с детьми.

Поезда наполняются мгновенно и, один за другим пересекая широкую Даугаву, устремляются к морю. Молодой мастер завода «ВЭФ» Альберт Фрейндс встречает в вагоне товарищей по работе — диспетчера цеха Лонгинса Лукстыйньша и работницу Дзидру Унгурс. С Дзидрой едет подруга Сподра Бергайс, обвертчица кондитерской фабрики «Лайма».

— И ветерок сегодня есть! — восклицает Лукстыйньш.

— Да, не придется его ловить по целому часу, — радостно отвечает Альберт.

Соседи по купе удивленно переглядываются: что это за ловцы ветра?

В восемнадцати километрах от Риги станция Лиелупе — первая станция на Рижском взморье. Многие едут дальше, но Альберт и его товарищи сходят. Они сразу же сворачивают вправо: не к морю, а к устью реки Лиелупе. Перед их глазами вырастает большое здание, окруженное величественными соснами. На высокой мачте трепещет красный флаг. На фасаде здания крупными буквами надпись: «Яхтклуб спортивного общества «Даугава».

Стахановец завода «ВЭФ» Альберт Фрейндс на яхте.
Фото А. Моклецова

В 1945 году, в первое послевоенное лето, Альберт Фрейндс вступил в члены яхт-клуба и с тех пор с весны до самой осени все свободное время проводит здесь. С детства полюбил Альберт водный спорт. Много лет в буржуазной Латвии стремился он к тому, чтобы иметь хоть какую-нибудь байдарочку. Но отец из своего скудного заработка не мог оторвать ни копейки, да и сам Альберт ни за что не заикнулся бы об этом. В семнадцать лет молодой Фрейндс поступил на завод. С завистью смотрел тогда Альберт на белокрылые яхты, гордо скользившие по Лиелупе, Даугаве и Киш-озеру. Он даже мечтать не мог, чтобы когда-нибудь самому побыть на яхте. Узкий круг яхтсменов состоял из представителей так называемого высшего общества. На Лиелупе в период фашистской диктатуры Ульманиса был яхт-клуб, но членами его состояли лишь фабриканты, владельцы крупных магазинов.

Сегодня Альберт Фрейндс и его товарищи, как настоящие хозяева, пришли в свой яхт-клуб. Среди трехсот яхтсменов большинство таких же рабочих рижских заводов и фабрик. Альберт — член правления клуба, один из активнейших спортсменов-общественников.

Он направляется в просторный эллинг, где стоят 16 яхт. Все они покрыты свежей краской, тщательно зашпаклеваны и уже готовы к спуску на воду. Вот одна из самых больших яхт в республике — «Титания». На ней можно делать большие морские переходы. Вот «Даугава»...

Многие друзья Альберта чуть ли не с самого рассвета на берегу Лиелупы. Клуб имеет свой дом отдыха, сюда можно приехать в субботу сразу же после работы, переночевать и затем провести здесь целый день. Альберт направляется к небольшой яхточке, на которой он сегодня пойдет по реке. Ему остается закончить такелажные работы. На мачте взметнулся белый парус, ветер сразу же надувает его.

— В добрый путь, дружище! — кричат товарищи.

Рига.

Е. РАТНЕР

На зеленом поле стадиона

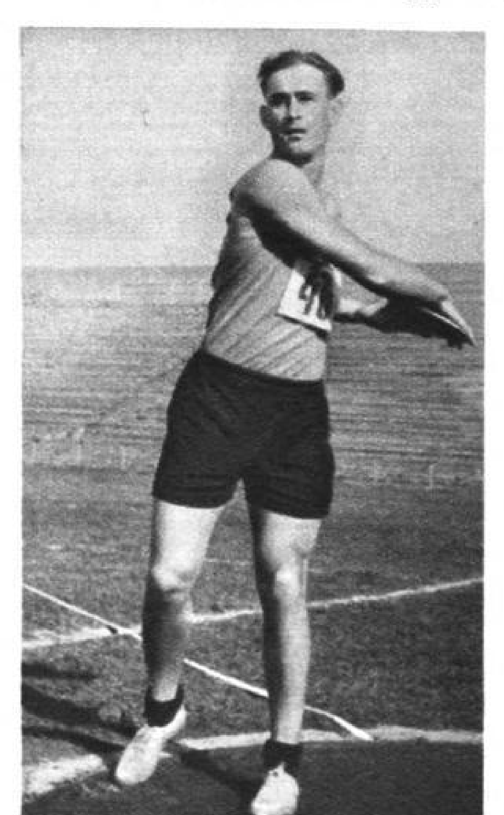
Так условились накануне, выходя с завода:

— С утра на стадион!

И вот молодые, крепкие парни, с бронзовыми от загара лицами, спешат на свой заводской стадион «Дзержинец». Хорошо после трудовой недели провести здесь день, с утра размяться на беговой дорожке, заняться легкой атлетикой или боксом, поиграть в волейбол либо баскетбол, а в полдень «поболеть» за свою заводскую футбольную команду...

Друзья разошлись в разные стороны. Петя Крымов направился к вышке, на которой, озаренный яркими солнечными лучами, полощется шелковый флаг спортивного общества. Тут в тени расположилась группа физкультурников. В центре стоит широкоплечий, мускулистый Александр Швецов, токарь по профессии, посвящающий много времени занятиям тяжелой атлетикой. Рядом с ним стройная девушка. Зовут ее Ирина Куньчи. И она работает на заводе токарем, а сегодня, в воскресенье, Ирина будет заниматься гимнастикой: для нее это любимый отдых. Куньчи — страстная спортсменка, участница всесоюзных соревнований на первенство ВЦСПС.

Тут же мы застали и слесаря-стахановца Владимира Соколова, защитника в одной из многочисленных заводских футбольных команд, и работницу отдела технического контроля Валентину Груздову. Она одета в светлый спортивный костюм. Валентина вместе с другими работницами завода занимается художественной гимнастикой.

В выходной день на стадион «Дзержинец» приходит тренироваться электрик завода транспортного машиностроения В. Д. Аксентьев.

Фото Д. Шевченко

Стадион «Дзержинец», трибуны которого в дни больших спортивных состязаний заполняют 30 тысяч горожан, — один из многих стадионов Харькова.

...Заглянем в это же воскресное утро на другой стадион, туда, где проводят свой выходной день тракторостроители, члены спортивного общества «Торпедо». Вон копье, брошенное рукой девушки в голубой майке, рассекая воздух, вонзилось в землю. Чуть подальше кто-то атакует барьер. Мелькает мяч над сетками волейбольных площадок. Вышли на поле футболисты: они тренируются.

На стадионе ХТЗ мы встретили молодых людей, чьи имена вчера нам называли в цехе, когда рассказывали о здешних героях трудового фронта: слесаря цеха шасси, руководителя комсомольско-молодежной бригады Николая Хроля, токаря цеха приспособлений Николая Ивасюка, контролера ОТК Василия Парченюка и зуборезчика Михаила Арановича. Все они выполняют задания на 250—300 процентов.

Харьков.

А. КАШТАНЬЕР

Арсений Михеевич Малахов в одном из залов Русского музея.

Фото Д. Трахтенберга

Завсегдатай Русского музея

Если вы часто посещали Русский музей, вам должен быть знаком Михаил Федорович Гречин. Скоро исполнится 30 лет, как он занимает пост у тяжелых, массивных дверей и, открывая их, произносит неизменное: «Добро пожаловать!»

Старику за семьдесят, но память у него удивительная. Вглядываясь в лица посетителей, он узнает тех, кто уже бывал здесь. Вот он приветствует невысокого худощавого человека:

— Здравствуйте, рад видеть вас...

О, это старый знакомый! Слесарь завода «Пневматика» Арсений Михеевич Малахов с давних пор в выходные дни регулярно посещает Русский музей. И всякий раз он любит остановиться около Михаила Федоровича и поговорить с ним. Тому есть о чем рассказать: он видел великого Репина, знал Нестерова, Кустодиева, Бродского...

Побеседовав с Гречиным, Арсений Михеевич идет в залы. Путеводитель ему не нужен. Слесарь великолепно знает всю экспозицию и быстро находит любую картину или скульптуру, которую ему хочется сегодня посмотреть.

За те несколько часов воскресного дня, которые Малахов проводит в музее, он успевает побывать лишь в одном — двух залах. Арсений Михеевич и не торопится, потому что приходит сюда часто и каждый раз строит свою экскурсию по заранее обдуманному плану.

Сурикова он готов смотреть тысячу раз, хотя ему уже известна каждая деталь любой суриковской картины, каждый мазок. Вот «Степан Разин». С каким великолепным знанием перспективы выписан челн! Когда проходишь мимо картины, он как бы разворачивается на глазах, удаляясь под могучими взмахами гребцов...

Малахов очень любит живопись, акварель, графику, но больше всего тяготеет к скульптуре. И сейчас он подолгу стоит у шубинских скульптурных портретов, у пименовского юноши, играющего в бабки, у работ Козловского. Слесарь с «Пневматики» не просто любуется мастерством блистательных русских ваятелей, но изучает их искусство как человек, сам уже многие годы занимающийся скульптурой, точнее говоря, резьбой по дереву.

Здесь, в Русском музее, куда Арсений Михеевич приходит как рядовой посетитель, экспонировалась на выставке самодеятельного искусства и его собственная работа — «Пушкин на дуэли». Примечательный это факт: простому советскому человеку, слесарю, открыт доступ в один из лучших музеев мира не только как посетителю, но и как творцу, создателю художественных произведений.

А. ЛЬВОВ

Ленинград.

Дворец калининских рабочих

Солнечное воскресное утро. В просторный вестибюль Дворца культуры вагоностроителей города Калинина вливается первая волна воскресных гостей — школьников. Дети рабочих, ученики подшефной заводу школы собираются на утренник. Учительница Анна Ивановна Иванова выступит перед ребятами с чтением отрывков из произведений советских писателей, лауреатов Сталинской премии. А затем школьники будут смотреть кинофильм «У них есть Родина».

В полдень открываются двери клубной библиотеки. В выходной день особенно велик наплыв читателей. Мастер ОТК Владимир Митрофанович Митрофанов с благодарностью возвращает «Избранное» Мартина Андерсена Нексе и просит «Бурю» Ильи Эренбурга. Старый рабочий-пенсионер Иван Семенович Бугров, прочитавший за последнее время

«Необыкновенное лето» К. Федина, «Ветер с юга» Э. Грина, дождался очереди на книгу Т. Семушкина «Алитет уходит в горы».

Поднимемся с первого этажа на второй. Воскресный день — «страдная» пора в кружках художественной самодеятельности. Из-за плотно закрытой двери доносится хоровое пение. Заводской ансамбль советской песни разучивает новую программу — литературно-музыкальную композицию «Мы за мир».

Музыканты, танцоры, певцы собираются подчас прямо в коридоре или самочинно вселяются в кабинет директора Дворца культуры А. Н. Соболева. Директор разводит руками: «Что поделаешь, в четырнадцати кружках художественной самодеятельности около четырехсот человек...»

Зато просторно в летнем парке, что по соседству с дворцом. Кружится карусель, вниз и вверх взлетают качели. В тени акаций склонились над шахматной доской заядлые игроки — механик Борис Захаров и слесарь Николай Барабанов. Афиша у входа в летний театр извещает о лекции «Происхождение солнечной системы и Земли». Аудитория собирается многочисленная и разнообразная.

Вечереет. В аллеях парка зажигаются фонари. На эстраде — самодеятельный духовой оркестр. Начинаются танцы.

А тем временем заполняются ряды кресел в зрительном зале дворца. В праздничных костюмах, светлых весенних платьях собираются рабочие и работницы на спектакль Калининского драматического театра. Этот театр — частый гость у вагоностроителей. Недавно он показывал спектакль «Воскресение» по Л. Н. Толстому и «Укрощение строптивой» В. Шекспира, сейчас идет «Зеленая улица» А. Сурова.

Поздней ночью гаснут огни во Дворце культуры. Калининские вагоностроители довольны своим воскресным отдыхом.

М. САВИН

Калинин.

Дача Агамали Мурада оглы

В Баку пришло раннее знойное лето, и по воскресным дням на дачи выезжают тысячи людей. От вокзала Баку-Сабунчинской электрической железной дороги, охватывающей весь полуостров, с интервалами в несколько минут отходят переполненные поезда.

В Маштагах, чуть поодаль от асфальтированной дороги, белеет дача старого нефтяника Агамали Мурада оглы — мастера бурения треста «Бузовнынефть».

Агамали Мурад оглы, как и многие его товарищи по работе, арендует у райсовета дачу на 25 лет: дом из двух комнат, виноградник (в прошлом году в нем было собрано полтонны «кара-шааны» — редкого сахаристого сорта, произрастающего только на Апшероне), огород, фруктовый сад с инжирными, вишневыми и абрикосовыми деревьями. И все это стоит нефтянику, который зарабатывает ежемесячно 2500—3000 рублей, лишь 280 рублей в год.

Весной Агамали закончил последние работы по благоустройству дачи. Заново перекрыл крышу, восстановил изгородь, побелил комнаты. Ему, как и многим другим нефтяникам, контора бурения помогла приобрести строительные материалы, предоставила грузовую машину.

И вот под раскидистым абрикосовым деревом, усыпанным зреющими плодами, за столом вся многолюдная семья: мастер, его жена Гюльнися, дочери Мехбуба, Садаф и Судаба, сыновья Вагиф и Рамик — справляют переезд на дачу. Это — второе новоселье: недавно Агамали Мурад оглы получил большую квартиру в поселке нефтяников «Бузовнынефть», выросшем на берегу моря. Оттуда до дачи 15—20 минут езды на электрическом поезде.

Приятно отдохнуть на даче в кругу своей семьи после трудовой недели! А эта неделя была особенно напряженной у мастера. Его цех закончил работу на двух новых сверхплановых скважинах...

После полудня отец со старшими детьми направляется на бузовнинский пляж, а вечером всей семьей они пойдут в кинотеатр.

Так проводит свой воскресный день один из многих тысяч бакинских нефтяников.

А. КИКНАДЗЕ,
Б. МАРТИРОСОВ

Баку.

За город на своей машине

По субботам Александра Ивановича Антоненко, строгальщика Киевского завода контрольно-измерительных приборов, с особым нетерпением ждут дома с работы. За обедом обычно решается вопрос, как провести воскресный день, и мнение главы семейства играет не последнюю роль.

Жена Анна Федоровна, старший сын Юрий — студент университета, младший — пятилетний Валек, да и сам Александр Иванович больше всего любят загородные прогулки. Пробыть день в сосновом бору, на берегу озера — что может быть приятнее? А с тех пор, как Александр Иванович приобрел легковой автомобиль, эти прогулки еще больше полюбились: от центра Киева до живописных окрестных мест на машине словно рукой подать...

Александр Иванович возвращается с завода к пяти часам. К приходу мужа Анна Федоровна заканчивает приготовление обеда. Из кухни доносятся ароматные запахи украинского борща и только что испеченного пирога.

За обедом «семейный совет» единодушно решает завтра с утра отправиться на прогулку в Святошино. Правда, кто-то высказал сомнение насчет погоды, но его рассеивает Валек, самый страстный поклонник поездок за город:

— Теплая будет погода.— И добавляет: — Сам по радио слышал...

Воскресное утро. Солнце уже поднялось высоко. У крыльца стоит «москвич».

Александр Иванович в последний раз проверяет, все ли уложено: закуски, вино, патефон, пластинки, гитара, домино, удочки...

Пришла уже и Нина — студентка Киевского университета, невеста Юры. Теперь можно тронуться в путь.

— Поехали, поехали! — торопит отца малыш.

И вот город остался позади. Потянуло свежей прохладой леса. Машина сворачивает с шоссе на проселочную дорогу. Это Святошино, дачный пригород Киева.

Александр Иванович тормозит у опушки густого соснового бора.

Легкий ветерок, чуть шевеля листвой, доносит медовый запах лип. Под кустами папоротников тут и там мелькает земляника. Семья Антоненко направляется к давно облюбованному месту в тени столетнего красавца дуба.

К ней тут же присоединилось еще несколько семей рабочих. Шумно и весело в кругу друзей, расположившихся вокруг разостланной на траве скатерти. Хозяйки расставили яства, заготовленные на выходной. Подняты стаканы с вином за здоровье жениха и невесты.

Когда спала жара, уже под вечер, вся компания отправилась на прогулку по озеру.

Л. ГАЛИНСКИЙ

Киев.

До живописных мест на машине словно рукой подать...
Фото Г. Угриновича

Пасека семьи Калашниковых

Несказанно красив в пору весеннего цветения древний Владимир. Словно широкой лентой, опоясан он вишневыми садами. Они приютились возле домов, привольно раскинулись на склонах холмов. Среди деревьев мелькают ульи. Многие рабочие Владимира посвящают пчеловодству выходные дни.

...Рано утром, когда восходящее солнце осыпает дорожки и сады дождем золотых бликов, из дома выходит Виктор Александрович Калашников. Еще вчера, в субботу, приехав с завода и заглянув в сад, он заметил непорядки на пасеке: показалось ему, что пчелки-«воровки» таскают из соседнего улья мед. И сегодня с утра Виктор Александрович прежде всего направился в глубину сада, где под сенью яблонь и вишен стоят четыре пчелиных домика.

Для В. А. Калашникова с владимирского завода «Автоприбор» пчеловодство — любимый отдых. В выходные дни Виктор Александрович и его жена Мария Степановна проводят по нескольку часов на пасеке. После трудовой недели приятно побыть в своем садике, повозиться с пчелами.

— Вот поглядите, — говорит нам Калашников, — мед первой откачки, ивовый, собранный пчелами в дни цветения ивы. Это второй случай в моей практике, когда мы снимаем ивовый мед.

— А вы уже давно занимаетесь пчеловодством?

— Больше десяти лет. Столько же лет и саду. Вот эти вишни,— Виктор Александрович нежно погладил ствол ближайшего деревца,— я помню совсем крохотными. Бывало, скворец сядет и до земли согнет такое «дерево», а сейчас вон какие красавцы стоят...

Сегодняшний выходной день Виктор Александрович и Мария Степановна решили посвятить осмотру ульев. Надо добавить в них рамы с сотами и искусственной вощиной. К тому же пора и новые ульи готовить. Калашниковы собираются отроить несколько новых пчелосемей. Теперь желающих завести свои пасеки в городе становится все больше, молодые отводки берут нарасхват.

Наступает вечер, а Виктор Александрович все не уходит с пасеки. Уже несколько раз напоминала ему жена:

— Пора кончать!

Но как оторвешься от любимого дела!

М. ГРОМОВА

Владимир.

СУХУМИ. Железнодорожная платформа Бараташвили.

БОРЖОМИ. Общий вид курорта.

НА ОЗЕРЕ РИЦА. Абхазия.

Фото Г. Размадзе

ЗА МИР!

Воля народа

(Письмо из Будапешта)

Андор ТАБОРИ

Воззвание в защиту мира, начавшее свой путь из Стокгольма несколько недель назад, дошло до сердца народов. Оно дошло и до венгерских городов и сел, стало известно во всех уголках нашей страны, всем честным людям, любящим жизнь и творческий труд.

...Во дворе дома № 21 по шоссе Юллей после полудня собрались жители всей округи — женщины с детьми на руках, мужчины, парни, девушки. Под деревьями устанавливаются скамьи. Никакого «порядка дня» собрания никто не устанавливал. Все сказано надписью на плакате, протянутом между деревьями: «Дело мира — кровное дело каждого из нас!»

Те, кто держали речи во дворе № 21, говорили просто, от души и больше всего о будущем детей, которые, притихнув, столпились вокруг взрослых и внимательно слушали. Люди говорили о стране, восстановленной из развалин, в которой стало легко дышать,— эту страну они никогда не отдадут под пяту новоявленных завоевателей мира. «У нас есть родина, мы защитим ее своей грудью, если понадобится. Но пока можно сорвать их планы, надо их срывать»,— так говорили ораторы.

После митинга у стола выстраивается длинная очередь. Кто-то громко говорит:

— Первую подпись под воззванием Постоянного комитета поставил наш Матиас Ракоши.

— Хорошее имя для начала! — слышится в ответ из группы юношей и девушек. Керней Рожоне твердой рукой ставит свою подпись и говорит:

— Мой сын погиб на войне, я буду бороться за мир.

Портниха Габриелла Варга давно мечтает поступить в университет и стать врачом.

— Если не будет войны, я смогу осуществить свою мечту,— заявляет она, подписывая воззвание.

Люди разные, различны их возрасты, быт, образование. Тысячи своих мыслей, личных мотивов, надежд и планов связывают они со словом «мир»; как крепкий цемент, это простое слово соединило их в единую силу, которой нет преград.

В первых же сообщениях говорилось: число подписей превысило два миллиона. Трудящееся население ряда деревень полностью подписалось под воззванием за несколько часов. Между предприятиями, жилыми домами началось соревнование: кто первым придет с рапортом,— все до одного подписались за мир!

Митинг на заводе «Венуу».

— Я пережила две войны,— говорит работница Х. Яношне.— В первой войне погиб муж, во второй — мой единственный сын. Я вместе со всеми буду делать все, чтобы те, за океаном, не смогли зарабатывать доллары на крови наших детей...

Агитаторы ходят от квартиры к квартире, от станка к станку. Поток подписей за мир течет, как могучая река.

В цехах чепельского комбината имени Матиаса Ракоши сразу же после митинга был создан первый местный комитет в защиту мира. На митинге выступали стахановцы, представители технической интеллигенции.

— Мы хотим выразить нашу волю к миру делами,— заявил инженер комбината, лауреат премии Кошута, Кароль Переди.— Используя опыт Советского Союза, мы увеличим и улучшим производство. Это будет нашим ответом на подлые провокации империалистов.

Рабочий Северных железнодорожных ремонтных мастерских Дюла Салонтай сказал с трибуны собрания:

— Мы с каждым днем работаем все лучше. Здесь, у станков, мы боремся против планов поджигателей войны.

Литейщики завода Маваг взяли на себя трудовые обязательства в защиту мира; формовщица Клеменц Якабне обязуется выполнять нормы на 210 процентов, Штумф Антальне — на 180.

Кулаки в деревне и церковная реакция пытаются помешать всенародному движению за мир. Приходской священник в селе Дуннок повесил над дверью объявление: «Политикой не занимаемся». В селе Эстерхаза католический священник Лайош Комароми уклонился от подписи под тем предлогом, что он «не получил указаний от вышестоящих церковных инстанций». Народ клеймит священников, отказывающихся подписать воззвание, метким и крепким словом: их называют «попами войны», «атомными монахами».

В своем стремлении к миру трудящиеся Венгрии сметают со своего пути врагов народа — кулаков и «духовных» прислужников поджигателей войны.

Сбор подписей под воззванием Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира закончился. Свыше 7 миллионов венгерцев подписало воззвание. Однако борьба за мир продолжается. Это борьба за победное выполнение пятилетнего плана, за счастливое будущее венгерского народа.

Запретить атомную бомбу!

В Австрии, как и во всех других странах, кровные жизненные интересы народа связаны с миром. И хотя реакционные элементы, подталкиваемые англо-американскими империалистами, пытаются разжечь в стране военную истерию, голос сторонников мира все громче звучит в Вене, Граце, Винер-Нойштадте, во всех больших и малых городах и в селах Австрии.

Комитеты сторонников мира, созданные не только на заводах и фабриках, но и в отдельных домах, заняты сейчас сбором подписей под воззванием Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Эта кампания проводится в Австрии под лозунгами безусловного запрещения атомного оружия, сплочения сил трудящихся для борьбы с поджигателями войны и их пособниками.

Одними из первых в Австрии подписали воззвание рабочие и служащие фирм «Герц» и «Лизинг» и кожевники Штадлау. Сбор подписей развертывается по всей стране.

На снимке: рабочие и инженеры завода Вагнер-Биро ставят свои подписи под воззванием Стокгольмской сессии.

Фото Д. Каспия

Благородный документ

День матери, который недавно отметила вся Чехословакия, прошел под знаком усиления борьбы за мир, за социализм. В этот день во всех уголках Праги появились киоски, украшенные цветами. Здесь каждый мог подписать воззвание Стокгольмской сессии. Во многих местах около киосков собирались группы людей, горячо обсуждавших волнующую тему дня — борьбы за сохранение мира.

— Мы присоединяемся к призыву Постоянного комитета о запрещении атомного оружия, потому что это благородный человеческий документ, выражающий наши мысли и желания,— так говорят чехословацкие женщины.

В День матери министр труда и социального обеспечения Чехословакии Э. Эрбан принял группу матерей. Во время приема в кабинете министра женщины подписали резолюцию в защиту мира.

На снимке: мать семерых детей Ольга Крначева из Словакии подписывает резолюцию в защиту мира. Рядом — Франтишка Шкрабалова из Угерского Градиштя, мать десяти детей.

Фото Чехопресс

Массовый митинг в Виктория-парке (Лондон). Лондонские докеры голосуют за объявление забастовки.

Народ Англии против войны

Недавно в Лондоне происходил военный парад. Две тысячи солдат направлялись к Трафальгарской площади. Когда колонна приблизилась к Гайд-парку, навстречу солдатам вышли женщины с плакатами, на которых было написано: «Мир!». Женщины, подбадриваемые сочувственными возгласами тысяч собравшихся лондонцев, влились в ряды солдат. Растерявшиеся полицейские долго не могли навести «порядок». Одна из участниц демонстрации сказала: «Последняя война лишила меня мужа. Я не хочу, чтобы мои дети перенесли то же, что пришлось перенести мне. Этот парад — часть подготовки к войне. Мы не хотим войны, мы требуем мира!».

В середине мая в Ливерпуль на торжественное богослужение, устроенное для солдат местного гарнизона, приехал поджигатель войны фельдмаршал Монтгомери. И тотчас на мостовой, вокруг собора, где должно было состояться богослужение, появились сделанные мелом надписи, призывающие к защите мира.

Во время богослужения близ собора собрались тысячи ливерпульцев. Начался митинг в защиту мира. Как только служба кончилась и солдаты вышли на улицу, на них посыпались листовки, требующие прекращения гонки вооружений и запрещения атомной бомбы.

Металлисты Шеффильда и докеры Глазго, студенты и священники, домашние хозяйки и ученые — люди самых различных профессий, взглядов, политических убеждений ставят свои подписи под воззванием Стокгольмской сессии.

Английский комитет защиты мира распространил 400 тысяч бланков, воспроизводящих воззвание Стокгольмской сессии. Но этого оказалось мало.

Жительница Нью-Молдена (Суррей) Р. Бартон, подписывая воззвание, сказала:

— Я могла бы подписать его сто раз. Долг каждого из нас — предотвратить войну! Мой муж остался инвалидом в результате ранений, полученных еще в первой мировой войне.

Во многих городах Англии прошли многочисленные митинги в защиту мира. На заводах рабочие с готовностью подписывают воззвание.

Престарелый пенсионер из города Молдон (графство Эссекс) Уильям Ласт ходит с воззванием по квартирам. Он собрал 105 подписей. Домашняя хозяйка из Майл-Энда (Восточный Лондон) собрала подписи жительниц своего квартала.

В движение сторонников мира вливаются новые и новые тысячи англичан, протестующих против преступной политики развязывания войны, которую ведет англо-американский агрессивный блок.

«Это — хорошее воззвание, подпишите его»

Двенадцатилетняя гражданка Марселя школьница Луиза аккуратно переписала текст стокгольмского воззвания в свою лучшую тетрадку и отправилась по домам квартала.

— Я тоже буду собирать подписи. Так дело пойдет быстрее, — сказала Луиза матери.

Каждый раз, когда на ее стук открывалась дверь, она говорила:

— Не хотите ли вы подписать? Это — очень хорошее воззвание.

Тетрадка Луизы заполнилась подписями жителей... Ее примеру последовали школьники Марселя и многих других французских городов.

Женщины Франции решили собрать полмиллиона подписей под стокгольмским воззванием. Недавно с острова Реюньон во французский Комитет мира пришло письмо, подписанное 155 матерями, имеющими по пять и больше детей. «Пусть раз и навсегда будет покончено с угрозой, нависшей над нашими детьми, над школой, над хлебом», — заявляют жительницы острова.

Всюду отцы и матери подписывают воззвание не только за себя, но и за своих детей. Так, мать восьмерых детей, Перрютель, на бюллетене, воспроизводящем воззвание, сделала такую приписку: «Я подписываюсь за себя и за своих восьмерых детей. Я хочу, чтобы они избежали участи, постигшей моего брата, которого застрелили гитлеровцы». Подобную приписку сделали и супруги Ледрю: они подписали воззвание от своего имени и от имени своих двенадцати детей.

Женщины департамента Сена отправили докерам порта Шербура, отказавшимся разгружать военное оружие, несколько ящиков с продуктами. Среди провизии, полученной докерами, были и подарки из Вийет-оз-Он, от детей, чьих родителей расстреляли гитлеровцы. Сироты отказались от пайка, который им полагался, чтобы послать его шербурским борцам за мир.

Мир, работа, хлеб!

(По страницам прогрессивных американских газет)

ДЕТРОЙТ В ЭТИ ДНИ

В эти дни на улицах Нью-Йорка, Чикаго, Детройта, Филадельфии, Бостона и многих других городов Америки можно встретить активистов движения за мир. Группами и в одиночку собирают они подписи под воззванием о запрещении атомной бомбы.

Двое молодых рабочих несут по главной улице «города автомобилей» Детройта плакат: «Своей подписью сбросьте мирную бомбу на письменный стол президента Трумэна». Прохожие останавливаются, читают. Им вручают бюллетень с небольшим, но выразительным текстом: «Запретить атомную и водородную бомбу! За немедленные переговоры с Советским Союзом по вопросам мира и разоружения! Я голосую за мир!».

Несмотря на запугивание и террор реакционеров, тысячи рабочих заводов Форда в Детройте уже откликнулись на этот призыв. По требованию рабочих руководители местной профсоюзной организации, объединяющей 65 тысяч человек, отказались повиноваться реакционной верхушке профсоюза рабочих автомобильной промышленности США и подписали петицию, начинающуюся такими словами: «Президент Трумэн и Конгресс Соединенных Штатов! Мы, рабочие и работницы штата Мичиган, которые вместе со всеми американскими рабочими в случае войны понесем наибольшие жертвы, настоящим требуем...» Далее в петиции излагается требование о немедленном запрещении атомного оружия, о прекращении «холодной войны» и о сотрудничестве с Советским Союзом. Под петицией поставили свои подписи руководители профорганизаций заводов Форда — Томас Томпсон и Карл Стеллато, вице-председатель Пет Райс, секретарь Вильям Худ, казначей Дж. Грант, а также профорганизаторы многих цехов — литейного, моторного, прессового, инструментального, стекольного и других.

СЛОВО АМЕРИКАНСКИХ ЖЕНЩИН

...Филадельфия. Группа женщин — белых и негритянок — образовала женский комитет борьбы за мир. Почин этот встретил исключительно широкий отклик среди населения города. Вскоре комитет смог напечатать тысячи экземпляров петиции в защиту мира и начать сбор подписей. В первые же дни было собрано в городе 10 тысяч подписей. Это вызвало бешеную злобу реакционеров, которые стали травить застрельщиц движения за мир. Платный агент Уолл-стрита, радиоврäль Уолтер Уинчел в одной из своих радиопередач обрушился на женский комитет с площадной бранью. Отвечая Уинчелу, председательница комитета Эстелла Шоэн заявила:

«Мы хотим, чтобы субъекты, подобные Уинчелу, раз и навсегда поняли, что американские женщины, каких бы политических взглядов они ни придерживались, полны решимости не допустить новую войну. Я сама мать четырех детей и не могу ограничиться только словесным пожеланием, чтобы они выросли в мирной обстановке».

Недавно в штаб-квартиру Организации Объединенных Наций в Лейк-Саксессе явилась делегация женщин из штатов Новой Англии. Они доставили в секретариат ООН ящик с 7 тысячами подписей под требованием о запрещении атомной бомбы.

Одна из делегаток, молодая негритянка Эдна Браун, сказала:

— Я прибыла сюда требовать от имени негритянского народа, который поставлен в условия граждан второго сорта, чтобы Соединенные Штаты положили конец «холодной войне»...

«У НАС ЕСТЬ СВОЕ МНЕНИЕ!..»

Некоторое время назад газета прогрессивной партии «Нейшенел гардиан» провела опрос жителей негритянского гетто в Нью-Йорке — Гарлема — об их отношении к войне.

— Когда мои сыновья вернулись с войны, — сказала старая работница Стелла Виллеймер, — они предпочитали держать язык за зубами. Но у меня сохранились их письма, в которых они с возмущением писали об унижениях и бесчеловечном отношении, которым они подвергались в армии. Нелегко будет заставить кого-либо из наших мужчин надеть солдатский мундир для новой войны!

Газета отмечает, что многие американцы в результате царящего в США террора с неохотой отвечают на анкету о своих взглядах и мнениях.

— Ну и вопрос! — сказал корреспонденту «Нейшенел гардиан» на 8-й авеню один негритянский рабочий. — Да, у меня есть свое мнение о войне. Но, судя по тому, что сейчас пишут газеты, если у вас есть какое-либо мнение, то лучше его держать при себе, иначе вас посадят за решетку... Что касается моего мнения, — сказал он далее, подумав, — то это очень серьезное мнение... Если я захочу воевать, то мне для этого нет надобности отправляться далеко.

По признанию многих членов американского конгресса, они за последнее время получают десятки тысяч писем, авторы которых, рядовые американцы, рабочие, фермеры, клерки, врачи, учителя, требуют прекращения гонки вооружения, запрещения атомного оружия, урегулирования отношений с СССР, признания Китайской народной республики. Хотя фронту сторонников мира в США еще приходится преодолевать большие трудности, — с каждым днем все более широкие слои американского народа проникаются сознанием необходимости вести активную борьбу за мир, чтобы обуздать поджигателей войны.

На заводе, где работал М. И. Калинин

Город Таллин. Улица Копли. Когда подходишь первый раз к приземистому зданию паровозо-вагоноремонтного завода, тебя невольно охватывает волнение.

По этой неширокой улице почти пятьдесят лет назад ежедневно ходил на работу молодой токарь Михаил Калинин. Он не спеша поднимался на крылечко проходной, шел по большому двору мимо стоящих на путях старых вагонов и паровозов. Затем входил через широкие ворота в одноэтажный колесный цех. Приветливо здоровался с товарищами и становился за свой станок. Рядом за таким же станком стоял эстонец Густав Каллас. Обменивались малозначащими фразами:

— Приятная сегодня погода, Михаил Иванович.

— Славная погодка, дорогой Густав.

Для других разговоров — о тяжелой рабочей доле, о том, каким путем добиваться честным труженикам счастья, — место не здесь. Уж очень пристально смотрит на Калинина подозрительный тип, появившийся в цехе несколько дней назад. По всему — по рукам и лицу, по тому, как он неумело выполняет несложные обязанности подручного, — видно, что это за птица.

— Ничего, дорогой Густав, побеседуем вечером.

...Сейчас над заводскими воротами висит вывеска, на которой по-эстонски и по-русски значится: «Таллинский паровозо-вагоноремонтный завод М. П. С. им. М. И. Калинина».

Колесный цех. Чуть в стороне от главного прохода станок, обнесенный металлической решеткой. Вокруг него земляной пол посыпан чистым желтым песком, много цветов. На стене мемориальная доска, говорящая о том, что на этом станке в 1902—1903 годах работал токарем член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин.

А вот и Густав Каллас. В феврале нынешнего года общественность завода отметила 50-летний юбилей его работы на заводе. Приказом министра путей сообщения старому рабочему присвоено звание техника-лейтенанта. Густав Каллас с большой теплотой вспоминает своего бывшего товарища по цеху:

— Не виделись мы с Михаилом Ивановичем более сорока лет. Вскоре после окончания войны я был у товарища Калинина в Кремле. Только вошел в приемную, а Михаил Иванович услышал мой голос и направился ко мне навстречу. Долго я был в Кремле. Михаил Иванович обо всем расспросил: как живу, как мое здоровье, что нового на заводе. Вспомнил рабочих, с которыми мы вместе работали. Замечательная у него была память. Я фамилии многих товарищей позабыл, а товарищ Калинин всех помнил, как будто вчера ушел из цеха.

Сейчас в старом цехе жизнь идет по-новому. Залечены раны, нанесенные гитлеровскими оккупантами. Завод не только восстановлен — он почти заново реконструирован.

Начальник колесного цеха тов. Ильвес говорит:

— Все рабочие нашего цеха — стахановцы. Есть у нас и выдающиеся производственники. Две и даже три нормы за смену — для них не исключение, а правило. Иначе в нашем цехе нельзя работать. Ведь мы калининцы!

3 июня — четвертая годовщина со дня смерти Михаила Ивановича Калинина. Старики, работавшие на заводе вместе с М. И. Калининым — Густав Каллас, Бернхард Бергтрюн,— часто рассказывали молодежи о незабываемых годах, когда за станком рядом с ними стоял молодой токарь Михаил Иванович.

А. НИКОЛАЕВ

За этим станком работал М. И. Калинин. Справа — Б. Ю. Бергтрюн.

Фото Ал. Крумина

Декада дружбы

Беседа с эстонским писателем лауреатом Сталинской премии Гансом Леберехтом

Это было незадолго до декады эстонской литературы в Москве. В небольшом городке, вернее сказать, поселке Рапла я встретился с местной интеллигенцией. Мы собрались в здании средней школы и долго беседовали. Моих собеседников по-настоящему волновала наша поездка в Москву. Как примет столица эстонских гостей, как отнесется к их творческому отчету?..

Сегодня, когда декада уже позади, мы можем сказать своим дорогим землякам: «Столица нас встретила хорошо». Мы были желанными гостями. В Колонном зале Дома союзов и в клубе машиностроительного завода, в Военно-политической академии имени В. И. Ленина и в Академии общественных наук — всюду с большим вниманием слушали наши стихи, рассказы, песни. Мы воочию убеждались, что жители Москвы живо интересуются литературой Эстонии, путями ее развития, радуются ее успехам.

На вечере, посвященном декаде эстонской литературы. Выступает Ганс Леберехт.

Это была декада нерушимой дружбы, той самой дружбы, что проявляется во всех областях нашей жизни. Ведь каменщики Кохтла-Ярве используют опыт ленинградцев, киевлян и тбилисцев, ткачихи Кренгольма ведут переписку с Лидией Кононенко, а новаторы торфо-брикетной фабрики «Тоомси» поддерживают неразрывную связь с торфяниками Урала и Сибири. И мы, эстонские писатели, крепим дружбу с нашими русскими товарищами, учимся у них, стремимся перенять самое ценное и хорошее, что есть в русской литературе. Это было всегдашним стремлением прогрессивных эстонских писателей. Наш известный литератор конца XIX века Михкел Веске, скорбя по поводу кончины Ивана Сергеевича Тургенева, писал: «Русская слава — это и эстонская слава, русская радость и русская боль — это также эстонская радость и эстонская боль».

Эстонская литература имеет свои национальные традиции. Неувядаемый эпос «Калевипоэг», собранный и обработанный Ф. Крейцвальдом, патриотическая лирика Лидии Койдула, произведения классиков-реалистов Юхана Лийва, Эдуарда Вильде, Антона Таммсааре, пролетарских писателей О. Мюнтера, Иоханнеса Вареса-Барбарус, Ю. Лилиенбаха, В. Бука, И. Лауристин - Мадарика составляют наш золотой фонд, которым мы по праву гордимся. Но мы называем нашим золотым фондом и лучшие произведения русских дореволюционных и советских авторов. Ибо залог мощного развития нашей национальной литературы в творческом общении со всей многонациональной культурой Советской страны.

Идя по горячим следам событий, вызванных социалистическими преобразованиями в советской Эстонии, наши литераторы создали ряд удачных произведений. Как разведчик, который, пытливо изучая местность, намечает пути для наступательного движения пехоты, так и писатель обязан сегодня увидеть и показать другим те ростки, которые в будущем пышно заколосятся. На этой основе зиждется творчество нашего выдающегося драматурга Августа Якобсона. Его пьесы «Жизнь в цитадели» и «Два лагеря» пользуются популярностью во всем Советском Союзе. Жизнь эстонского сланцевого бассейна нашла свое отражение в повести О. Тооминга «Шахта живет». Сейчас этот же автор написал роман о сталинском плане преобразования природы—«Зеленое золото». Жизнь рыболовецкой артели, взаимоотношения руководителя и коллектива легли в основу пьесы Ааду Хинта «Куда идешь, товарищ директор?». Новое отношение к труду — тема рассказов Рудольфа Сирге.

За последнее время наметился явный рост и в развитии нашей поэзии. Юхан Шмуул, Пауль Руммо, Март Рауд, Дебора Вааранди, Айра Кааль, Ральф Парве, Феликс Котта темы своих произведений черпают из новой, счастливой жизни своего народа.

Серьёзным достижением нашей поэзии явилась «Эстонская поэма» Ю. Шмуула, написанная к семидесятилетию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина. Эта поэма посвящается великому вождю советского народа, под чьим водительством Эстонская советская республика уверенно идет к коммунизму.

Писатели и поэты Эстонии не собираются успокаиваться на достигнутом. То, что сделано,— это только начало. Молодая советская эстонская литература на верном пути. Она приближается к своей счастливой юности, пройдя суровое младенчество в годы Великой Отечественной войны. Сегодня наша основная задача — борьба за мир. И мне хочется привести страстные строки Юхана Шмуула:

Мы за мир, как на фронте
солдаты,
До победы бороться готовы;
Пусть грохочет, как грома
раскаты,
Властный призыв наш
снова и снова:
Мир народам земли!

«Гималаи книг»

Студент Ереванского университета пишет дипломную работу об американской экспансии на Дальнем Востоке. Ему нужна специальная литература, которую может указать только квалифицированный библиограф. И он обращается в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Сюда же пишет доктор физико-математических наук с просьбой выслать ему список новейшей литературы на тему «Развитие представлений о пространстве и времени».

Множество людей, по словам президента Академии наук СССР С. И. Вавилова, находятся «перед Гималаями библиотек в положении золотоискателя, которому надо отыскать крупинки золота в массе песка. Библиографы приходят на помощь «золотоискателям».

Запросы в библиотеку имени В. И. Ленина поступают из Абакана Красноярского края, Сургут Ханты-Мансийского национального округа, из Дудинки за Полярным кругом, закарпатского Ужгорода, из сел Амурской области. В библиотеку обращаются партийные и советские учреждения, научные организации, вузы, издательства.

В стенах библиотеки ведется кропотливая справочно-библиографическая работа. В распоряжении библиографов 13-миллионный фонд Ленинской библиотеки, в том числе 90 тысяч томов специальной Центральной справочной библиотеки. Здесь работают консультанты разных профилей: инженеры, экономисты, историки, юристы, филологи.

Библиотека дает в течение года по всем своим отделам более 100 тысяч библиографических справок.

Некоторые справки, высылаемые иногородним корреспондентам, включают тысячи названий книг. Например, библиографическая справка по теме «История карело-финского народа», составленная по просьбе Научно-исследовательского института языка и литературы Карело-Финской республики, содержит 4 тысячи названий.

Библиотека имени В. И. Ленина ориентирует читателя, от профессора до рядового колхозника, в книжных лабиринтах, помогает каждому в соответствии с уровнем его подготовки и развития выбраться на широкую дорогу подлинно научного познания действительности.

Д. ДМИТРИЕВ

В отделе библиографической справки Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Старший библиограф А. Д. Рклицкая разыскивает литературу для выдачи справки.

ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ ЛЬВОВА

Научная конференция, посвященная итогам деятельности женщин - ученых за прошлый год, состоялась во Львове. В ней участвовало свыше 800 человек. Было заслушано около 100 докладов, 46 из них сделали женщины — научные работники львовских институтов: медицинского, ветеринарного, охраны материнства и младенчества и других. Большой интерес представили выступления докторов медицинских наук, профессоров А. М. Радыгиной, З. З. Заликовской, Л. А. Черной. Наиболее ценные доклады будут напечатаны в специальном сборнике.

ЦВЕТУТ САДЫ В ПОВОЛЖЬЕ

На окраине Куйбышева, в поселке Зубчаниновка, стоит маленький домик, окруженный яблонями и вишнями. Сейчас, когда все кругом цветет и благоухает, он кажется особенно уютным и приветливым. Здесь живет садовод Петр Максимович Митюсов. Ему 65 лет, но это еще бодрый, подвижный человек, полный сил и энергии.

27 лет назад П. М. Митюсов создал Куйбышевский плодовый питомник и с тех пор бессменно руководит им. Колхозы области ежегодно получают из питомника большое количество посадочного материала — свыше 4 тысяч корней яблонь и груш, преимущественно мичуринских сортов, и около 60 тысяч кустов вишни, сливы, смородины, крыжовника, малины. Но не только эти, издавна выращиваемые в Поволжье плодовые культуры можно найти в питомнике. К услугам любителей есть и лозы винограда. Сейчас в питомнике выращивается около трехсот сортов плодовых и ягодных культур, в том числе виноград: «мадлен анджевин», шасла белый, розовый и мускатный, сеянец «маленгра Мичурина» и другие. П. М. Митюсов — не только опытный практик-садовод, но и селекционер. Он вырастил три сорта зимостойкого винограда. Вот уже более десяти лет, как эти пока безыменные сорта, не будучи прикопаны, хорошо переносят суровые зимы Поволжья.

Старый селекционер П. М. Митюсов неутомим в своих исканиях. Сейчас он испытывает около сорока сортов яблонь и груш, полученных из сеянцев. В тепличных условиях Петр Максимович получает лимоны, апельсины. Небезуспешны его опыты по выращиванию инжира в открытом грунте.

Усилиями куйбышевских мичуринцев расцветают сады в Поволжье. В нынешнем году в питомнике заложены 38,5 тысячи черенков смородины, высеяны 66,5 тысячи яблонь и груш.

Н. БОРИСОВ

Садовод П. М. Митюсов у молодой груши, начавшей впервые цвести в этом году.

Фото В. Старцева

ШКОЛА ЗА НАРВСКОЙ ЗАСТАВОЙ

За Нарвскими воротами в саду стоит школьное здание, увенчанное вышкой обсерватории.

Это первая из школ, построенных после революции в Ленинграде. В саду, выращенном самими учащимися, есть липы, начавшие свою жизнь вместе со школой, и молодые деревца, посаженные в прошлом году...

Как всегда в июне, здесь полно школьниц: они собираются, чтобы еще раз проверить друг друга, а после экзаменов обменяться впечатлениями. У десятиклассниц идет разговор о будущем. Нередко сюда заходят и «старики» — питомцы школы, ставшие инженерами, врачами, учителями, студентами, но попрежнему считающие этот садик своим.

Каждый день на стол директора школы А. Б. Антоновой кладут папки с ученическими тетрадями. Серьезные, грамотные работы говорят о прочных знаниях школьниц, об их большом кругозоре, начитанности и творческом мышлении. В этом году опять немало выпускниц 384-й школы получат золотые и серебряные медали.

Вот сочинения по литературе. Большинство десятиклассниц избрали тему о созидательном труде советских людей. Она особенно близка и понятна школьницам Нарвской заставы.

Из окна класса видна Тракторная улица, ровесница школы. Направо высятся корпуса прославленного Кировского завода, где трудятся знаменитые путиловские сталевары, прокатчики, тракторостроители. Налево, рядом с Дворцом культуры имени Горького, поднялась вышка будущей станции метрополитена — здесь под землей проходчики пробиваются вперед. Напротив школы заканчивается сооружение огромного жилого дома. Разве труд отцов и матерей учениц — рабочих, мастеров, конструкторов, технологов Кировского завода — не материал для яркого сочинения о творческом труде?

«Давно прошли времена «лишних» людей, не знавших, куда приложить свои силы,— читаем в сочинении Нины Кулаковой.— В Советском Союзе каждому открыты широкие возможности трудиться на стройке величественного здания коммунизма».

Сочинения школьниц посвящены новым людям Советской страны. О них писал при рождении этой школы Максим Горький.

Простая ученическая тетрадь, в которой сделана запись великим Горьким, лежит в кабинете директора.

«Прекрасное впечатление вызывает эта школа,— писал Алексей Максимович в конце первого учебного года школы-новостройки,— и хорошо убедиться в том, что рабочий класс не щадит сил и средств для того, чтобы дети выросли действительно «новыми» людьми».

Анри Барбюс писал об этой школе:

«...Передо мною еще одно достижение советской власти, и я говорю: браво и спасибо! Дети и молодежь Советского Союза будут хорошо вооружены, чтобы продолжать совершенствовать и расширять революционное дело своих отцов!».

А. МАТВЕЕВ

Теплоход строится за 28 дней

Теплоходы у причалов Московской судоверфи.

Фото Г. Алексеева

На Москве-реке, недалеко от Центрального парка культуры и отдыха, расположена Московская верфь министерства речного флота.

Это небольшое предприятие выпускает 150-сильные буксирные теплоходы, постройка которых производится поточным методом.

...Готовый теплоход плавно сходит с берега на воду. Закончены ходовые испытания. Огромный плавучий кран легко поднимает его из воды и ставит на железнодорожную платформу. Судно, построенное на Московской судоверфи, отправляется к месту назначения.

На Иртыше и Оби, Северной и Западной Двине, Каме и Белой теплоходы с маркой «МСВ» водят караваны барж, плоты с лесом. И оттуда в столицу, на судоверфь, шлют письма речники различных бассейнов, единодушно отмечая высокие качества московских теплоходов.

Создание этих судов — серьезная победа отечественного судостроения. Они дешевы в постройке, удобны и экономичны в эксплуатации. Если буксирный пароход обслуживает команда в восемнадцать человек, то экипаж теплохода — всего шесть человек. Небольшая осадка корпуса позволяет судам заходить в самые мелководные реки, что крайне важно для освоения новых водных путей.

По удобству и простоте управления московские теплоходы могут быть сравнены с автомобилем. В отличие от буксирных пароходов, где команды передаются с мостика в машинное отделение через переговорную трубу, здесь все управление осуществляется из рубки. Капитан может, выключив газ, мгновенно застопорить судно или переключить скорость с «полный вперед» на «полный назад».

Над созданием нового типа судна много потрудился коллектив конструкторов министерства речного флота во главе с инженерами С. Д. Воздвиженским и Н. М. Турковым. Мастер верфи М. А. Горетов, особенно отличившийся в организации скоростного строительства теплоходов, вместе с конструкторами удостоен Сталинской премии.

Коллектив верфи настойчиво добивается сокращения срока постройки судов. И не безуспешно. В прошлом году создание теплохода длилось 40 дней, а теперь — 28.

Опыт москвичей освоен и на других верфях министерства речного флота.

М. САВИН

Дневник ОГОНЬКА

В ТАЕЖНОМ ГОРОДЕ ШАХТЕРОВ

В одном из районов глухой тайги, что тянется по западному склону Уральского хребта, лет двадцать назад появились геологи. Прошли годы неутомимых поисков, научных исследований, многократных проверок, смелых догадок. И вот на месте барака разведчиков недр появились первые домики. Год назад картографы зафиксировали появление на Урале нового города, Гремячинска, города шахтеров. 4 июня здесь традиционный праздник. 3 июня 1944 года в газетах была опубликована телеграмма товарища И. В. Сталина, поздравившего рабочих, инженеров и служащих треста Кизелшахтстрой и комбината Молотовуголь с окончанием строительства и вводом в эксплуатацию шести Гремячинских угольных шахт мощностью 700 тысяч тонн угля в год, построенных за время войны на новом угольном месторождении».

В эти дни шахтеры-ветераны с гордостью говорят о больших переменах, свершившихся в здешних местах.

Гремячинск — это уже не глухой таежный район.

В городе шесть поселков. Жилая площадь выражается внушительной цифрой — в 75 тысяч квадратных метров. Шахтеры построили 1300 индивидуальных домиков. Скоро справят новоселье в собственных домах еще 400 семей горожан.

Новый город растет и благоустраивается. Здесь выстроены школы, детские сады и ясли, больница, поликлиника, клубы, сооружаются большой Дворец культуры и Парк культуры и отдыха.

С наступлением теплых дней молодые горняки, учащиеся горнопромышленных школ, устремились на стадион, на спортивные площадки. Скоро примет первых отдыхающих шахтерский дом отдыха, он строится в живописной местности на берегу реки Вильвы.

Вместе с городом растут и люди. Михаил Романович Тараев — пионер проходки первой шахты, появившейся здесь. Рядовой проходчик стал сменным горным техником. Он Герой Социалистического Труда. Егор Игнатьевич Никитенко приехал на Урал из Донбасса, и в Гремячинске он знатный человек, почетный шахтер, депутат Молотовского областного совета депутатов трудящихся, член областного комитета ВКП(б). С начала пятилетки Е. И. Никитенко выполнил около двух пятилетних норм.

Свой традиционный праздник гремячинцы встречают новыми успехами.

К. КОРОЛЕВ

Новый аэровокзал в Киеве

Киевляне были приятно удивлены, когда, прибыв на аэродром, увидели, что уже открылся новый, недавно еще стоявший в строительных лесах аэропорт. На фоне зеленой рощи выделялось белоснежное, похожее на замок, здание с высокой стеклянной башней.

Пассажиры вошли в светлый вестибюль с мраморными колоннами. По обеим сторонам большие залы ожидания. Тут же кассы, почта и телеграф, междугородная телефонная станция, городской телефон, буфет. Широкие окна и двери украшены искусной резьбой по дереву, балконы выложены керамическими плитками. 1200 деревьев посажены вокруг нового аэровокзала. Сажали их работники аэропорта в неурочное время, им помогали жены и дети. В саду образцовая столовая. Немного дальше — гостиница на 60 человек.

На асфальтированной дорожке выстроился личный состав порта. Командир экипажа лучшего корабля тов. Толстьев подымает флаг весенне-летней навигации.

Самолет Толстьева подруливает к подъезду аэровокзала и принимает на борт первых пассажиров, улетающих во Львов.

В залах ожидания все оживленней. Идут на посадку первые самолеты из Москвы, Одессы, Риги.

Василь КУЧЕР

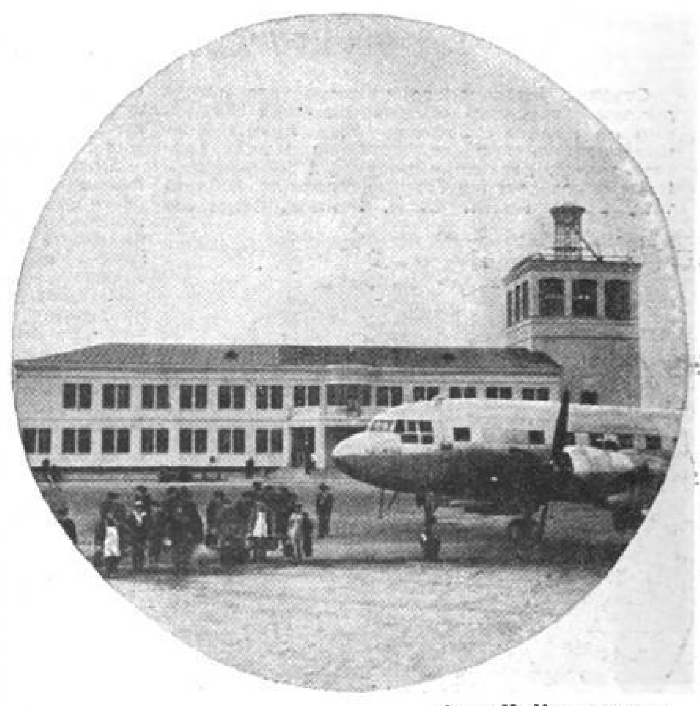

Фото Н. Козловского

Группа композиторов Украины за обсуждением новых произведений. В первом ряду (слева направо): лауреаты Сталинской премии, композиторы А. Филиппенко, Л. Ревуцкий, А. Штогаренко и Г. Веревка. Сидит у рояля Ю. Владимиров.

Фото Г. Угриновича

НОВЫЙ СМОТР СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ

К итогам 4-го пленума правления Союза советских композиторов СССР

Закончил свою работу проходивший недавно в Москве 4-й пленум правления Союза композиторов СССР. Он был посвящен новой музыке украинских, белорусских и уральских композиторов, а также состоянию и задачам музыкальной критики.

Композиторы Украины, готовясь к творческому отчету в Москве, провели в Киеве всеукраинский музыкальный смотр. Было прослушано и обсуждено около трехсот новых произведений, лучшие из которых вошли в программы концертов пленума в Москве.

Серьезные успехи достигнуты композиторами Украины в оперном жанре. Опера Ю. Мейтуса «Молодая гвардия» с большим успехом идет в музыкальных театрах Киева, Сталино, Ленинграда. Опера Г. Жуковского «От всего сердца» (по сюжету одноименного романа Е. Мальцева) готовится к постановке в ряде театров страны, в том числе и в Большом театре СССР. Высокую оценку общественности получила недавно законченная опера К. Данькевича «Богдан Хмельницкий». В Харькове успешно проходит новый балет В. Нахабина «Данко» по сюжету одной из «Итальянских сказок» М. Горького.

Программность и реалистические музыкальные образы характерны для ряда новых симфонических произведений, созданных на Украине. Таковы, например, «Танцевальная поэма» Б. Лятошинского, симфония Миколы Колеса, «Украинское каприччио» В. Нахабина, колоритная «Закарпатская сюита» В. Гомоляки.

Большим успехом пользуется на Украине кантата Г. Жуковского «Славься, Отчизна моя!». Интересны новые кантаты С. Жданова «Сталинградская легенда», А. Штогаренко «Великому Сталину слава». На смотре в Киеве выступали со значительными произведениями молодые композиторы Украины — студенты Киевской консерватории Л. Левитова (струнный квартет), И. Шамо (фортепианная сюита, исполнявшаяся автором также в Москве) и другие.

Новые произведения украинской музыки говорят о ее бесспорном творческом подъеме. Иное положение в Союзе композиторов Белоруссии. Исполнение их новых произведений в концертных программах в Москве показывает очень незначительное движение вперед.

Композиторы Свердловска показали на пленуме интересные работы: кантату «Счастливая земля» Б. Гибалина, инструментальные концерты с оркестром О. Никольской и В. Щелокова, квартет Н. Хлопкова и ряд обработок уральского фольклора.

В заключение пленума состоялся доклад генерального секретаря Союза советских композиторов СССР Т. Хренникова о состоянии и задачах музыкальной критики.

К. ИСАКОВ

Художники Эстонии

Возвращение из Суоми к родным берегам. Иллюстрация к «Калевипоэгу» коллектива художников: А. Хойдре, Р. Сагритэ, О. Кангиласки, А. Кальё и Е. Парис.

Выставочные залы Союза советских художников СССР выглядят необычно. За высокими прилавками девушки в национальных эстонских костюмах оживленно торгуют книгами. Эффектные стенды с книгами и книжными переплетами занимают центр залов. На стенах развешены рисунки, гравюры, портреты писателей.

Это выставка эстонской книги и книжной графики, приуроченная к декаде эстонской литературы. Выставка ярко свидетельствует о могучем развитии национальной культуры в многонациональной семье народов Советской страны. Если в буржуазной Эстонии средний тираж книги равнялся 1400 экземплярам, то теперь он возрос до 6300. Один миллион 720 тысяч 300 экземпляров — таков тираж произведений Иосифа Виссарионовича Сталина, изданных в республике. Красиво оформленные произведения классиков марксизма-ленинизма занимают на выставке центральное место.

Интересны стенды, рассказывающие об истории эстонской книги. Привлекает внимание зрителей первое издание «Капитала» К. Маркса на эстонском языке, газета политических заключенных «Тюремный луч», революционные листовки, патриотические произведения, выпускавшиеся в тылу врага в дни Великой Отечественной войны.

Ценный вклад в развитие советской иллюстрации внес коллектив графиков в составе А. Хойдре, Р. Сагритэ, О. Кангиласки, А. Кальё, Е. Парис. Ими создан цикл рисунков к национальному эстонскому эпосу «Калевипоэг». Авторам удался образ мужественного, свободолюбивого народного героя.

Художники неустанно трудятся над иллюстрированием лучших произведений советской эстонской литературы. Успеха добились Р. Кальо, создавший цикл рисунков к роману Г. Леберехта «Свет над Коорди», Э. Лепп к произведению М. Рауда «Страна растет», А. Иохани к новеллам А. Якобсона, Г. Райндорф к «Сказкам» Ф. Крейцвальда и другие.

Памяти Демьяна Бедного

Пять лет назад умер талантливый русский поэт-баснописец Ефим Алексеевич Придворов, которого наш народ хорошо знает под литературным псевдонимом Демьян Бедный. Еще в дореволюционные годы его своеобразный, острый, разящий стих служил делу рабочего класса.

Демьян Бедный выступал как пламенный борец за осуществление великих идей большевистской партии. Он стал одним из зачинателей советской политической сатиры. Огонь его политических эпиграмм и басен был направлен на интервентов, контрреволюционеров, кулаков, дезертиров. Его глубоко патриотическую песню «Проводы» («Как родная мать меня провожала») пели миллионы людей в годы жестоких решающих битв с белогвардейцами и интервентами. Особой гордостью для поэта было то, что вожди революции В. И. Ленин и И. В. Сталин ценили агитационное значение его слова.

На большом вечере, посвященном памяти Демьяна Бедного, московские поэты, писатели, публицисты говорили о доблестном поэтическом труде советского баснописца, о том, что его политические эпиграммы не утратили своей силы и остроты и в наши дни. Вот яркий пример: издательство «Советский писатель» выпустило книгу стихов Демьяна Бедного «Знакомые лица». Читатель с большим удовлетворением увидел пригвожденными к позорному столбу знакомые фигуры поджигателей войны из числа тех, кого справедливо ненавидит и презирает передовое человечество. Так оружие Демьяна Бедного, стрелы его сатиры не притупились до наших дней.

Известно, что в дни Великой Отечественной войны Демьян Бедный написал более двухсот маленьких стихотворений для «Окон ТАСС». Эти стихи превосходно дополняли политические карикатуры художников. На вечере художник Борис Ефимов интересно рассказал о своем творческом содружестве с поэтом, о работе Демьяна Бедного с ныне покойным художником Виктором Дени и художниками Кукрыниксы.

Выступавшие на вечере говорили о том, каким мастером слова был Демьян Бедный, как виртуозно он владел русским народным языком, вспоминали редкую работоспособность поэта, его любовь к книге, к газете.

Л. НИКУЛИН

СОВЕТСКИЕ БАСКЕТБОЛИСТКИ — СИЛЬНЕЙШИЕ В ЕВРОПЕ

Беседа с тренером женской баскетбольной команды СССР заслуженным мастером спорта К. ТРАВИНЫМ

Момент игры между женскими баскетбольными командами СССР и Бельгии. В. Копылова (№ 9) бросает мяч в корзину.

Двенадцать лет назад женская баскетбольная команда Италии стала чемпионом Европы. Это звание итальянкам удавалось сохранять до недавнего времени, ибо с тех пор не было соревнования на первенство Европы. Правда, советские баскетболистки успешно выступали в Венгрии, Чехословакии, Польше, Франции, но это были товарищеские встречи.

Наконец в мае нынешнего года Международная баскетбольная федерация (ФИБА) провела соревнование на первенство Европы. В чемпионате, происходившем в столице Венгрии, Будапеште, участвовали команды СССР, Венгрии, Чехословакии, Польши, Румынии, Италии, Франции, Австрии, Бельгии, Швейцарии, Израиля и Голландии.

Сборная команда Советского Союза одержала внушительную победу, выиграв с общим счетом 507 : 175.

Команды Венгерской народной республики и Чехословацкой республики заняли второе и третье места.

Успех баскетболисток Венгрии и Чехословакии — яркое подтверждение расцвета физической культуры в странах народной демократии. По единодушному мнению венгерской печати, всех тренеров и судей, большую роль в повышении класса игры баскетболисток зарубежных стран сыграли дружеские встречи и обмен опытом с советскими командами.

По тактике и технике игры, физической подготовке советская школа баскетбола самая передовая. Теперь у нас уже нет деления на игроков защиты и нападения, как раньше. Советская команда коллективно атакует и так же обороняется. Не удивительно, что наши баскетболистки поразили высоким темпом игры и отличными попаданиями по корзине, причем они одинаково сильно играли как левой, так и правой руками. Этих качеств нет у спортсменок других стран.

За время пребывания в Венгрии мы всюду встречали исключительно теплый и радушный прием.

Встреча в Китае

Алы ТОКОМБАЕВ,
народный поэт Киргизии

Это было в те дни, когда жили киргизы в неволе.
И куда только нас не бросала несчастья звезда!
Мы скитались в ущельях, ища человеческой доли,
Голод, холод терпели, но мы не погибли тогда.

Наших стройных красавиц текесские жадные баи
Отнимали у нас, отнимали овец и коней...
Миновали те годы, когда побывал я в Китае,
Но былое встает предо мной с каждым годом ясней.

Кто куда разбрелись мы по желтым китайским долинам.
Очутились мы, беженцы, в поисках хлеба в Аксу.
Шум базара сперва показался жужжаньем пчелиным...
Я боялся, что здесь заблудиться могу, как в лесу.

Завывал продавец, предлагая то рыбу, то сласти.
Вторил детскому плачу пронзительный крик ишаков.
Проходили в коротких штанах представители власти,
Разгоняя слепцов, лицедеев, калек, бедняков.

Наш манап [1] лебезил пред купцом. Толстый, маленький, ловкий,
То с купцом, то с манапом шептался посредник-далдал:
— Будут проданы в рабство малютки сейчас по дешевке!
Быстро замысел черных людей мой отец разгадал.

Он сказал: — Надо скрыться в толпе. Разговор здесь короткий,
Мы погибнем!.. — Но поздно: покорный и льстивый, как раб,
На красавицу-девочку, младшую дочь моей тетки,
Пальцем в перстнях далдалу показывал алчный манап.

Он раскрыл редкозубый, смеющийся рот лицемера,
Убеждая: — Тебе в твоем горе помочь я хочу.
Ты получишь деньгами — подумай! — четыре сээра [2],
Ты племянницу должен китайцу продать, богачу.

Уверял он отца, поправляя серебряный пояс:
— Не продашь ее ныче — от голода завтра умрет.
Не о пользе своей — о семействе твоем беспокоюсь!
Покупатель — богач, настоящий источник щедрот.

Не захочет ее он купить — кончим дело с тобою:
Не задержим тебя, убирайся долой с наших глаз...
На манапа, рыдая, сестричка глядела с мольбою,
И сережка единственная от рыданий тряслась.

Мой двоюродный брат побледнел. Был он юноша пылкий,
Он рванулся к манапу, но тут обожгла его плеть.
Вдруг послышались крики: — Пош, пош! — Появились носилки,
И носильщики остановились. Мы стали смотреть.

Малый шар помещался на шаре огромном, и где-то
Был к нему прикреплен и, как видно, служил головой,
И во столько шелков было круглое тело одето,
Что оно показалось мне луковицею живой.

Длиннокосый помещик, в очках, в одеянии алом,
Он облизывал губы коротким, тупым языком.
Посмотрел он на девочку, вскрикнул, махнув опахалом,
И качнулся в носилках, согбенными кули влеком.

Семенили босыми ногами усталые кули,
И не мог я понять, почему столько сотен людей
Перед луковицей говорящею спины согнули,
Почему до земли так почтительно кланялись ей.

И далдалу манап подмигнул заплывающим глазом,
Тот, звеня кошельком, торопясь, начал деньги считать,
И у матери стражники отняли девочку разом,
И упала в базарную грязь безутешная мать.

Закричал мой отец от обиды, и горя, и злости
И племянницу стал вырывать из грабительских рук,
Но его повалили ударом бамбуковой трости
И забрали рабыню, и стражники встали вокруг.

...Вечер падал на землю. Толпа начала расходиться.
Мы, не в силах уйти, прилегли у стены крепостной.
Появился прохожий в повязке из белого ситца,
Дряхлый, с палкой в руке, с узелком за согбенной спиной.

Я не видел такой, как пергамент, иссушенной кожи
И такого сияния узких задумчивых глаз.
Узелок свой поставив, сказал по-уйгурски [3] прохожий:
— Ныне много встречаю несчастных, похожих на вас.

Вы лишились ребенка, и мне ваше горе знакомо:
Я любил черноглазую с голосом, как ручеек,
Но отец ее продал владельцам публичного дома,
И теперь я живу, словно камень в степи, одинок.

Я родился в несчастьи, и жизнь я в несчастьи покину...
О, как долго, как жадно я счастья искал день за днем,
День за днем проходя по Шанхаю, Кантону, Пекину, —
То погоня была за туманным и сказочным сном!

Ты песок сосчитай, а потом населенье Китая,
Но как мало таких, что живут без нужды и в тепле,
Мы одно постигаем, рождаясь, трудясь, умирая:
Счастья нет на земле, счастья нет на жестокой земле!..

— Счастье есть на земле, а несчастье нам душу калечит! —
С книгой в смуглой руке к нам китаец приблизился вдруг.
То был юный и стройный джигит, черноглазый, как кречет.
Подойдя, поклонился, как старый, испытанный друг.

— Тяжко в мире, вы правы, — сказал он китайцу седому.—
Но ужели для горькой нужды человек сотворен!
Разве мы не сумеем устроить наш мир по-иному!
Уничтожить обман и найти справедливый закон!

Покачал головою старик: — Не людские законы
Счастье, благо творят, а творец, вездесущий вовек.
Наше счастье и благо давно проглотили драконы,
И теперь их не может на землю вернуть человек.

Ты совсем еще юн, но, я вижу, один из упрямых,
Что сражаются с небом. А я многоумен и стар.
Знаю: всюду драконы — на небе, на улицах, в храмах,
Мир, что нас окружает,— он тоже дракон-аджидар!

Этот старый прохожий с таким говорил убежденьем,
Что я вздрогнул невольно, тоскливым испугом объят.
Молодой незнакомец взглянул на него с сожаленьем
И сказал: — Погоди и послушай, отец мой и брат.

Нет незримых драконов, и счастья у них не ищи ты,
Нам опасны драконы, что золотом и серебром
На халатах купцов и помещиков ярко расшиты,
На одежде врагов, завладевших народным добром.

Кто, скажи мне, бедою китайцу грозит, китаянке!
Те драконы, что в банках сидят и живут во дворцах.
Вот плывут по китайским морям англичанин и янки,
И драконы у них нарисованы на кораблях.

Мы рождаемся в лодках плавучих и в них умираем,
Но могуч наш народ, как широкие воды Янцзы.
Станет древний Китай молодым и свободным Китаем,
Жаждет наша земля очистительной светлой грозы.

Наклонившись ко мне, на меня он взглянул, на худышку,
Пыльных, грязных волос моих смуглой коснулся рукой
И промолвил: — Счастливым я этого вижу мальчишку,
Обретет он довольство и волю в отчизне родной...

Мне дракон возле крепости, крылья расправивший хищно,
Показался игрушкою, страшною детям одним.
А китаец монету вложил в мою руку неслышно
И ушел, попрощавшись. И странник пошел вслед за ним...

Много бед, много лет, много дел с той поры миновало.
Дал мне волю и родину русский великий народ.
Я под ленинским знаменем жизнь свою начал сначала,
Я под сталинским солнцем пустил свою песню в полет.

Полетела та песня над синей струей Иссык-куля.
И не раз я глядел на соседний Китай, и тогда
Предо мной возникали базар, и сестричка, и кули,
И китайский джигит, славословивший правду труда.

Часто-часто я думал о той замечательной встрече.
Кто он был, незнакомец с открытой и чистой душой!
Сун Ят-сена, быть может, дошли к нам горячие речи
Или с нами беседовал Мао Цзе-дун молодой!

Кто бы ни был он, видел я славного сына Китая,
Молодого Китая, что ныне свободу обрел.
Торжествует победу он, Ленина благословляя,
Сталин путь указал ему — горный, могучий орел.

О китайцы! Сосед ваш, киргиз, я живу на Тянь-Шане,
Говорю я вам: пусть благоденствует ваша земля —
Наши горы и долы одно озарило сиянье,
Возвышающее человека сиянье Кремля.

Перевел с киргизского С. ЛИПКИН

[1] Манапы — киргизская знать.
[2] Сээр — китайская серебряная монета.
[3] Уйгурский язык близок киргизскому.

Из записной книжки

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

1. «ТЕХНИК ЧИСТОТЫ»

Когда я собралась уже уходить из цеха, меня догнала тоненькая рыженькая девушка и по неизвестно от кого заимствованной манере отчеканила:

— Товарищ писатель, разрешите обратиться?

Через минуту мы сидели в застекленной, похожей на аквариум будке мастера, и девушка торопливо и горячо рассказывала:

— Меня зовут Анной Ичигиной, но вы попросту называйте Аней. Хорошо? Я работаю здесь уборщицей. Вы видели хоть одну соринку, хоть одну стружку на полу в токарном переделе? Не видели и не увидите. Я обожаю чистоту. И не выношу грязнуль. Ребята знают мой характер. Со мной разговоры короткие. Чуть что, и к мастеру или в «Тяп-ляп» — это вроде «Крокодила» у нас.

Конечно, по должности я отвечаю только за чистоту помещения. Но нельзя же формально подходить к делу! Правда? В своем соцобязательстве я написала пункт, чтобы в токарном все ходили чисто, чтобы ребята брились. Надо мной сначала посмеялись, а сейчас посмотрите на ребят: хоть одного небритого вы видели на моем участке?

Но я все отвлекаюсь. Я вас хотела вот о чем спросить: где мне достать литературу по технике уборки помещения? Я обращалась в техническую библиотеку, там сказали, что такой литературы нет. А я не верю. Вы понимаете, не верю! Не может быть, чтобы такой ответственный участок был не освещен в литературе. Я, конечно, не сижу сложа руки и со своей стороны кое-что придумала. Обратили внимание на тачку с медным совком? Это моя рационализация.

Аня нагнулась к самому моему уху и доверительно зашептала:

— У меня еще есть одна мысль, общесоюзного значения, но я хотела бы сперва литературу почитать, может быть, это приспособление уже кто-нибудь изобрел. И тогда про меня могут плохо подумать. Образование-то у меня маленькое: всего шесть классов. Но я решила обязательно учиться. На техника чистоты. Вы знаете, какая это будет работа? Скажем, сижу я где-нибудь в будке. Передо мной доска с кнопками: нажму одну — сразу все фортки откроются и вентиляторы заработают. Нажму другую — пылесосы как начнут глотать пыль! Через пять минут воздух в цехе станет словно в лесу после дождя. А третью кнопку нажму — пойдет в ход такая машина, а какая, я и сама пока не знаю, но в общем пол в цехе станет чистый, как зеркало...

2. ВОПРОС ПО СУЩЕСТВУ

Знатная станочница одного из челябинских заводов, пышноволосая симпатичная девушка лет девятнадцати, волнуясь и смущаясь, говорила:

— Мне бывает радостно, если удается добиться первого места в соревновании. Сознаюсь вам: люблю быть первой в любом деле, даже в забаве. Но вот объясните мне, почему мне бывает обидно, когда моя бригада берет верх в соревновании над бригадой Королева? Вам, наверное, уже говорили, что это мой жених. Обидно, почему он не стремится перегнать меня. Если из-за гордости, так, по-моему, гордость в том и есть, чтобы стараться в работе себя показать. И потом мы же с ним соревнуемся...

Девчата говорят: дескать, он тебя, Наташа, любит потому, что ты знаменитая, у всех на виду. Знаю, что это не так. Любит он меня не из-за славы, и все-таки обидно такие слова слушать.

До работы я жадная. Люблю, когда про меня хорошая слава идет, но в этом случае я поступилась бы... Ну, пусть не на все время, а так, чтобы то он впереди меня оказывался, то я впереди. Тогда и дружба у нас была бы еще интереснее.

Девушка оживилась. На смуглых ее щеках вспыхнул жаркий румянец:

— Вы знаете, как я на него сержусь, что он не обгоняет меня в работе, так сержусь!.. Я даже вчера не пошла с ним в кино из-за этого. Вот вы мне и скажите: права я или нет?

3. МЕСТА РОДНЫЕ

Сколько раз, читая и перечитывая классиков, я с волнением останавливалась на страницах, повествующих о возвращении героя в родные места, где все знакомо, памятно с детства, все осталось таким, каким запечатлелось в сердце: и покосившийся плетень, и мельница с одним крылом, и старая скамья под старым дубом.

Очевидно, в силу резкого контраста я вспомнила об этом совсем недавно, разговаривая с прославленным магнитогорским сталеваром, который после двухмесячной поездки на курорт возвращался в родной город. Покачиваясь на мягком диване купе, он мечтательно, скорее для себя, говорил:

— До чего ж я люблю домой возвращаться!.. И знаете, почему люблю? Кажется, стоит мне ненадолго уехать, а перемен столько, будто не был года три: там новый домище, там дорогу заасфальтировали, сюда роща переехала на постоянное местожительство, а там целую улицу выстроили, а на заводе новшеств сколько за это время!.. Знаете, по моей натуре, если бы этих перемен не происходило, то жизнь мало интереса представляла бы. Приехал бы я, к примеру, в свой город. Все-то как было, так и осталось, все наизусть, все на зубок знаю, нечему подивиться, нечему порадоваться. Ну, чего в этом хорошего?

Вы спрашиваете: только ли в характере моем дело? Да разве мог бы я такой характер иметь в прежнее время?

4. В МЕХАНИЧЕСКОМ ЦЕХЕ

Огромную округлую деталь подхватывает подъемный кран и бережно несет по цеховому пролету на высоте станков. Впереди, держась за край этой детали, вышагивает маленькая курносенькая девушка с тонкими косичками, которой предстоит в течение многих часов на своем станке обрабатывать эту громадину. Кажется, что не кран несет послушное металлическое тело, а оно само шагает за девушкой, как добродушный и послушный воле хозяина конь. Сходство усиливается еще больше, когда девушка, обращаясь к своей подружке, похлопывая замасленной ладошкой по круглой поверхности детали, звонко кричит:

— Хорош валик, а?

Прославленный верхолаз И. Ф. Грицков взбирается на 60-метровую трубу харьковского кирпичного завода «Комсомолец».

Фото Н. Гурова

ВЕРХОЛАЗЫ

Есть в Борисовском районе, Курской области, деревня Октябрьская Готня. Она дала стране много замечательных строителей заводских труб — верхолазов. В семьях Грицковых, Новиковых, Фоменко, Молчановых и отцы, и деды, и прадеды были трубокладами, сооружали высоченные заводские трубы в Москве, Ленинграде, Донбассе, на Урале... Эту профессию унаследовали их внуки и правнуки.

В Харьковском строительном управлении трубного бюро треста «Юждомноремонт» работают опытные верхолазы-трубоклады Степан Андреевич Новиков, Илья Федосеевич Грицков, Федор Мойсеевич Грицков, Афанасий Прохорович Новиков, Прохор Аникинович Першин и другие. Трубы, сложенные ими, отлично выдержали испытания войны. В 1943 году, отступая из Харьковской области, гитлеровцы пытались взорвать высокую трубу сахарного завода в Коломакском районе, но она выстояла. После войны те же верхолазы отремонтировали некогда выложенную ими трубу.

Верхолазам приходится работать на большой высоте — 80 — 90 метров и выше. Однако они чувствуют себя там превосходно. «Мы люди птичьего полета!» — говорит в шутку Прохор Аникинович Першин. Инвалид Великой Отечественной войны, он после демобилизации пожелал снова заняться трудным, но любимым делом. Первой его послевоенной работой была кладка 70-метровой трубы на Кагарлыкском сахарном заводе в Киевской области. Отлично и быстро выполнив задание, Першин пришел к своему начальнику и сказал:

— Давайте мне работу повыше!

И вскоре он поехал в Донбасс ремонтировать трубу высотой в 88 метров.

В Советском Союзе труд верхолазов тщательно охраняется. Им запрещено подниматься без предохранительных поясов. По предложению инженера Н. М. Кравченко, на высоких трубах, вокруг скоб, по которым взбирается рабочий, делается сейчас нечто вроде предохранительной сетки—лифта,—устраняющей опасность падения. Начальник трубного бюро треста «Юждомноремонт» тов. Поляков рассказывает:

— Думают, будто труд верхолазов исключительно ручной. Это неверно. Мы все шире внедряем механизацию на кладке труб. Следует отметить, что в этой области наша отечественная практика давно уже опередила заграничную.

К. ВЕРЕСОВ

ЛУИС ДЖОНСОН, ПОДЖИГАТЕЛЬ ВОЙНЫ

И. ЛАПИЦКИЙ

ДЖОНСОН ПРИХОДИТ В ПЕНТАГОН

По ту сторону реки Потомак, в соседнем с Вашингтоном городе Арлингтоне, на огромной территории раскинулось пятиэтажное здание, именуемое Пентагон-билдинг. Здесь помещается штаб американской военщины. Пушечным королям, авиационным корпорациям не приходится обращаться сюда с поклоном, чтобы получить прибыльные заказы на поставку всевозможного оружия. В Пентагоне они чувствуют себя, как дома. Собственно, это вашингтонский филиал Уолл-стрита.

Ныне управляет этим филиалом Луис Джонсон, перекочевавший сюда из контор авиационной корпорации «Консолидэйтед Валти эйркрафт» и треста «Дженерал анилин энд фильм корпорейшн», тесно связанного с германским «И. Г. Фарбениндустри». Впрочем, этим не исчерпываются высокие связи мистера Джонсона в кругах промышленно-финансовой олигархии Соединенных Штатов. У Джонсона есть еще один ближайший друг — банкир Виктор Эмануэль, глава огромной корпорации, стремящейся занять первое место в американской авиационной промышленности. Эмануэль десятки лет был связан с банком Шредера, щедро финансировавшим германский фашизм.

Таковы друзья и покровители нынешнего американского министра «обороны» Луиса Джонсона. Несмотря на это, военный пост достался ему не так уж легко. Ему пришлось пройти большой путь прислужничества монополиям, прежде чем он удостоился доверия хозяев, а затем приобрел и влияние в их среде. «Он обладал гениальным умением втираться к этим людям в милость», — пишет о Джонсоне реакционный американский журналист Джек Александер.

Тяга к военным авантюрам, приносящим долларовый урожай, проявилась у Луиса Джонсона давно. «Первая мировая война, — пишет Александер, — оставила в душе Джонсона глубокий отпечаток...» Прослужив короткое время в американской оккупационной армии, Джонсон в 1919 году возвратился в свой родной штат, Виргинию, с твердым намерением сделать карьеру. Крупные американские магнаты создавали тогда реакционную, расистскую, штрейкбрехерскую организацию — Американский легион. Успевший к этому времени хорошо познакомиться с закулисными приемами американского гангстерского политиканства, Джонсон сразу решил связать свою судьбу с Легионом. Вскоре он стал одним из видных заправил этой бандитской организации, творившей расправы над рабочими и прогрессивными деятелями США. В тридцатых годах Джонсон был уже ее главарем — «национальным командором».

Мечта стать военным министром овладела Джонсоном еще накануне второй мировой войны. К тому времени он уже заседал в правлениях ряда банков и корпораций, в том числе и авиационной.

В прошлом году мечта Джонсона осуществилась — он занял пост свихнувшегося Форрестола, став министром обороны США, которому подчинены военный и морской министры, а также министр авиации. История этого назначения весьма любопытна.

Во время предвыборной кампании 1948 года Джонсон и стоявшие за его спиной финансовые воротилы решили сделать ставку на Трумэна. Джонсону поручили возглавить финансовый комитет демократической партии. Он собрал среди своих друзей в фонд будущего президента 1,5 миллиона долларов, отвалив 125 тысяч долларов из своих собственных средств. Как писала газета «Нью-Йорк таймс», Джонсон откровенно требовал в качестве вознаграждения пост министра «обороны». Таким образом, важнейший министерский пост обошелся авиационным корпорациям сравнительно дешево. Газета «Чикаго трибюн» глубокомысленно заявила по этому поводу, что президент просчитался, продешевил. «В прошлом, — писала газета, — за услугу такого масштаба предоставлялся в лучшем случае портфель министра почт...»

Джонсон и его коллеги шумно отпраздновали победу. Предвкушая увеличение барышей, промышленники устроили грандиозный банкет. На банкете развязались языки. Один из участников обеда, как сообщала газета «Нью-Йорк пост», провозгласил тост: «Выдвинем Лу в 1952 году!». Эти слова были встречены дружными аплодисментами.

«Лу уже давно стремится стать президентом», — добавляет газета от себя.

Но до следующих президентских выборов остается еще более двух лет, а Джонсону, видимо, не терпится. Вот почему в американской печати все чаще появляются сообщения о том, что министр «обороны» сосредоточивает в своих руках огромную, все возрастающую власть...

ВСЕ ДЛЯ УОЛЛ-СТРИТА

Свою деятельность в Пентагоне Джонсон начал довольно хитро: он пытался прикрыть планы усиленной гонки вооружений демагогической болтовней о предстоящем... сокращении военных расходов. Под предлогом «экономии средств» он уволил в военном министерстве часть неугодных ему сотрудников. Тут же, однако, Джонсон принялся создавать новые отделы и управления.

Продолжая демагогическую кампанию за «экономию», Джонсон с большим шумом объявил прошлым летом о необходимости сократить средства, отпускаемые для военно-морского флота. Этот трюк, как писала американская печать, был вызван обострением драки между отдельными военно-промышленными монополиями, готовыми перегрызть друг другу глотку при распределении прибыльных военных заказов. Джонсон рвался к одной цели: увеличить заказы столь близким ему авиационным компаниям за счет судостроительных и иных.

В последнее время Джонсон больше не говорит об «экономии», ибо трудно отрицать факты: свыше 70 процентов государственного бюджета США идет на подготовку новой войны. Выжимаемые из трудящихся огромные налоги потоком миллиардов текут в сейфы авиационных, химических, пушечных монополий. За один только 1949 год прибыли авиационных трестов возросли почти в три раза.

Еще более быстрыми темпами растут прибыли связанной с Джонсоном корпорации «Консолидэйтед Валти эйр-крафт». За первые три месяца 1950 года ее прибыли увеличились более чем в три раза по сравнению с тем же периодом прошлого года. Но Луису Джонсону и его покровителям этого мало. Как сообщало агентство Ассошиейтед пресс, в начале апреля Джонсон предложил объединенной группе начальников штабов вновь пересмотреть предлагаемый военный бюджет с тем, чтобы решить, «следует ли потребовать дополнительные ассигнования на военно-воздушные силы».

ПРОРОК МАССОВОГО ЧЕЛОВЕКОИСТРЕБЛЕНИЯ

Трагикомический конец предшественника Джонсона — Форрестола, — повидимому, мало чему научил Джонсона. Нынешний министр «обороны» одержим такими же припадками военной истерии. Его провокационные речи, заявления, статьи заполняют страницы реакционных журналов и газет, передаются по радио, всячески раздуваются американской пропагандой. Запугать, терроризовать американский народ и народы других стран — такова «стратегия» поджигателя войны Луиса Джонсона.

Во время своей недавней поездки в Западную Европу Джонсон хвастал, что США могут развязать войну «в любое время». По сообщению французской газеты «Либерасьон», он добавил, что США готовы воевать «любыми способами, в любой войне».

Звериное нетерпение и безграничный цинизм американских торговцев смертью, жаждущих крови и долларов, Джонсон выразил недавно в сочиненном им лично документе — докладе президенту Трумэну и конгрессу о мерах по «обороне» США. В доклад был включен специальный раздел под таким названием: «Война с помощью необычных средств». Там недвусмысленно говорилось об усиленной подготовке американскими империалистами бактериологических средств ведения войны. С предельной откровенностью Джонсон заявляет, что «нельзя пренебрегать биологическими и радиологическими средствами». В другом разделе говорится, что химический корпус американской армии «провел интенсивное изучение отравляющих веществ».

КТО ДЕЛАЕТ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ США

Джонсон — один из главных проповедников и провокаторов агрессивной политики империи доллара. Он не устает твердить, что «границы» США находятся далеко за пределами заокеанской республики — в Европе, Африке, Азии. По почину Джонсона американская военщина взяла под свой фактический контроль внешнюю политику США. В своем министерстве Джонсон создал даже специальное «Управление по иностранным делам».

В опубликованном в феврале докладе Джонсона о «состоянии военной машины США» содержатся некоторые весьма интересные признания. «Национальная военная машина, — заявляет Джонсон, — тесно сотрудничала с государственным департаментом и администрацией по осуществлению плана Маршалла». Как бы мимоходом Джонсон бросает фразу, что дипломатические кадры США готовятся теперь... в национальном военном колледже. Джонсон признает, далее, что проводимая госдепартаментом «экономическая война» также находится под строгим контролем его ведомства.

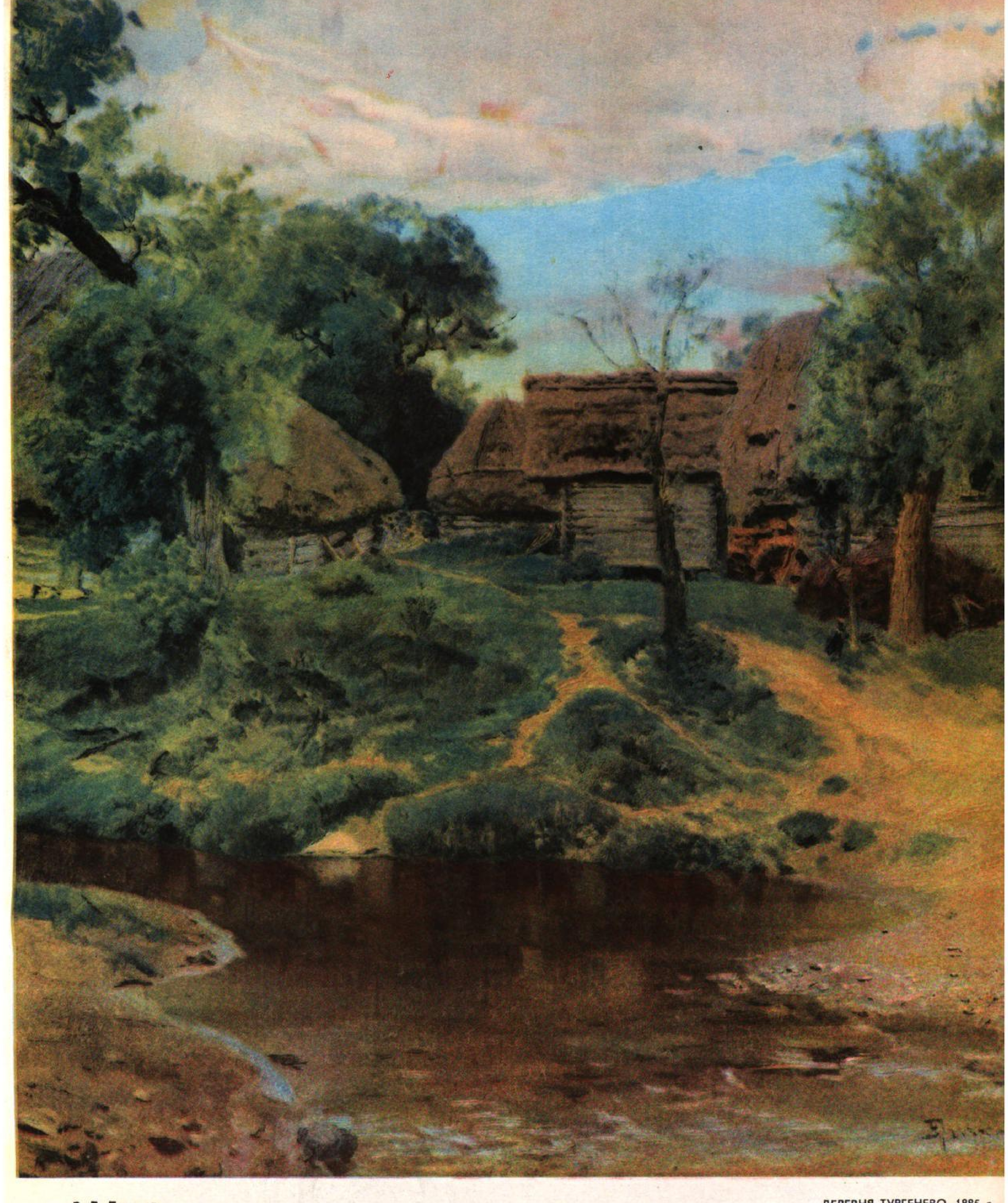
Так «диктатор Пентагона», как называют Джонсона в Вашингтоне, становится чем-то вроде второго президента. В американской печати можно нередко читать рассуждения о том, что министр «обороны» присвоил себе предусмотренные конституцией права и полномочия президента, являющегося номинально главнокомандующим вооруженными силами.

Выполняя волю крупных американских монополий, Джонсон требует быстрейшего приспособления военных баз и армий западноевропейских государств к целям американских империалистов. Особое внимание уделяет Джонсон планам перевооружения Западной Германии и возрождения там фашизма. Во время прошлогодней поездки в Западную Германию Джонсон обсуждал с гитлеровскими генералами Гальдером и Гудерианом план создания из фашистов «американского иностранного легиона» в Западной Германии. Не забыл Джонсон во время этой поездки и вопроса о восстановлении концерна «И. Г. Фарбениндустри». Газета «Дейли компас» в связи с этим напоминала, что, будучи советником американского филиала этого концерна, Джонсон получал 60 тысяч долларов в год только в качестве официального вознаграждения.

На последнем совещании «комитета обороны» так называемого «Европейского Союза», происходившем в апреле в Гааге, Джонсон, руководивший этим слетом империалистической военщины, заявил, что участники агрессивного Атлантического пакта «перешли от стадии планирования к стадии претворения планов в жизнь».

Бряцая оружием, готовясь развязать новую разбойничью войну, джонсоны катятся по той же наклонной плоскости, которая привела к краху гитлеровских головорезов.

Империалистической черной своре преграждает путь могучий лагерь мира, лагерь демократии и социализма. Силы этого лагеря множатся изо дня в день.

В. Д. Поленов. ДЕРЕВНЯ ТУРГЕНЕВО. 1885 г.

В. Д. Поленов. РАННИЙ СНЕГ. 1900 г.

В. Д. Поленов. СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА. 1876 г.

ГИПСОВАЯ РОЗА

Рассказ

Иван ФРОЛОВ

Рисунки П. Караченцова

Сегодня двадцатый день, как отряд геолога Столяровой, оторванный от базы экспедиции, блуждает по огромной и необитаемой Заельтайской степи. И Яша Перманюк, студент геологического факультета, с каждым днем все больше начинает убеждаться в том, что едва ли он сумеет собрать здесь полноценный материал для своей будущей дипломной работы.

Первые две недели своей производственной практики он провел при центральной группе экспедиции. Группа была расквартирована в селе Поздняковке и занималась обследованием правобережья Ельтая. Там все было иначе — обширные поля гранитов, диоритов, прекрасные прибрежные разрезы песчаников, известняков, содержащих фауну каменноугольного периода. В той же группе работали Игорь, Ксана, Серафима. По вечерам вместе с сельской молодежью практиканты играли в волейбол, ходили всей компанией купаться, бренчали на гитаре и балалайке, пели, часто спорили о проявлениях метафизики и вейсманизма в науке.

Потом был выделен самостоятельный отряд во главе с Мариной Евграфовной Столяровой, опытным геологом и насмешливой женщиной, питающей особое пристрастие к лошадям. Яша отправился с отрядом в качестве старшего коллектора. Все говорили, что в Заельтайской степи он пройдет великолепную практику, потому что эта местность на обзорной карте Казахстана, по существу, являлась белым пятном, и отряду предстояло раскрыть геологическое строение этого «пятна».

И вот она, Заельтайская степь!.. Плоская, как стол, равнина, заросшая высокими, до колена, ковылями. Две высохшие речки с сохранившимися кое-где бочажками нагретой засолоненной воды. И кроме них, ни рытвин, ни оврагов, ни водомоин, где можно было бы найти естественные обнажения пород. Одни разбросанные по степи сурковые норы, в отвалах которых еще можно видеть что-нибудь — покровный суглинок, белую глину, именуемую здесь «корой выветривания»,— или, по заданию начальницы отряда, искать следы краснобурых глин, содержащих мелкие прозрачные кристаллики гипса с раздвоенными основаниями в виде ласточкина хвоста.

Каждое утро Яша получает от начальницы задание на целый день: указывать шурфовщику Сергею места расчисток, канав, шурфов; брать с ним же лотковые пробы песков по руслам рек; картировать сурковые норы; документировать готовые шурфы и другие выработки.

По вечерам приходится переписывать дневники, писать этикетки для коллекций и проб, чертить карту.

И так с восхода солнца до темноты. И так двадцатый день!

Неделю назад в отряде кончился сахар. Три дня уже нет крупы и масла. Вчера вечером Яша с Сергеем выкурили пополам последнюю щепоть табаку. Сегодня повариха Катя стряпает одну мучную «затируху».

Марина Евграфовна на высказываемое Сергеем или конюхом Махамбетом недовольство отшучивается одной и той же фразой: «Потерпите. Ремни потуже подтяните, и все будет в порядке».

Выполнив добрую половину дневного задания, Яша устало шагает по ковыльной равнине, боясь проглядеть где-нибудь на пути высыпку сурковой норы.

После полудня жара становится невыносимой. Дует встречный юго-западный ветер, жгучий, как пламя, перехватывающий дыхание. Небо затянуто белесой мглой; сквозь нее просвечивает непривычно красный, огнистый диск солнца, и на него можно глядеть незащищенным глазом. Все окрашено вокруг в какой-то притушенный медно-оранжевый цвет, как бывает, когда смотришь сквозь бутылочное желтое стекло.

Яша с самого утра ходит раздетым до пояса. Он чувствует, что за день сильно сжег плечи, и прикрывает их рубашкой. К его отрастающей потной бороде прилипли колючие стебельки сухой травы. Яша не замечает их, он утомился от продолжительной ходьбы по жаре, его уже давно мучает жажда и гнетущее, неодолимое желание курить, курить. Но маршрут все еще не закончен, остается несколько километров до тех вон темных бугорков на берегу сухой речонки Кенсай, где утром Яша оставил Сергея бить очередной двухметровый шурф. А вечером во что бы то ни стало надо попасть на базу.

Но вот, наконец, и Кенсай. За поворотом речки видна груда свежей земли, только что выброшенной из шурфа. На фоне пепельно-серого речного суглинка влажная порода резко выделяется своим красновато-шоколадным цветом, и Яша уже издали догадывается, что здесь какой-то совершенно новый горизонт, которого еще нигде до сих пор не встречалось.

В тени расчищенного берегового обрыва сидит Сергей, голый до пояса, перепачканный красновато-шоколадной сырой глиной.

— Как она, молодая жизнь? — громко произносит Яша, стараясь стряхнуть с себя усталость. Он бросает на землю рюкзак, молоток и с наслаждением падает в тень, распрямляя усталые ноги.

Сергей не отвечает. На его безусом лице, обожженном безжалостным солнцем и горячими ветрами, застыло какое-то детски-капризное выражение. Набрав полную горсть комков влажной земли, он бесцельно бросает их в одну точку.

Яша понимает, что и Сергей также очень устал, что он голоден, что его мучает жажда и такое же тупое, нестихающее, как зубная боль, желание курить. Сергей — еще совсем юноша, ему только семнадцать лет. Он обладает не по возрасту большой физической силой и завидной выносливостью. Но в характере его совсем нет выдержки, уравновешенности: он то смирен и доверчив, как ребенок, то ни с того, ни с сего на него находит непонятное упрямство, протест против всего окружающего и даже буйное озорство. В таких случаях никто в отряде не решается иметь с ним дела, и лишь сама начальница отряда может быстро и спокойно воздействовать на него. Впрочем, это не мешает Яше и Сергею быть довольно близкими друзьями и коллектору держать по отношению к шурфовщику отечески-назидательный тон.

— Чего молчим-то? — снова спрашивает Яша.— Припухаем?

— Ты какие папиросы больше уважаешь,— осипшим голосом отзывается Сергей: — «Беломорканал» или «Казбек»? — и, не дожидаясь ответа, вздохнув, продолжает: — А я сейчас и от петропавловской махорочки не отказался бы... Свернул бы потолще да с мундштучком... Как мед!.. Нет, а все-таки, я погляжу, неавторитетную ты себе профессию выбрал: кормят «затирухой», курить нечего, шурфы, маршруты — ребро за ребро заходит... Дай одну папироску, сделай милость! Жалко?

— Чудак ты. Мы же с тобой вместе из карманов пыль вытрясали.

— Мы в Конотопе во время оккупации сухой мох с черносмородиновым листом курили — хорошо получалось,— вспоминает Сергей.

— Сколько же это тебе тогда лет было?

— Годов двенадцать или одиннадцать.

— И отец тебя не драл за уши?

— Он на войне был.

— А мать?

— Мать у меня под бомбежку попала.

— Понятно... С кем же ты жил?

— С дядей Гришей и с тетей Дуней.

Яша долго с сочувствием глядит на Сергея, начиная понимать теперь многие черты в характере своего приятеля. Сергей берет лопату, рассеянно разбивает ею ком глины, бросает лопату и неожиданно сообщает, порывшись в кармане:

— Я тут хрусталик нашел. Как все равно нарочно кто его отполировал! Интересно смотреть даже, под вид слюды.

Он извлекает из кармана прозрачный раздвоенный на одном конце кристаллик величиною с ноготь. Яша выхватывает его из руки Сергея.

— Во-первых, это не «хрусталик», а кристаллик, молодой человек. И не слюда совсем, а самый настоящий гипс, «ласточкин хвост». А во-вторых, ты где его нашел?

— Вон в том овражке, их там миллион.

— Что же ты мне сразу не сказал, чудак! Ведь ты же знаешь, что мы специально ищем эти «ласточкины хвосты»!

— Значит, забыл,— виновато признается Сергей.

— Забыл, забыл!.. Такие вещи помнить надо! Эти кристаллы нужны нам, как воздух: мы по ним стратиграфию устанавливаем. Какой ты все же неорганизованный человек, Сергей!

— Стратиграфию,— с усмешкой повторяет Сергей.— Я по-французски не понимаю. Это кора выветривания, что ли?

— Кора выветривания сама по себе, то белая глина. А стратиграфия означает возраст пород: палеозой, мезозой, кайнозой.

— А для чего их вам, эти самые «зои»? — ехидничает Сергей.

— Для того, что одни породы старше, другие моложе. В одних надо искать уголь, в других — нефть, в третьих, допустим,— боксит... Учиться тебе надо и в комсомол вступать.

— Я в ФЗО учился,— уныло бормочет Сергей.

— Учился да не доучился. Тебе бы давно пора у станка стоять, скоростником быть. Ну, показывай, где твой миллион «ласточкиных хвостов».

— Вон в том овражке,— указывает Сергей и берет лопату.— А я могу, допустим, на коллекторские курсы поступить? — спрашивает он.

— Конечно, можешь. Поработаешь коллектором и в техникум поступишь. Поговори с начальницей. Только ведь тебе наша профессия-то не нравится, кажется?

— Это я так тебе сказал, потому, что очень курить хочется. А когда человеку охота курить, он делается как чумовой. На коллекторские курсы я бы не думавши поступил.

Яша долго рассматривает у берега овражка выход красной глины, в которой, как осколки битого стекла, густо рассыпаны плоские кристаллики гипса. С этой породой он встречается впервые и знаком с ней лишь по описанию геолога Зайцевой, которая работала в этом районе лет десять назад.

— Типичный кайнозой,— говорит он,— все как по книжке! Вот бы сейчас нашей Марине Евграфовне показать!

— Она бы здесь и ночевать осталась,— замечает Сергей.

— По описанию геолога Зайцевой, под этой глиной должен находиться пласт гипса,— припоминает Яша.— Только вот где тут его искать — это, конечно, вопрос...

— Эх, ведь мне тоже гипса пудика четыре надо бы! — говорит Сергей.

— А тебе-то для чего?

— Дяде Грише. Он в артели инвалидов на кожевенном заводе работает. Он мне еще даже и говорил: «Может,— говорит,— Сергей, где случаем гипса найдете. Очень,— говорит,— для выделки кож надо».

— Где-то он здесь должен быть...

— Давай шурфик отхватим метра на полтора, в порядке перевыполнения плана,— предлагает Сергей.— Земля тут мягкая, я бы как сейчас нажал на четвертую скорость...

— Бей вон там, на повороте! — соглашается Яша.

Сам он долго сидит перед выходом загипсованной глины и соображает, как надо сделать зарисовку и описание обнажения, чтобы не упустить какой-нибудь существенной детали. В его воображении возникает картина далекой третичной эры — жаркий и влажный климат, останцы еще не до конца размытых гор, отступающее море, мелкие лагуны, в которых накапливаются красные засолоненные глины... Во всем этом должна существовать какая-то тесная связь с белой корой выветривания, с предполагаемым пластом гипса, с бурыми покровными суглинками. По всей видимости, во всех этих явлениях, фактах существует какой-то особый научный секрет, которого еще никак до настоящего времени не может уловить Яша.

«Вот бы Игоря сейчас сюда,— думает он и принимается рисовать обнажение.— Игорь любит подобного рода научные ребусы».

Воспоминание о товарище возвращает Яшу к мысли о поездке на базу — эта поездка теперь несомненно не состоится, как не состоялась она и в прошлую субботу. А у Игоря сегодня день рождения, он собирался устроить вечеринку и будет ждать. Будет ждать, наверное, и Серафима... На базу надо непременно попасть, хотя бы поздно вечером, хотя бы в полночь! Но ведь начальница отряда пожелает смотреть красную глину непременно сегодня. Тотчас же после ужина она прикажет Махамбету оседлать ей Пулемета, а Яше — Черчилля. Эта поездка затянется до ночи. А там попробуй куда-либо поспеть на этом разжиревшем бегемоте — Черчилле. И вообще вся эта канитель может кончиться тем, что на базу будет послан Махамбет или Сергей.

— Яша! — слышится отчаянный вопль Сергея.— Иди скорей, черт бородатый!

Голова Сергея, запудренная рыжей пылью, подымается из шурфа, и к ногам Яши падает тяжелая, в два кулака величиной, шарообразная конкреция гипса. Она причудливо облеплена волнистыми, поставленными на ребро кристаллами, и оттого эта ребристая поверхность камня выглядит, как превосходно вырезанный перламутровый цветок.

— Вот это штучка! Это, друг Сережа, мы в музей повезем! В музей!..— восторгается Яша.

— Вези! — возбужденно кричит из шурфа Сергей.— Вот тебе еще одна! А вот еще! Тут их на триста пятьдесят музеев не заберешь, сплошь пошло, кайла не берет!

— Ты осторожней там, всю красоту побьешь, они же мягкие!

— У нас и битые сойдут! Всю артель инвалидов завалю гипсом! Подставляй, Яша, мешок — десятка два войдет в него?

— Да ты с ума сошел! Ты знаешь, сколько они весить будут?

— По очереди понесем. А нет — так я один уволоку!

Пройдя половину пути, приятели садятся отдыхать. Они оба взмокли и порядком намяли плечи под тяжестью рюкзака, до отказа набитого мешочками с глиной и конкрециями гипса. Впереди уже виден лагерь — три палатки на луговой террасе речки, дым очага и сплетенный из тальника навес для лошадей. Поодаль от палаток пасутся четыре стреноженных лошади.

Яша то и дело с беспокойством поглядывает на солнце, которое уже над самым горизонтом.

— Ты что-то все на солнышко оглядываешься,— равнодушно замечает Сергей.— Или мало тебе нынче тепла досталось? Завтра наверстаешь.

— Давай, Серега, трогаться,— предлагает Яша.— Небось, уже девятый час давно.

— Жалко, что ли, хоть и девятый,— тем же безразличным тоном отвечает Сергей.— Мне все равно нынче на базу ехать. Вечерком-то прохладнее будет.

Яше хочется поговорить с Сергеем по душам по поводу этой поездки на базу, но он не решается начать этот разговор и хмуро молчит, сердясь на самого себя.

— Вон они пасутся, лошадки-то! — с завистью говорит Сергей.— Жирок нагуливают. А мы с тобой заместо их то мезозой, то кайнозой на своих на двоих таскаем!

— Сам же нагрузил полный мешок, тебя никто не заставлял, кажется.

— Как будет собрание, так в порядке самокритики я все выскажу,— продолжает Сергей.— А насчет лошадей — в первую голову. Кто в советском государстве дороже: лошадь или человек? И опять же я спрошу: для чего нам лошадей прикрепили — для работы или для мебели?

— Пойдем, Сергей, хватит разглагольствовать-то,— поднимается Яша.— Подними мне мешок.

Яша молча шагает, согнувшись под тяжестью рюкзака. Сергей идет рядом с ним, одной рукой поддерживает снизу мешок и продолжает:

— Ты вот его тащишь, как электровоз. И вчера тащил. А лошадки в холодочке под навесом стоят, их там дымком окуривают!

— А как же ты думал? За лошадьми тоже уход нужен.

— Ухода у нас хватает. Вот утром, глядишь, Марина Евграфовна выходит из палатки ни свет, ни заря,— черти еще на кулачки не дрались...— «Махамбет, Махамбет, ты спишь? А как у нас лошадки?» — «Ой, хорошо, Марин Евраповна, лошадь джаксы!» — «У тебя каждый день все «джаксы», а лошади худеют. Приведи их». Вот Махамбет пригоняет. Она, конечно, прямо к своему Пулемету: «Ох ты, Пулеметик! Ох ты ласковый, ох ты игрунчик! Похудел. Овсеца хочешь?» А у него, бедненького, шея дугой, хвост трубой, шерсть, как шелковая, аж блестит, глазищи скосит: «И-и-го-го!» — «Нет, Махамбет, что-то у него сегодня вид задумчивый, овса у тебя нет, пусть лучше лошади еще денька два погуляют!»

Сергей идет молча, свистит, потом со вздохом прибавляет:

— Эх, достался бы мне этот самый Пулеметик разок на базу съездить! Я жизни бы ему дал... Дай, Яша, я хоть за тебя мешок потащу!

Освободившись от мешка, Яша вытирает кепкой мокрую бороду и теперь, шагая впереди Сергея, начинает щепетильный разговор о базе.

— Мне сегодня дозарезу надо попасть на базу,— говорит он как бы между прочим.

— Ох, а мне бы как надо! — вздыхает Сергей.

— А тебе-то зачем туда?

— Вопрос... Помыться, постричься. У бабки, небось, поспели молодая картошка, огурчики. Взяли бы с Клешней в сельпо у Кришталя по двести граммов для такого дела и пачку «Казбека» на двоих. А потом бы — накинув плащ, с гитарой под полою,— к председателевой Нюське на бревна... «Пролечу, прозвеню бубенцами»,— пропел вдруг Сергей.

— Между прочим, ты имей в виду, Сережка: на тебя уже от председателя жалоба есть,— сухо говорит Яша.

— Пускай!

— Что значит «пускай»? У девчонки жених есть, осенью свадьба, а ты все дело расстраиваешь.

— Чем я расстраиваю? Она сама мне говорила: жених, дескать, женихом, он все равно до осени будет ждать, а ты, говорит, для меня симпатичнее жениха, и опять же ты скоро уедешь.

— Ох, Сергей! — не выдерживает наконец Яша и смеется.— До чего же ты неорганизованный человек!

Некоторое время они идут молча. Сергей насвистывает «Пролечу, прозвеню бубенцами» и неожиданно обращается к Яше:

— У тебя тоже на базе делишки-то срочные, не хуже моих: три недели не виделись.

— У меня там служебные дела накопились,— пробует схитрить Яша и чувствует, что начинает краснеть.

— Знаем про твои служебные дела-то! — говорит Сергей. — Раз сидим с Нюськой на бревнах, а вы с Ельтая идете, перед светом, конечно, петухи по третьему разу поют. Сначала — Игорь с Ксаной, на четыре шага друг от дружки, и про мезозой разговаривают. А потом — и вы... будьте любезны, как полагается.

— Ну, знаешь, Сергей!.. — бормочет смущенный Яша.

— Эх, жизнь наша степная! — восклицает Сергей. — Поезжай уж, так и быть, на базу, Яша, ты! А ежели меня посылать будут, я притворюсь, что будто заболел...

В лагере их встречает сама начальница отряда. Она стоит возле своей палатки с полотенцем и зеленой мыльницей в руках, должно быть, только что вернувшись с купанья. На ней белая широкополая панама, розовая кофточка и коричневые байковые шаровары с пришитыми спереди, как у летчиков, карманами, спускающимися до самых колен.

— Поздненько вы нынче, молодые люди,— говорит она нараспев тонким, почти детским дискантом.— И в мешке подозрительное что-то: уж не клад ли где-нибудь раскопали? Да куда же ты пошел, Сергей? Постой-ка, братец!

— Кайнозоя вашего полный рюкзак приволокли, Марина Евграфовна,— говорит Сергей и сбрасывает с плеч рюкзак.— Это у меня подарок дяде Грише.

— Что еще за кайнозой в подарок? Какому дяде Грише? — удивляется начальница.

— А который, знаете, в артели инвалидов.

— Нет уж, избавьте, никаких ваших артелей инвалидов не знаю и знать особого желания не имею.

— Нашли красную гипсоносную глину, Марина Евграфовна,— начинает докладывать Яша.

— Фокусники! — говорит начальница и принимается сама развязывать рюкзак.— Так... Гипсовая роза, вторая, третья,— продолжает она нараспев.— Это моим шурфом вскрыли? Ах, в двухстах метрах выше! Ну, это — то же самое, вы просто не добили до конца тот шурф. А «ласточкины хвосты» были? Где они? В этом мешочке? Все ясно... Махамбет! Махамбет! Позовите ко мне Махамбета!

Из приплюснутой палатки, стоящей особняком от других, на четвереньках выползает Махамбет — древний старец в сапогах, подшитых внутри войлоком, и в белых ситцевых штанах, подвязанных шнурочком.

— Махамбет! Пулемета, Голубку и Черчилля поскорее! — приказывает начальница.— Сергей, помоги ему седла донести, а вы, Яша, идите сюда!

Через минуту Яша вместе с начальницей сидит на брезенте у чадящего кизячным дымом очага перед разложенной геологической картой. Марина Евграфовна быстро наносит на карту желтым карандашом какие-то штрихи.

— Вот теперь мы смело можем говорить о геологической структуре Заельтайской степи,— с видимым удовольствием начинает Марина Евграфовна.— Вот вам кора выветривания. Она выступает здесь, потом здесь. Ее выходы приобретают форму подковы. Один конец этой подковы идет севернее озера Баян, другой — южнее и уходит на соседний лист карты. Чудесно!.. Здесь мы имеем пестроцветные породы, а за ними — гипсовые розы и глины с «ласточкиными хвостами». Что и требовалось доказать. Полная аналогия и с Южным Уралом и с Тургайским проливом... Это просто очаровательно! Теперь, не откладывая ни минуты, мы затребуем сюда буровой отряд и начнем искать бокситы... Что ж вы молчите, без пяти минут геолог?

Яша напряженно вглядывается в эти цветные пятнышки на карте. До сих пор они казались ему случайными выходами, как кусок лоскутного одеяла. Теперь из этого бесформенного сплетения разноцветных пятен ясно вырисовывается древняя обширная впадина, являвшаяся дном огромного мезозойского озера. В таких озерных котловинах образовывались гороховые бокситовые руды... Это пример великолепного решения очень серьезной и очень нужной научно-исследовательской задачи. От этой карты невозможно оторваться...

— Дошло, дошло! — с притворным облегчением говорит начальница. — Три недели как в темном лесу ходил юноша!.. Ну, собирайтесь. Пообедайте сначала... Погодите, велите там Сергею парочку гипсовых роз, какие получше, положить в переметные сумы на Пулемета. Это для начальства... Что? Разумеется, поеду! Неужели буду ждать?.. Сергей! Сергей!

В лагере царит всеобщее оживление. Ржут лошади. Махамбет несет последнее седло для Голубки. Ему помогает повариха Катя. Из палатки появляется Сергей с перевязанной полотенцем щекой. Прижимая перевязанную щеку рукой, он выбирает из кучи образцов две самые большие гипсовые розы и тащит их к седлу Голубки.

— Куда ты их поволок? — шипит на него Яша.

— А что. На Черчилля разве?

— На Пулемета велела.
— Сама поедет?
— На Пу-ле-мета! — кричит нараспев начальница.— Ты что там себе голову перевязал, как бедуин? Возьми у Кати таблетку аспирина и прими!.. Яша, идите сюда... Так, значит, срочно — продовольствие, машину для переброски лагеря и буровой отряд. Немедленно же!

Яша вопросительно глядит на начальницу, ничего не понимая.
— Садитесь и езжайте! — говорит она.— И берегите Пулемета.
— Марина Евграфовна... — растерянно бормочет Яша.
— Садитесь и езжайте! Пулемета берегите!
— Я не пойму, куда мне ехать! — выпаливает Яша.
— На базу,— раздельно отвечает начальница.— На базу. В село Поздняковку. К начальнику экспедиции. Вас это не устраивает? По-моему, вас там сегодня ждут? Или опять не доходит?
— Но ведь вы сказали...
— Я сказала, что поеду с Сергеем смотреть шурф... Катя, вы дали Сергею аспирину? У него болят зубы.
— Проходят,— заявляет Сергей и стаскивает с головы полотенце.— Ты мне, Яша, завтра же с машиной табаку пришли. А то умрешь тут, не куря.
— Не умрете,— хладнокровно говорит начальница.— У меня в чемодане, в левом углу, лежит начатая пачка папирос: в прошлый раз завхоз позабыл. Возьмите ее и наслаждайтесь, куряки несчастные!

Яша едет вдоль берега Ельтая. За рекой, распахнув на полнеба розовое, в длинных сизых перьях опахало, тихо теплится поздний закат. В холодеющем воздухе остро пахнет землей, тальниками, полынью. На недвижной поверхности реки плещет рыба. Где-то мелодично пересвистываются сурки. Белый поджарый конь идет крупной, податливой рысью и все время, недовольно изгибая шею, норовит перейти на галоп.
— Ну, ну у меня,— благодушно сдерживает его Яша. — К начальнику едем.
От выкуренных двух подряд папирос у Яши захмелела голова. Ему хочется так ехать и ехать под этим вечереющим небом, вдыхать эту пахучую прохладу, думать о своей практике, которая повертывается так неожиданно интересно, о своей будущей профессии, полной трудностей и романтической новизны, о Серафиме... Она, конечно, уже ждет, Серафима. Как произойдет их встреча? Если это будет при свидетелях... Девушка сделает удивленную гримасу: «Яша? Какими судьбами?» А если без свидетелей?..
Яша и сам еще не знает точно, как это все будет, что будет из этого завтра, через месяц, в будущем году? Четыре года проучились вместе на одном факультете и были равнодушны друг к другу. Откуда это новое чувство? Может быть, здесь, в поле, ближе присмотрелись друг к другу, нашли новые черты, которых раньше не замечали?
— Эх, Пулеметик!..— покрикивает Яша и хлопает по шее коня ладонью.— Ну, ну, дурачок, куда? Обрадовался!
На броду конь долго пьет воду. Время от времени он поднимает голову, оглядывается по сторонам и прислушивается к чему-то. С его мясистых губ падают в реку крупные светлые капли.
Из-за кустов бредут к водопою черные бараны с жирными отвислыми курдюками. За ними следом показывается пастух-казах, вооруженный длинной палкой и сопровождаемый двумя линючими борзыми собаками.
— Ой, аман, товарищ, здравствуй! — добродушно восклицает пастух.
— Аман,— отвечает Яша.
— Инженер?
— Студент.
— А-а-а,— видимо, не понимая этого слова, тянет пастух.— Техник?
— Во-во, техник.
— Хорошо, джаксы,— улыбается пастух.— Ваша какой работа есть?
— Камень смотрим. Железо, медь, золото ищем.
— Золотой мало-мало нашел?
Яша думает секунды две и отвечает:
— Мало-мало нашел.
— Джаксы,— улыбается пастух. — Шахта будет, поселка будет, железный дорога будет!
— Конечно, будет. Ты нашего начальника знаешь?
— Знаем, знаем. Казахский человек все знает, товарищ! — смеется пастух.— Вчерашний числа секретарь райкома Джусалиев колхоз Тасуткуль был — мы знаем. Ваш начальник сегодняшний числа на станции был — мы знаем. Эта сторона беркут пошел — знаем. Та сторона волк пошел — мы тоже знаем! Казахский человек все знает! — и пастух опять хорошо, задушевно смеется и помогает Яше подтянуть у Пулемета ослабевшую подпругу.
Пулемет боком выносит Яшу на прямолинейную степную дорогу. Борзые собаки молчаливо сопровождают всадника. На дороге стоит пастух и машет Яше шапкой.
Теплые сумерки, степь, дорога... Рыжая огромная луна, подымающаяся из-за горы Талды, похожей на медвежью спину... Какое-то невыразимо радостное ощущение, как светлое весеннее облако, охватывает Яшу — желание жизни, движения, быстроты. Он подхлестывает концом повода коня. Конь вздрагивает, прижимает уши.
— Эх, Пулеметик! — кричит Яша и натягивает повод.— Милый!..
Пулемет, казалось, только этого и ждал: он озорно вскидывает задними ногами и распластывается в неистовый, неудержимый галоп.
Яша не замечает уже ничего — ни светлого затона реки, отражающего темные купы нависших над водой кустов, ни рыжей запрокинутой набок луны, ни самой дороги. Он то и дело поправляет сбивающуюся на затылок кепку и с упоением кричит:
— Эх, милый! К Серафиме едем!..
А на дороге против брода все еще стоит пастух и восхищенно смотрит вслед скачущему бородатому технику.

ТРАГЕДИЯ МАЛЕНЬКОЙ КИНОЗВЕЗДЫ

— Хэлло, Джон,— говорит один американский мальчик другому,— ты пойдешь смотреть этот фильм?
— Конечно, Фрэнк, ведь в нем снимается Лора,— с серьезностью взрослого отвечает Джон.
Девятилетняя Лора Ли Мичель, очаровательная маленькая кинозвезда с грациозными движениями и роскошными волосами, снималась в большом количестве кинокартин. Поэтому подлинной сенсацией прозвучало недавнее сообщение американской прессы о том, что Лора Ли Мичель исчезла.
На газетных страницах замелькали обычные крикливые заголовки: «Маленькая королева экрана в лапах гангстеров!», «Таинственное похищение Лоры Ли Мичель»...
Репортеры строчили длинные интервью с ее приемным отцом Отто Мичелем, агентом по сделкам с хлопком, и ее приемной матерью, 55-летней Лорано Мичель. Каково же было всеобщее удивление, когда обнаружилось, что девочку никто не похищал! Она сама темной, дождливой ночью вылезла в окно и убежала.
Почему же она покинула свой богатый дом? У нее было много игрушек (их показывали репортерам), своя спальня (ее тоже осматривали журналисты) и заботливые родители (об этом Отто Мичель и его почтенная супруга рассказывали особенно пространно). Может быть, ребенка толкнула на побег жажда жутких приключений, которые так назойливо расписывают в американских книжках для детей?
Оказалось, что в этой истории нет ни капли романтики, а есть страшная своей обыденностью для американских нравов прозаическая действительность.
Гарри Фракус, шофер таксомотора, был первым, с кем судьба столкнула бежавшую девочку.

Этот снимок Лоры Мичель сделан в тот день, когда ей впервые удалось поесть вволю.

Когда он предложил девочке отвезти ее домой, она заплакала навзрыд, стала биться и пыталась выскочить из машины. Больших трудов стоило шоферу успокоить ребенка. Всхлипывая и размазывая по щекам горькие слезы, Лора рассказала Гарри Фракусу о том, что ее... морят голодом, а «папа» Отто жестоко бьет ее, когда оказывается, что она хоть немного прибавила в весе.
Услышав, как один режиссер сказал: «Лора слишком быстро растет»,— приемные родители посадили ее на такую «диэту», что ребенок за короткое время потерял в весе 10 фунтов.
В ночном ресторанчике шофер купил Лоре чашку кофе и бутерброды. Съев все это с необыкновенной быстротой, Лора рассказала незнакомому доброму человеку о своей надежде. Сейчас она отправится к священнику Эльфорду Сундстрему. Это отец двух ее подруг. Он поможет Лоре уехать в Техас, к ее родной матери.
Священник Сундстрем оказался весьма жалостливым. Узнав, что Лору — девочку из богатого дома и к тому же маленькую актрису, ежедневный заработок которой составляет 100 долларов,— морят голодом, священник прослезился. Он немедленно угостил Лору обедом. И пока она ела, служитель церкви снял телефонную трубку и позвонил в... полицию.
Власти поместили Лору в приемник для... несовершеннолетних преступников. По американским понятиям, она и есть самая настоящая преступница, раз она сбежала в то время, как по контракту должна была сниматься в очередной картине.
Через несколько дней с Лорой повидался судья Скотт. Этот человек уже однажды, несмотря на слезы и просьбы девочки, отказал ее матери Лене Брунсон в возвращении родного ребенка. Теперь судьба Лоры снова была в руках холодного и жестокого законоведа.
О, судья Скотт прекрасно знает законы и нравы своей страны! Ведь все очень просто: раз достопочтенные супруги Мичель пошли на риск, вложив капитал в воспитание девочки, значит, истица Брунсон потеряла право собственности на дочь. Кто рискует своими деньгами, тот и должен иметь прибыль. И он не позволит кому бы то ни было покушаться на те сто долларов в день, которые получает по контракту киноактриса Лора Мичель.
Этот Скотт примерно так и заявил Лене Брунсон из города Нидерленда (штат Техас), которая вторично обратилась в суд, ссылаясь на побег Лоры.
И скоро на американские экраны выйдет новый фильм с участием вечно улыбающейся и вечно голодной маленькой кинозвезды, трагедия которой так естественна для страны, где все подчинено власти доллара.

Арк. ЗАХАРОВ

ТВОРЕЦ НАУКИ О КРИСТАЛЛАХ

Георгий БЛОК

Кто не любовался легчайшими снежинками или тончайшими кружевами инея, сплетенного морозом на стеклах окон?

Кто не восхищался искрометными уральскими самоцветами? Бесконечно разнообразные, созданные в великой мастерской природы, они поражают своей строгой, будто заранее задуманной симметрией.

Не очень давно естественные многогранники считались причудой «темных сил натуры», любопытной принадлежностью кунсткамер и музеев. Однако человеческий ум рассеял и это заблуждение. Забавная причуда обернулась правилом, непреложным законом мироздания. Редкость оказалась чрезвычайно распространенной. Ничуть не преувеличивая, скажем: мы обитаем в царстве кристаллов.

Кристаллы встречаются на каждом шагу, они вокруг нас. Человек добывает их из недр земли, обрабатывает, возводит из них различные сооружения, делает машины, приборы, а некоторые употребляет в пищу. Это не только общеизвестные лед, хрусталь, каменная соль, сахарный песок, но и несметное множество других твердых тел правильного строения.

Большинство горных пород сложено из кристаллов различных минералов. Любой металл — медь, олово, алюминий,— если на него взглянуть в микроскоп, представляет скопище кристаллических зерен. Даже заурядная сажа, простой моток шерсти, шелковая ткань, пчелиный воск — мельчайшие правильные постройки, которые обнаружены совсем недавно с помощью «всевидящего ока» рентгеновых лучей.

Каждое твердое вещество обладает неповторимой, ему одному присущей многоугольной формой: кубической или звездчатой, пластинчатой или игольчатой, пирамидальной или столбчатой — или сочетает в себе их комбинации.

Характерное отличие одного вида кристаллов от другого, так сказать, его «лицо», выражено в свойственной каждому симметрии. Доступная нередко простому глазу, она, эта симметрия, как бы отражает внутреннее устройство кристаллов, состоящих из правильно расположенных, слозно готовых к параду, рядов атомов. Мельчайшие кирпичики вещества — атомы — размещены в пространстве по всем направлениям и находятся в непрестанном движении. Такие ряды атомов за сходство с обычной решеткой были названы пространственными решетками.

«Кристаллы блещут симметрией». Это определение принадлежит Евграфу Степановичу Федорову, гениальному русскому ученому — геометру, минералогу, геологу. Он впервые в мире разгадал особенности симметрии многоугольных фигур, открыл все возможные пространственные решетки в кристаллах.

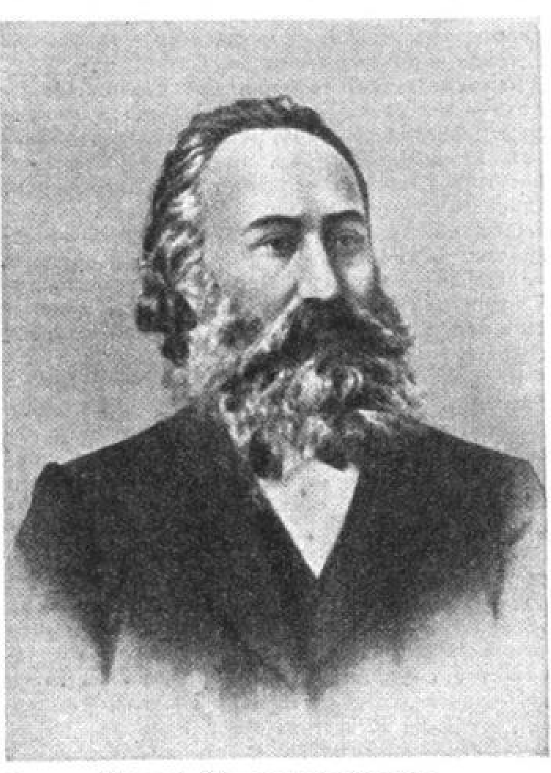
Евграф Степанович Федоров смело проторил в дебрях, куда никто не дерзал вступить, собственную тропу, вышел победителем из поединка с природой и принес отечественной и мировой науке бесценный трофей — знание атомного строения минералов. Знаменательно, что свои выводы он получил путем сложного математического анализа, перед которым, по его выражению, преклонилась сама природа.

Влечение к математике, влечение страстное и неутолимое, проснувшееся в раннем детстве, не покидало Федорова всю жизнь. «Венец сознательной деятельности человеческого разума — решение стоящих перед ним вопросов путем математического анализа»,— начертал он на своем знамени и никогда не изменял ему.

В детстве Федоров не разлучался с задачником, знал его на зубок, испещрял бумагу цифрами. В семейной хронике сохранился рассказ о том, как однажды семилетнему Евграфу попал в руки учебник элементарной геометрии, по которому старший брат готовился к экзаменам. Два дня младшего Федорова нельзя было оторвать от книжки: она захватила его воображение.

В училище, а затем в гимназии, куда ценой унизительных хлопот матери удалось на казенный счет определить сына, его отличало от сверстников пристрастие к естественным наукам. Куцые рамки программы не удовлетворяли пытливого школьника. Его вопросы частенько смущали преподавателей.

За год до выпуска Федоров покинул гимназию. Ему еще не исполнилось шестнадцати лет, когда он «на удивление» сдал конкурсный экзамен в Петербургское военно-инженерное училище. Способного юношу приняли, хотя он не достиг положенного по уставу возраста.

Евграф Степанович Федоров.

И здесь Федоров больше всего увлекался математикой, облеченной, по его признанию, ореолом красоты. Свободные часы он отдавал самообразованию, зачитывался передовыми журналами, где печатались революционные произведения Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева — властителей дум прогрессивной молодежи.

В 1872 году, девятнадцати лет, Федоров, подпоручик-сапер, поехал служить на Украину. Офицера не миновал повальный «недуг» того времени: в мечтах он видел себя врачом. На короткий срок медицина как бы заслонила математику.

На столе сапера рядом с таблицами и расчетами, циркулем и линейкой поселились книги по физиологии, атласы человеческого тела. Федоров подал в отставку, чтобы стать студентом Военной медико-хирургической академии. Но его попытка не удалась: нужно было предъявить аттестат зрелости, а за его отсутствием держать экзамен за полный курс гимназии.

Федоров всердцах махнул рукой: зубрежка внушала ему отвращение, да, видимо, настоящее призвание было к другому. А тут ему предложили поступить на второй курс Технологического института — пополнить пробелы в химии, физике, особенно по электричеству.

Бурные годы студенчества... Федоров чутко прислушивался к голосу времени. Он не мог оставаться в стороне от революционного движения. Протест против царского произвола привел его в народническую организацию «Земля и воля». Ему поручили наладить связь с зарубежными социал-демократами.

Летом без гроша в кармане он едет за границу, скитается по Западной Европе и, чтобы как-нибудь прокормиться, берется за любую работу: наборщика, носильщика на вокзале, молотобойца в кузнице.

В пору странствий Федоров встречался с немецкими революционерами, познакомился с творениями великих мыслителей Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Возвратясь на родину, он под влиянием марксистских идей осознал ошибочность народнических взглядов и порвал с народниками.

С неодолимой силой в нем пробуждается былая склонность к математике. Его особенно привлекают многоугольники. И в день своего двадцатипятилетия Федоров мог себя поздравить: найдена была собственная дорога в науке, с которой его ничто не заставит свернуть.

В полном одиночестве, без чьей-либо поддержки, он создал первый свой крупный труд — «Начала учения о фигурах», где выдвинул оригинальную теорию строения кристаллов.

В многолюдном Петербурге Федоров походил на Робинзона, очутившегося на необитаемом острове. Отказывая себе в самом необходимом, урывками зарабатывая на жизнь переводами, порой довольствуясь хлебом с селедкой, Федоров неуклонно продвигался к цели. Убежденный в том, что в стенах Горного института его фигурами заинтересуются, он поступил на третий курс.

Но все оказалось не так. В старинном учебном заведении молодой исследователь натолкнулся на раболепное почитание Запада, насаждавшееся царским двором. Едва Федоров заикнулся о своем труде, о том, какие перспективы откроются перед кристаллографией, озаренной новыми идеями, как руководитель кафедры предостерегающе поднял палец и «осадил» новичка:

— Никаких, батенька, обобщений. Нечего мудрствовать лукаво. Если бы можно было, то, не сомневаюсь, иностранцы давно бы сами придумали.

Подобного рода «поощрения» неспособны были поколебать ученого. Он найдет, он должен найти поддержку и понимание... Федоров отнес свой труд на квартиру к известному русскому математику. Тот, перелистав толстую рукопись с таблицами и прекрасно исполненными рисунками геометрических фигур, вернул ее автору.

— Сожалею,— заявил на прощанье математик,— но судить не берусь. Этим отделом современная наука не интересуется.

И только когда за ним захлопнулась дверь, ошеломленный Федоров опомнился и вслух произнес:

— Повидимому, она еще не доросла. Значит, ей надо помочь взобраться на следующую ступень.

Федоров упорствует в своем «заблуждении». Не может быть, чтобы никто не оценил по достоинству его теоретических построений. И вот первая радость. Он спешит поделиться новостью с женой. Крупный военный специалист и кристаллограф академик А. В. Гадолин поздравил его с блестящим решением трудной задачи.

«Начала учения о фигурах» после многолетних мытарств наконец увидели свет: их опубликовали в «Записках минералогического общества». Труд этот ознаменовал открытие новой страницы в науке, заложил прочный фундамент теоретической кристаллографии.

Студенту-ученому пошел тридцатый год, когда он окончил Горный институт. Имя выпускника занесли на мраморную доску — почет, какого удостаивались немногие. Однако талантливого инженера не оставили при кафедре для подготовки к профессорскому званию. Независимость взглядов, смелость и новизна в подходе к теме, неукротимое стрем-

ление идти не в фарватере, а впереди науки устрашили руководителя кафедры.

Нужда все возрастала, большая семья (жена и трое детей) не могла существовать на случайные доходы. И Федоров вынужден поступить в Геологический комитет консерватором, то есть хранителем музея.

Ежегодно весной исследователь уезжал на северный Урал в геологическую экспедицию. Человек удивительной энергии, он за шесть лет нанес на карту огромную территорию — пятнадцать тысяч квадратных километров,— детально изучил строение обширных и глухих тогда районов горного кряжа. Кроме того Федоров обследовал залежи серебряно-свинцовых руд в Архангельской губернии, плавал по Белому морю, побывал на островах и побережье Кандалакшской губы. На практике он убедился, насколько правильны прогнозы русских ученых М. В. Ломоносова и И. И. Лепехина, которые единодушно утверждали, что в недрах северных окраин нашей Родины скрыты обильные минеральные богатства.

Федоров возвращался в Петербург после пяти—шести месяцев странствий, уставший, но неизменно бодрый, с запасом свежих впечатлений. «Передо мной,— вспоминала его жена,— стоял какой-то паломник, не то грек, не то болгарин, в потертой одежде, с кудрями по плечам, похудевший до изнеможения, черный до неузнаваемости».

Зимой Федоров, по собственному признанию, наслаждался, изучая строение природных многогранников. Его книги — «Этюды по аналитической кристаллографии» и «Основные формулы аналитической геометрии в улучшенном виде» — не смогли пробить стену равнодушия и непонимания. Жрецы науки, ждущие «света с Запада», подтрунивали над непокорным, не придавали значения его трудам.

Но уныние чуждо борцу за передовые идеи. Он убедился, что самоцветами только любовались, но их не изучали. «Самой же худенькой и невзрачной старушкой,— с горечью писал ученый,— оказывается кристаллография. Любопытно было бы знать процент лиц нашей интеллигенции, хотя бы слышавших что-нибудь про эту науку, даже о самом ее названии».

Федоров сбросил сморщенную маску с лица «старушки», показал ее подлинные черты, сияющие молодостью. Кристаллография обязана ему своим настоящим рождением. Благодаря его неусыпным заботам она заняла подобающее место среди других отраслей знания. А Федоров обессмертил свое имя, его по справедливости зовут отцом современной кристаллографии.

В труде «Симметрия правильных систем фигур» Федоров впервые в истории с исчерпывающей полнотой и четкостью формулирует законы, которым подчиняется мир кристаллов. Он установил, что атомы расположены в природных многогранниках в двухстах тридцати различных комбинациях.

Через два с лишним десятилетия рентгеновы лучи позволили заглянуть внутрь вещества. Они показали, что выведенные Федоровым законы совершенно точно отражают размещение элементарных частиц, составляющих основу строения кристаллов. И когда эксперимент неопровержимо подкрепил математические выводы Федорова, он писал: «Не могу воздержаться от заявления, что я никак не думал дожить до действительного определения расположения атомов в кристаллах, предусмотренного в прежних моих сочинениях».

В дофедоровский период кристаллография не знала обобщений. Коллекционеры фактов всовывали в толстую регистрационную папку «входящих» все, что попадалось, не пытаясь осмыслить связи между явлениями, не освещая пути фонарем теории. Ревнители деталей и частностей не только не видали за деревьями леса, но уверяли, что его нет, да и быть не может.

Двести тридцать федоровских геометрических законов внесли ясность в то, что представлялось первозданным хаосом, показали, что в этой кажущейся неразберихе царит суровый, никогда и ничем не нарушаемый порядок.

«Кристаллы блещут симметрией». Законы стройной, незыблемой симметрии управляют жизнью кристаллов. Гениальные построения Федорова — прочная основа наших представлений о строении вещества.

Западные кристаллографы вынуждены были признать, что приоритет в этой области принадлежит русскому ученому. Теоретически обоснованные им вечные и нерушимые законы заставили коренным образом пересмотреть все, что было сделано раньше. Мюнхенский профессор П. Грот с восхищением писал, что кристаллографы всего мира преклоняются перед открытием Федорова.

Русский ученый был и одаренным изобретателем. Он сконструировал новый прибор, который перевооружил исследователей. До него углы многогранников измерялись при помощи примитивного гониометра. Овладеть этим аппаратом удавалось далеко не каждому. Мастерство достигалось годами утомительных упражнений. Хорошего гониометриста в старину сравнивали с ловким фехтовальщиком. Разница между федоровским прибором и старым столь же велика, как, например, разница между автомобилем и телегой.

Выдающуюся роль сыграл второй прибор, изобретенный Федоровым, который поставил себе целью упростить и ускорить кристаллооптические методы изучения вещества. Раньше, чтобы узнать свойства кристаллов, приходилось изготовлять множество тончайших шлифов — срезов минерала.

Универсальный теодолитный столик Федорова — это своеобразная приставка к микроскопу. Благодаря тому, что ее можно наклонять в любую сторону, один шлиф заменяет десятки, позволяя выяснить все особенности изучаемого минерала.

Обе конструкции, подробно описанные автором, чрезвычайно облегчили, изменили и обогатили методы исследования кристаллов. В наши дни ими широко пользуются минералоги, петрографы, физики и химики во всех странах земного шара.

Стремясь сделать свои открытия достоянием практики, Федоров выпустил «Краткое руководство по кристаллографии», которое передовые ученые называли «учебником будущего». Однако в конце прошлого века мало кто понимал величие совершенного Федоровым научного подвига.

Материальные невзгоды (сам Федоров писал: «нечем кормить детей») вынудили его покинуть Петербург и переехать на Урал в Богословский горный округ. На Турьинских рудниках дела обстояли из рук вон плохо. Начальство считало, что запасы меди на исходе,— почти вся добыча шла в отвал,— а значит, рудники и заводы надо прикрыть. «Так ли это?» — должен был ответить Федоров.

Его собственные приборы блестяще выдержали испытание. Он создал подробную карту округа, выяснил, куда «исчезла» медь; добыча хорошей руды возобновилась.

В 1895 году Федорова избрали профессором геологии Сельскохозяйственного института, незадолго до того организованного вместо славной своими революционными традициями Петровской академии. Но бросить Турьинские рудники он не хотел. И ежегодно Федоров отправлялся из Москвы на Урал, чтобы руководить геологической разведкой в Богословском округе.

— Это счастливейшая пора в моей жизни,— вспоминал ученый о десятилетнем пребывании в институте. Параллельно он вел курс кристаллографии в Петербургском горном институте.

Известность Федорова растет. Его нельзя не заметить, и он избирается адъюнктом Российской академии наук. Его увлекают предложением открыть специально для него минералогический институт, отпустить на это необходимые средства. Но великий князь Константин, тогдашний президент Академии, не склонен держать слово.

Федоров, возмущенный бюрократической возней, подает заявление с требованием уволить его «из числа академиков». Невозможно без волнения читать это «прошение на светлейшее имя». Документ рисует образ ученого-борца, который, подобно М. В. Ломоносову, умел постоять за себя, за честь и независимость русской науки.

Осенью 1905 года совет профессоров Горного института выдвигает своего бывшего воспитанника на пост первого выборного директора. Кандидатура Федорова проходит единогласно. Наконец он может «развернуться вовсю». Его лекции стремится послушать не только студенческая молодежь, но и видные научные работники — представители университетских центров России и зарубежных стран. Слушателями-учениками главы отечественной и мировой кристаллографии становятся профессора Т. Барнет из Оксфорда, Л. Дюпарк из Женевы, Джумбо из Токио. Иностранные академии и общества оспаривают друг у друга честь считать его своим членом.

Федоров перестраивает систему преподавания; приводятся в порядок обширные минералогические коллекции музея; начинает выходить новый журнал «Записки Горного института», неофициально называемый федоровским журналом.

Но и в этот период русский ученый главное внимание сосредоточивает на кристаллографии. Он создает кристаллохимический анализ — венец его творческих дерзаний, вершина его научных исканий.

Тонкая методика, предложенная Федоровым, дает возможность познать вещество, не разрушая его, не превращая в раствор. Путем остроумных оптических измерений разгадывается химический состав и внутреннее строение минерала. Даже самый экономный химический анализ требует ощутимого количества материала, а способ Федорова позволяет ограничиться кристалликом величиной с булавочную головку.

Химический анализ обычно длится долго, сложный состав иногда определяют неделями. Кристаллохимический занимает немногие минуты, а трудный случай — несколько часов.

Впервые в истории Федоров связал воедино кристаллическое строение с химическим составом, показал их взаимозависимость. Десять лет он вместе с группой учеников и последователей составлял фундаментальные сводные таблицы по кристаллохимическому анализу, опубликованные под названием «Царство минералов».

В своей деятельности Федоров, следуя завету Ломоносова, принес в кристаллографию «совет от математики, от химии и вообще от физики». Человек широко образованный, он подвел крепчайший математический и геометрический фундамент под кристаллографию. И всегда неутомимо искал самое простое, которое, по его словам, «обычно есть самое правильное».

Исследователь-мыслитель горячо приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию, навсегда раскрепостившую нашу Родину. Он чувствовал необычайный подъем, прилив молодых сил, стремился помочь свободному народу. Кроме Горного института, ученый читал лекции и в других институтах, выступал с докладами и сообщениями, печатал новые работы.

Федорова избирают членом Российской академии наук. Он снова проверяет свой последний труд «Царство кристаллов» и вносит в него исправления.

Тяжелая зима 1919 года... Здоровье Федорова сдает: он надломлен годами напряженного труда и неравной борьбы с рутинерами за передовые материалистические идеи. Евграфа Степановича укладывают в постель, с которой ему не суждено было встать...

Огромно федоровское научное наследство. Выращенная великим новатором школа минералогов-кристаллографов заняла ведущее место в мире. Различные изобретенные им приборы совершили победное шествие по лабораториям в нашей стране и за ее пределами. Ежегодно проводятся «федоровские чтения», где советские исследователи докладывают о своих достижениях.

Значителен перечень научных трудов ученого-новатора. Их почти пятьсот; свыше трехсот посвящено кристаллографии и старшей ее сестре — геометрии; третья часть работ — минералогии и геологии.

Под влиянием передовых идей Федорова отечественная минералогия подверглась коренной перестройке, неузнаваемо изменилась. Благодаря его трудам стала понятной картина атомного строения кристаллов, сделалась ясной связь между твердостью, цветом, блеском, спаянностью минералов и их структурой.

Неустанная деятельность Евграфа Степановича Федорова, совершенные им выдающиеся открытия как бы вспахали целинные, веками нетронутые земли. На этой взрыхленной им земле выросли и расцвели новые идеи и направления, развитые советскими учеными.

Немеркнущий свет

З. МОХОВ

«Библиотека слепых». Иной прохожий с удивлением остановится около этой скромной вывески у подъезда большого дома на одной из многолюдных улиц Москвы и подумает:

«Странное учреждение! Разве незрячий может читать? Какие же здесь могут быть книги?»

...В маленьком зале светло, уютно, безукоризненный порядок. Тишину нарушает лишь шелест перелистываемых страниц. Знакомая обстановка обычного читального зала. Но совершенно необычны здесь книги: плотные, большого формата и... без единой буквы. Только маленькие бугорки рядами покрывают их страницы. Пальцы читателей быстро перебегают по этим точкам-бугоркам.

Книги напечатаны выпуклым шрифтом. Вся азбука для незрячих состоит из комбинаций шести точек. Для обозначения одних букв и знаков достаточно одной или двух точек, другие буквы и знаки складываются из сочетания трех, четырех, максимум шести точек, расположенных в определенном порядке. Меняя количество и взаиморасположение точек, получают комбинации, совершенно достаточные не только для построения алфавита, знаков препинания и цифр, но и для обозначения математических формул и даже нотных записей.

Можно назвать ряд замечательных советских людей, достигших большого совершенства в науке, технике, искусстве, несмотря на отсутствие зрения.

Только в нашей стране возможно заботливое, подлинно гуманное отношение к человеку, лишившемуся зрения. Незрячие объединены у нас в добровольную организацию — Общество слепых,— которая пользуется широкой государственной помощью и поддержкой общественности.

Общество слепых проводит большую и плодотворную работу по трудовому устройству, профессиональному обучению и культурному обслуживанию людей, потерявших зрение. В различных отраслях промышленности — металлообрабатывающей, деревообделочной, текстильной, швейной, химической, электромашиностроительной и других — слепые в совершенстве освоили много профессий, ранее казавшихся недоступными для незрячего человека.

Двери высшей и средней школы в нашей стране широко открыты для слепых. Они учатся в различных вузах, техникумах, музыкальных училищах и профессиональных школах. Созданы специальные школы с интернатами, где незрячие дети получают за счет государства бесплатное питание, обмундирование и заботливый уход.

Такая постановка общего образования и профессионального обучения была бы невозможна, если бы слепые не могли пользоваться необходимой литературой. Этому делу в СССР уделяется исключительное внимание: для слепых издаются журналы, учебные пособия, художественная, политическая и специальная литература.

За годы советской власти создана большая библиотека политической и художественной литературы в Москве, а по стране организована широкая сеть стационарных и передвижных библиотек, где незрячий читатель может получить основные труды В. И. Ленина и И. В. Сталина, социально-экономические и политические книги, произведения классиков отечественной и мировой литературы. По способу рельефной печати систематически выпускаются произведения лауреатов Сталинской премии. Ведется подготовка к изданию этим способом учебников для высшей школы и пособий для научных работников.

* * *

Как же работают люди, потерявшие зрение,— рабочие, инженеры, педагоги?

Нагляднее всего это можно проиллюстрировать на опыте специализированных предприятий, организованных Всероссийским обществом слепых. Вот одно из таких предприятий — 2-й учебно-производственный комбинат в Москве. Он выпускает сложную электроустановочную аппаратуру, электромоторы. Завод уже давно выполнил свой пятилетний план.

Все операции, начиная от холодной обработки металла и кончая сборкой и упаковкой изделий, производятся здесь руками незрячих. Директор завода, начальники цехов, токари, прессовщики, накатчики, обмотчики, сборщики, упаковщики — слепые.

Особые технические приспособления значительно облегчают их труд, делают его совершенно безопасным.

— На собственном опыте мы убеждаемся, — говорит начальник одного из цехов этого завода,— что для выполнения многих работ огромное значение имеет чувство осязания.

Возьмем, для примера, штамповку, контрольно-измерительные работы, сборку, сортировку, упаковку. На этих и многих других операциях даже зрячие по мере накопления опыта и профессиональных навыков максимально разгружают зрение и, развивая у себя чувство осязания, работают «вслепую». При отсутствии же зрения это чувство еще более обостряется, совершенствуется и дает возможность незрячему достигнуть высокой производительности труда, в ряде случаев даже большей, чем у зрячих.

Наряду с чувством осязания серьезное значение имеет зрительный опыт, который помогает человеку продолжать самую сложную интеллектуальную деятельность и при полной потере зрения.

— И зрячий конструктор в своей работе зачастую пользуется умозрительным методом, — рассказывает слепой инженер-конструктор тов. Тараторин. — Если нужно сосредоточиться на каком-нибудь сложном расчете, он иногда закрывает глаза и проводит умозрительный анализ. Это говорит о том, что инженер, потерявший зрение, может продолжать свою работу конструктора или консультанта по своей специальности, оперировать необходимыми расчетами, графическим оформлением. Незрячий конструктор при этом умозрительно производит все необходимые расчеты, а графическое оформление осуществляет путем диктовки техническому работнику.

В Красном уголке производственных мастерских комбината Общества слепых в Москве систематически занимается шахматный кружок.
Фото Г. Санько

* * *

Всероссийское общество слепых и его местные отделы и секции помогают органам здравоохранения предупреждать слепоту, сохранять трудоспособность людей с ослабленным зрением. Санитарное просвещение, правильная диагностика и квалифицированное лечение, своевременный перевод на работу, не требующую напряжения зрения,— все это часто спасает зрение и сохраняет трудоспособность людей. Не случайно в СССР отмечается резкое снижение количества слепых. Советская офтальмологическая наука помогла вернуть зрение и многим ветеранам войны.

...В затемненной кабине офтальмологического отделения лечебницы врач внимательно изучает глаза больного. Пациент жалуется на прогрессирующее ухудшение зрения, на головные боли, на то, что ему все труднее и труднее становится читать. Не грозит ли ему слепота? — с тревогой смотрит он на врача.

— Зрение можно спасти и сохранить на всю жизнь, — говорит врач, — но при одном условии: щадить глаза. Надо перейти на работу, не требующую напряжения зрения. От чтения вам придется совершенно отказаться, иначе ослепнете.

— Отказаться от чтения! Это значит оторваться от привычной работы!

— Не обязательно! — говорит врач. — Вам следует научиться читать и писать по азбуке для незрячих.

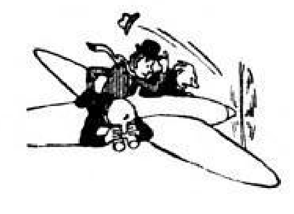
Проходит несколько месяцев, и больной, последовавший совету врача, обретает «интеллектуальное» зрение: он уже бегло читает книги и журналы, специальную литературу, напечатанные рельефным шрифтом.

Советские ученые, врачи, педагоги, работающие среди лишенных зрения, получают много писем. Эти бодрые, жизнерадостные письма выражают мысли и чувства людей, которым наше государство помогло вернуться к труду. Гордое сознание вновь обретенной полноценности воодушевляет их на плодотворную деятельность.

Быт и нравы за рубежом

С высоты птичьего полета

Желтая печать маршаллизованных стран посильно помогает пропагандировать «американский образ жизни», перепечатывая рекламные статьи и фотографии из заокеанских иллюстрированных журналов. Но руководителям американской пропаганды этого показалось мало: было организовано специальное путешествие 50 западноевропейских журналистов по Соединенным Штатам для ознакомления с «общим видом американской цивилизации». Вокруг этого предприятия была поднята неслыханная шумиха.

Как сообщали американские газеты и их европейские подголоски, путешествие продолжалось 15 дней, причем представителям «свободной европейской прессы» удалось покрыть по территории США не более, не менее, как 19 тысяч километров. Скорость их передвижения по США достигала около 1300 километров в день.

В газетных отчетах не сказано, на каком виде транспорта передвигались журналисты. Видимо, для того, чтобы получить впечатление об «общем виде американской цивилизации», они обозревали ее с высоты, на которую их поднял пассажирский самолет.

Голос честных людей Америки

Около десяти лет назад знаменитый американский киноактер и режиссер Чарли Чаплин, выпустивший в то время фильм «Диктатор», направленный против Гитлера, был обвинен в «подстрекательстве к войне». И в тот самый день —7 декабря 1941 года,— когда Чаплин должен был предстать перед комиссией палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, японские самолеты разгромили базу американского военного флота в Пирл-Харбор.

Соединенные Штаты оказались в состоянии войны с гитлеровским блоком. Суд над Чаплиным не состоялся. Добровольные адвокаты Гитлера из палаты представителей вынуждены были отложить начатую борьбу с прогрессивными элементами в кинематографии. Но когда после победы Советского Союза над фашистской Германией заправилы Уолл-стрита начали готовить новую войну, американская реакция опять повела наступление на все передовое, демократическое, что сохранилось в американском искусстве и литературе. Первый удар обрушился на киноискусство — самое массовое и действенное.

В конце 1947 года 19 видным прогрессивным деятелям Голливуда были вручены официальные повестки с предписанием явиться в Вашингтон, в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, чтобы «дать показание по вопросам, касающимся расследования, проводимого указанной комиссией». Подпись— Дж. Парнелл Томас.

Целью этого расследования деятельности Голливуда, по словам Томаса, было «обнаружить подрывное, коммунистическое и антиамериканское влияние в кинематографии». На самом деле цель комиссии состояла в том, чтобы, во-первых, опорочить всех прогрессивных работников кино и изгнать их из кинопромышленности и, во-вторых, искоренить из американских фильмов всякий намек на демократию и свободу, окончательно превратить кино в идеологическое оружие американского империализма.

Комиссия полностью провалилась в официальной части своей программы: «коммунистического заговора» она не обнаружила. Но своей фактической цели она достигла: Голливуд теперь целиком поставлен на службу империалистической пропаганде.

Гордон Кан, известный прогрессивный американский писатель и сценарист, решил обличить комиссию Томаса, показать истинные цели расследования. Когда читаешь его книгу «Прогрессивные деятели Голливуда перед судом»—изложение событий, происходивших на заседаниях комиссии, испытываешь чувство глубочайшего уважения к мужеству людей, которых Томасу и его подручным не удалось ни сломить, ни запугать. «Я предпочитаю умереть, чем быть плохим американцем, пресмыкающимся перед людьми, имена которых — Томас и Ренкин и которые ведут в Америке такую же деятельность, какую проводили в Германии Геббельс и Гиммлер», — заявил на заседании комиссии прогрессивный сценарист Альберт Мальц. Однако другим «недружественным свидетелям» не разрешили прочесть свои заявления. В книге Кана они приводятся полностью. Голос Америки — подлинной, народной, слышим мы, читая эти строки, свидетельство смелости и духовной силы:

«...Чего боятся Дж. Парнелл Томас и антиамериканские круги, которым он служит? Они боятся американского народа. Они хотят заткнуть рот не мне,— они хотят заткнуть рот общественному мнению» (Джон Говард Лаусон).

«...Истинная цель комиссии по расследованию антиамериканской деятельности состоит в том, чтобы создать подходящую атмосферу и действовать в качестве передового отряда подлинно антиамериканских сил, подготовляющих фашистский переворот в Америке» (Алва Бесси).

«...Нас не запугать. Мы не дрогнем. Мы не позволим, чтобы нам затыкали рот и запрятывали в концентрационные лагери. Мы будем попрежнему подымать свой голос в защиту справедливости...» (Адриан Скотт).

Страницы, где описывается зловещая работа комиссии, своим убийственным сарказмом напоминают памфлеты Марка Твена.

Показания так называемых «дружественных свидетелей»: Менжу, Купера, Тэйлора и других людей, которые, как говорил про них прогрессивный сценарист Ринг Ларднер, «так часто трусливо оглядываются через плечо, что подвергаются серьезному риску вывихнуть себе шею», не дали комиссии достаточно веских материалов для обвинения прогрессивных деятелей Голливуда в «подрывной коммунистической пропаганде». Но Томас, выполняя приказ своих хозяев, сделал все для того, чтобы убрать прогрессивных людей из кинематографии. Комиссия решила привлечь «недружественных свидетелей» к судебной ответственности по обвинению в неуважении к конгрессу из-за их отказа отвечать на вопрос о принадлежности к коммунистической партии (10 апреля 1950 года Верховный суд США отклонил апелляции Лаусона и Трамбо, и теперь они, по приговору федерального суда, должны быть брошены в тюрьму).

В книге далее рассказывается о том, как был организован отпор наступлению реакционных кругов на свободу и права американского народа. «Далтон Трамбо выкрикнул со свидетельской трибуны в микрофон радиосети: «Это — начало концентрационных лагерей в Америке!» — и словно леденящий осенний ветер подул по всей стране от этого следствия в Вашингтоне», — пишет Г. Кан.

Миллионы американцев поняли, какая опасность грозит им. Возникло несколько организаций, объединивших большое количество работников литературы и искусства с целью поддержать тех, кто «стоит на первой линии обороны свободы».

Мощная волна протеста поднялась в стране, и Томас вынужден был приостановить свой «вашингтоно-голливудский фарс», допросив только 10 человек из 19.

Но в тот момент, когда реакция вынуждена была отступить, кинопромышленники во главе с пресловутым Э. Джонстоном, на первых порах говорившие о своей солидарности с вызванными в комиссию людьми, вдруг, словно по мановению волшебной палочки, переменили курс. Подлинные хозяева Голливуда — магнаты Уолл-стрита — «нажали пружину». Кинопромышленники подчинились; фильмы, в которых обнаруживался хоть намек на прогрессивную идею, были сняты с производства; сотни людей, заподозренных в принадлежности или даже в сочувствии к компартии, выброшены на улицу.

Через несколько дней после того, как Эрик Джонстон объявил, что 10 прогрессивных деятелей будут уволены и занесены в «черный список», один из клубов Филадельфии присудил премию фильму «Перекрестный огонь» за его вклад в дело борьбы с расизмом. Создали этот фильм Адриан Скотт и Эдвард Дмитрык, двое из десятки. Премию принимал не кто иной, как Эрик Джонстон,— и произнес при этом речь... о благе расовой терпимости. Он заявил, что гордится тем, что Голливуд предоставляет широкие возможности для свободного творчества каждому человеку, независимо от его расы и убеждений.

«Репортеры не сообщили, покраснел ли Джонстон, когда произносил эти слова»,— пишет в заключение Г. Кан.

Обещанное Томасом раскрытие «коммунистического заговора» в Голливуде так и не состоялось. Но расследование принесло результаты, неожиданные для его устроителей. Американскому народу стало более ясно, что в нынешней Америке ни один гражданин не гарантирован от нарушения прав личности. Многие простые люди Америки лучше стали понимать, что за криками о «коммунистической опасности» кроются фашизация страны и подготовка войны.

Г. Кан своей книгой помогает разоблачению преступной политики монополистов Уолл-стрита.

А. ЮРОВСКИЙ

Гордон Кан. Прогрессивные деятели Голливуда перед судом. Иноиздат 1949. 207 стр. Цена 8 руб. 70 коп.

Первая книга кабардинской прозы

Северный Кавказ богат поэтами. Далеко за его пределами известны имена лезгинского ашуга Сулеймана Стальского, аварского сатирика и баснописца Гамзата Цадаса, адыгейского народного певца Цуга Теучежа, кабардинского сказителя Бекмурзы Пачева, осетинского лирика Нигера. Особенностью нашего времени является расцвет прозы в молодых советских литературах, сравнительно недавно обретших письменность. Некоторые из этих прозаических произведений завоевали признание широкого читателя — назовем хотя бы удостоенный Сталинской премии роман адыгейского писателя Тембота Керашева «Дорога к счастью».

Изданный на русском языке сборник произведений Хачима Теунова «Новый поток» является первой книгой кабардинской прозы. В этой книге немало недостатков, но бесспорны и ее художественно - познавательное значение и талант автора.

Сборник открывается рассказом «Аслан», в котором изображена жизнь старой Кабарды с ее чрезвычайно сложной феодальной системой, существовавшей вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Уже первые строки рассказа дают нам представление о реалистической манере письма Теунова:

«Мишаж» — старый матерый медведь — это прозвище как нельзя лучше подходило к Аслану. Был он огромный, широкоплечий, с лицом, густо заросшим косматой черной бородой. Сильная походка вразвалку, изношенная, побуревшая от солнца черкеска, войлочная шляпа, залохматившаяся по краям, растоптанные чувяки из грубой сыромятины дополняли его сходство с нелюдимым обитателем лесов».

Этот батрак брался за любую работу, где требовалась его медвежья сила. Он стал пасти сельское стадо, и однажды оно зашло на княжескую землю. Объездчик князя Кушука прогнал стадо, и в пропасть упала пегая корова вдовы Нисааф — будущей жены батрака. Добродушный гигант в отчаянии: для Нисааф и ее детей корова — единственный источник существования. Аслан ищет утешения у муллы, и тот учит его: надо искупить свои грехи кровью гяуров (не мусульман).

Вскинув на плечо берданку, Аслан вышел на берег Терека с твердым намерением убить гяура, чтобы заслужить милость аллаха; и первым, кого он увидел, был печник Михаил из соседнего железнодорожного поселка, старый его приятель. Аслан опустил ружье и, пристыженный, направился к железнодорожной станции. Там, в станционном буфете, шумела большая компания: князь Кушук со своими уорками (дворянами) и джигитами. Хачим Теунов с художественной силой показывает, как враждебен Аслану этот мир дворян и богачей.

Оскорбленный князем, Аслан убивает его и находит себе пристанище в доме печника Михаила. «У простого человека — один гяур,— говорит ему Михаил.— Гяур этот — тот, кто захватил все блага жизни, кто ездит на нашей шее. Ты, Аслан, ходи по земле, да присматривайся, да вникай».

Напутственными словами Михаила кончается этот рассказ, и больше мы не встречаемся с Асланом. А жаль: он врезался в нашу память — этот сильный, добрый и суровый человек, прозревший для ненависти и борьбы. Его друг Михаил появляется вновь в следующих рассказах Теунова: в «Золотом утре» и «Новом потоке».

Главные герои «Золотого утра» — пионеры: толстый Батоко, веснушчатый тихоня Барасби, чубатый весельчак Ваня, кудрявый Казбек. Все они живут в детском доме. Их звеньевой Асллануко — сын партизана Аслана, убитого в годы гражданской войны. В Нальчик приехал друг Аслана, крупный советский работник Михаил Иванович, и все звено пришло к нему в гости на дачу. Это та самая дача в Затишье, на которой в 1921 году отдыхал товарищ Сталин.

«Аслануко и все ребята взволнованно поглядели вокруг себя, не пропуская ни одного предмета, словно спрашивая эти зеленые, вьющиеся стены, эти белые, опрятные столы: неужели они видели товарища Сталина? — и веранда показалась им еще более прекрасной».

Хотя рассказ ограничен встречей Михаила Ивановича с пионерским звеном, он читается с неослабевающим интересом, ибо насыщен яркими деталями из жизни Кабарды тридцатых годов.

В «Новом потоке» Михаил Иванович выступает перед читателем как начальник строительства электростанции, а Аслануко — как инженер... Канал пройдет через двор старого колхозника Цару Котова, и убогая хижина Цару должна быть снесена. Цару предоставляют новый дом в благоустроенном поселке, но старик отказывается покидать свою хижину, в которой жили его предки. Побеждает новое: Цару, убежденный доводами сына машиниста Билеят, Аслануко, Михаила Ивановича, становится энтузиастом строительства и переходит в новый дом.

Рассказ этот слабее предыдущих. Перелом в сознании Цару чересчур поспешен, художественно не обоснован. Не развивается в рассказе и образ Михаила Ивановича, наоборот, он здесь как бы тускнеет: мы не видим в нем черт действенного большевика, строителя коммунизма, — он скорее напоминает благородного мудреца из древних сказаний. Невероятным является и то, что Цару не знал о существовании новых домов, хотя они расположены рядом с его селеньем.

Вряд ли можно признать вполне удачной и пьесу Хачима Теунова «Испытание». Действие пьесы происходит в дни Великой Отечественной войны, когда гитлеровские захватчики временно оккупировали Кабарду. Следует приветствовать намерение автора показать, как помогали кабардинские колхозники Советской Армии, ведя партизанскую борьбу, спасая государственное добро. В пьесе немало трогательных сцен, хорошо написана фигура парторга колхоза Фицы Батокова, запоминается старый партизан Жанхот Ельдаров, оставленный партией для работы в тылу врага. Но остальные характеры едва намечены, а некоторые вызывают сомнения. Непонятно, например, почему Талюстан Емзагов стал предателем — старостой, назначенным оккупантами. Автор объясняет это тем, что Талюстан решил «показать себя» комсомолке Марьян, отказавшейся выйти за него замуж. Но от этой наивной обиды деревенского парня очень далеко до такого ужасного преступления, как измена Родине. Прельстясь «замысловатым» сюжетом, автор пожертвовал правдой жизни и потерпел поражение.

Сборник Теунова завершается тремя очерками, из которых первые два — «Чудесный самородок» и «Али Шогенцуков» — значительны по теме и хорошо написаны.

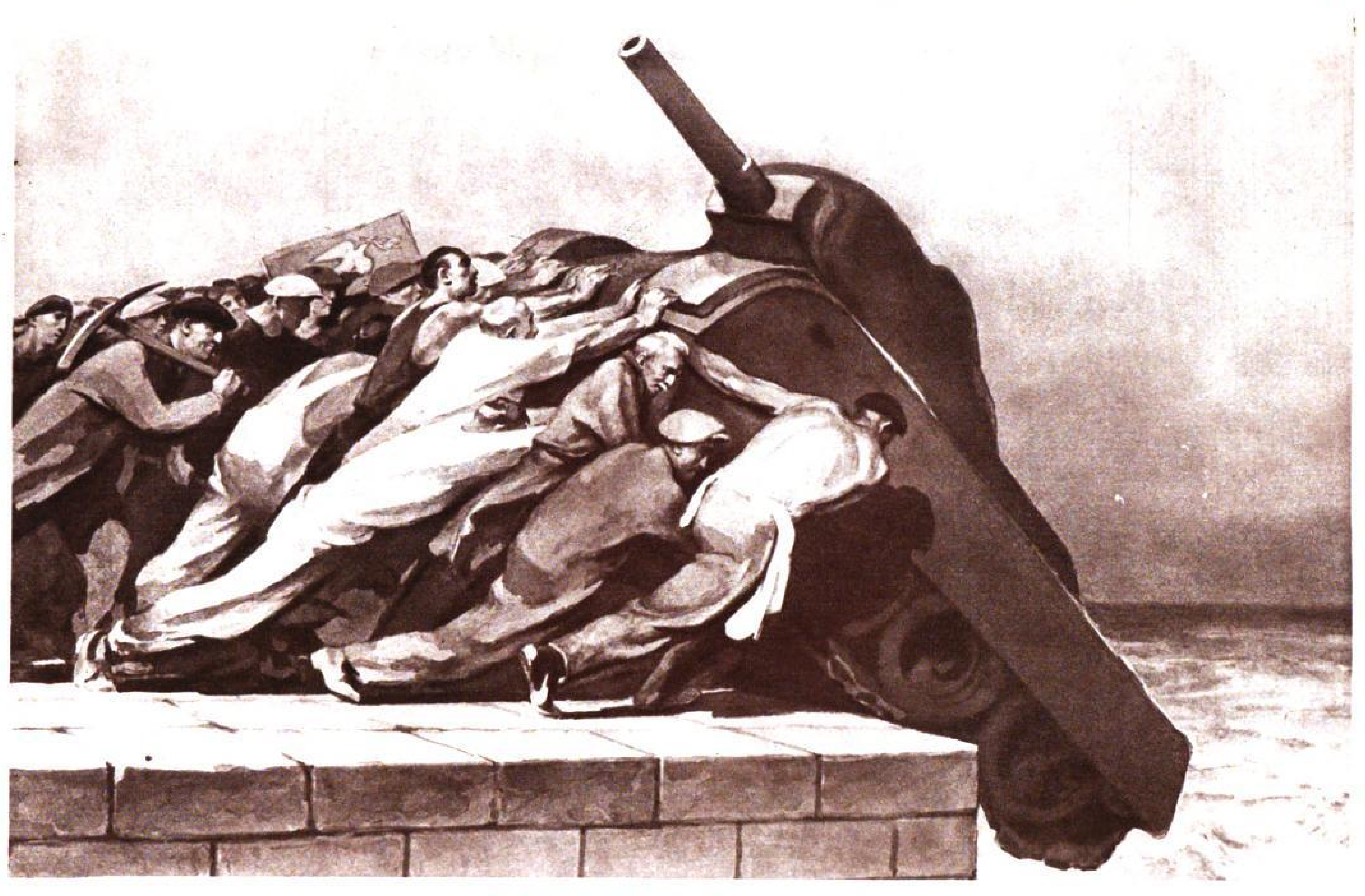
«Чудесный самородок» — один из родоначальников кабардинской поэзии, народный сказитель Бекмурза Пачев. Родившийся около ста лет назад, он был современником трех революций и уже в преклонном возрасте воспел социалистическое преображение родной Кабарды. Вся жизнь Бекмурзы Пачева — от его первой попытки создать кабардинскую азбуку до его борьбы за строгое соблюдение колхозного устава — была посвящена народу. Его литературное наследие составляло свыше 14 тысяч стихотворных строк, но большая часть стихов погибла от рук фашистов. Уничтожены были гитлеровцами и собранные в течение многих лет материалы о жизни и деятельности сказителя Поэтому для нас особенно драгоценны эпизоды из жизни Пачева, рассказанные его односельчанами и живо переданные Хачимом Теуновым.

Второй очерк посвящен классику кабардинской советской поэзии Али Шогенцукову, павшему смертью храбрых в борьбе с фашистскими захватчиками.

Богатое литературное наследие Али Шогенцукова — результат мощного воздействия на поэта русской классической и советской поэзии. Это воздействие оказалось благотворным для всей кабардинской литературы. Тому свидетельство — появление на русском языке первой книги кабардинской прозы. Автору этой книги Хачиму Теунову следует вдохновенно учиться у русской литературы, переносить на кабардинскую почву ее главную особенность — правду жизни.

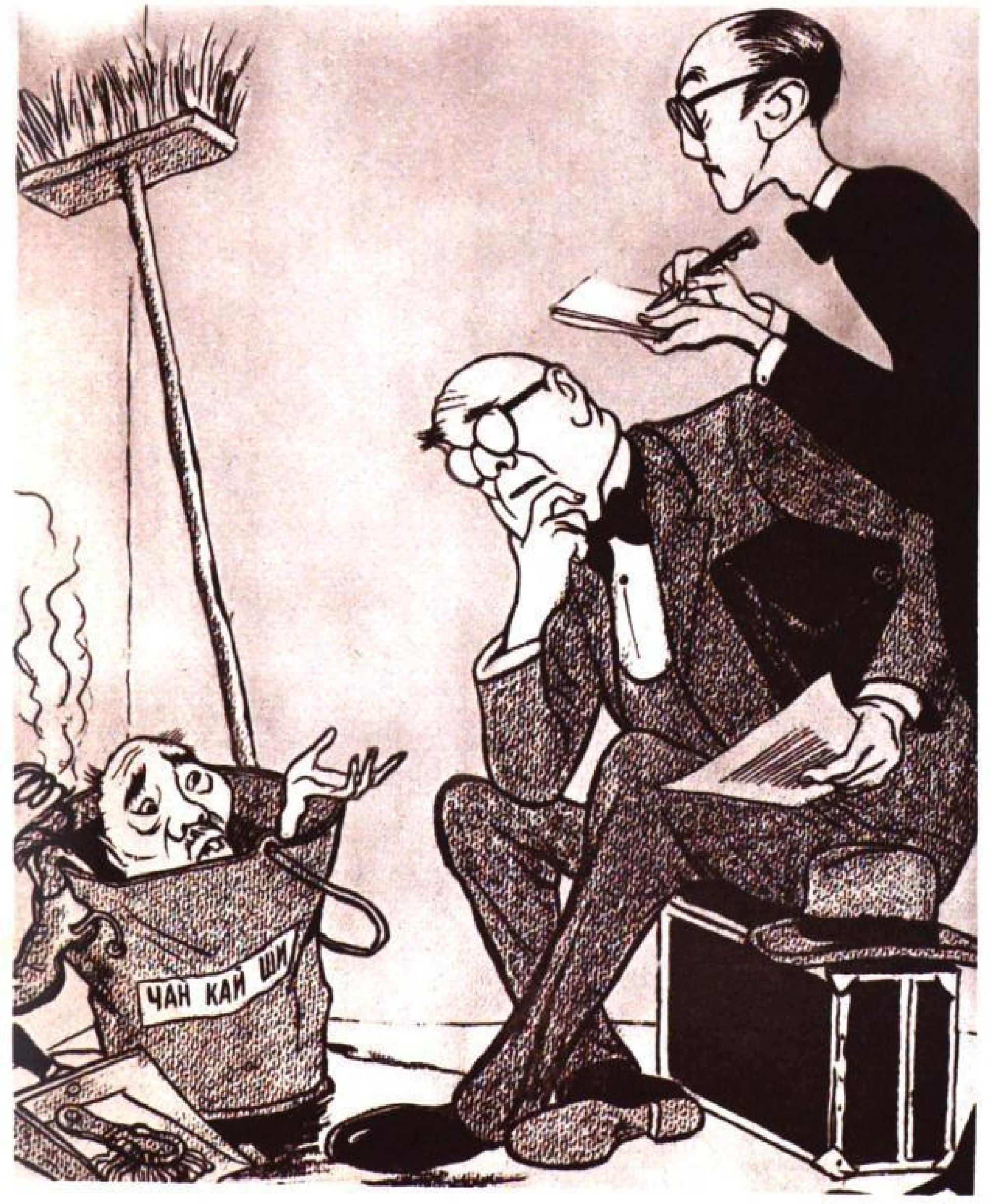
С. ЛИПКИН

Хачим Теунов. Новый поток. Кабардинское государственное издательство. 1949 г. 245 стр. Цена 7 р.

Б. ПРОРОКОВ. «Танки Трумэна на дно!»

КУКРЫНИКСЫ. «Совещание» на Формозе».

КУКРЫНИКСЫ. «Де Гаспери Маршаллу:
— Потерпите минуточку... Сейчас еще раз попробуем одеть».

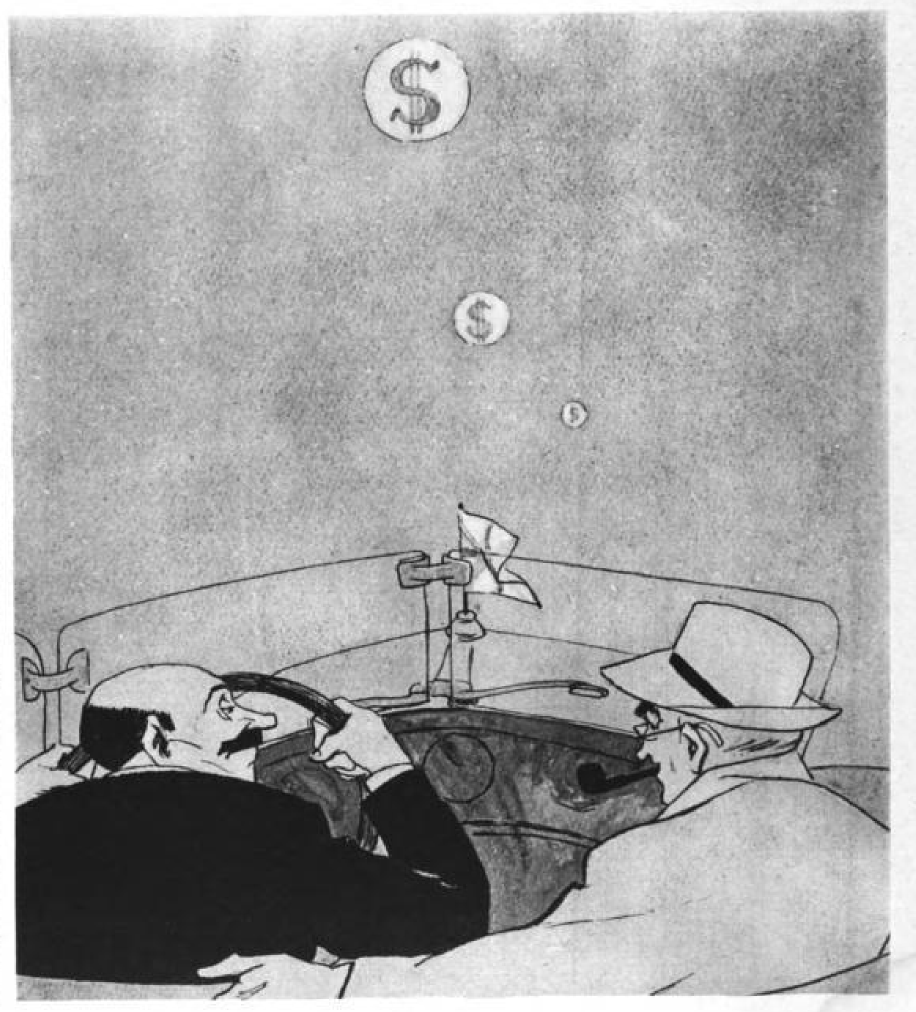
М. ЧЕРЕМНЫХ. «— Опять эта рука Москвы!
— Увы, сэр, это уже голос мира!»

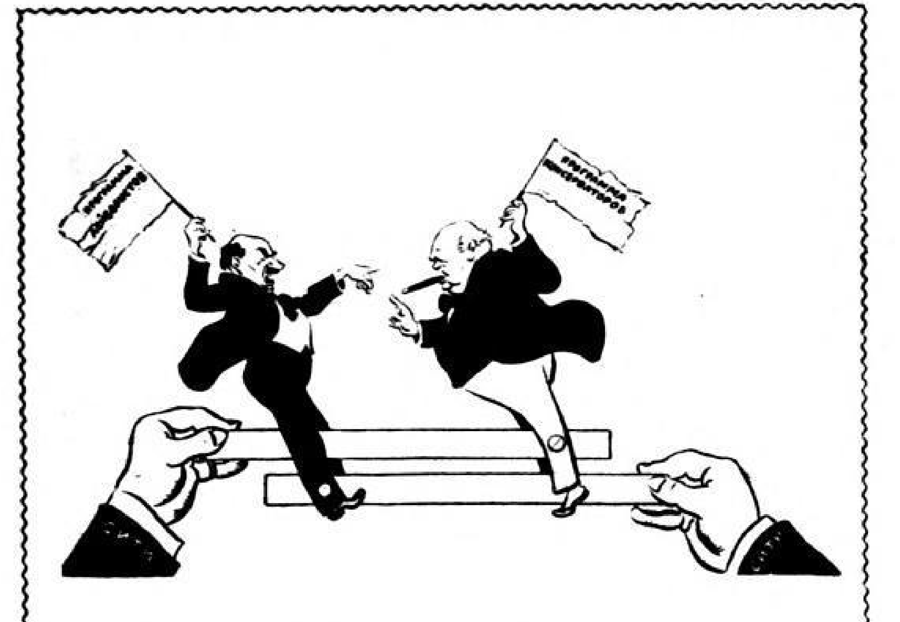
В. ГОРЯЕВ. «Наш крик о мире — не просьба слабых!»

Л. СОЙФЕРТИС. «Долг... платежом красен».

В. ГОРЯЕВ. «В лондонском тумане».
— Как вам удается управлять, мистер Эттли?
— Вот по этим ориентирам.

Бор. ЕФИМОВ. Предвыборная «борьба» в Англии.

Оружием кисти

С каждым днем ширится фронт борцов за мир. Советские художники участвуют своим творчеством в этой благороднейшей борьбе передового человечества. Ярким примером этому служит художественная выставка «Борьба за мир, против поджигателей войны», открытая в День Победы в Москве.

Свыше двухсот произведений, острием своим направленных против поджигателей новой войны, представлено в залах. Пусть злобствуют деятели Уолл-стрита, следя за развертывающимся мощным движением сторонников мира — «опять эта рука Москвы!», — но они сами вынуждены признать: «Увы... это уже голос мира!» (рисунок М. Черемных).

Сталин... Москва... Советский Союз — эти слова наполняют гордостью сердца всего демократического человечества, вселяют в них уверенность, силу: «Наш крик о мире — не просьба слабых!» (рисунок В. Горяева).

Метко издевается над новыми форрестолами, охваченными паникой, Б. Ефимов в своей карикатуре «Черные дни на Уолл-стрите» (подведение итогов «холодной войны»).

Одному из самых важных событий современности — освобождению великого китайского народа — посвящены плакаты В. Иванова, В. Корецкого.

Яркие карикатуры лучших мастеров советской сатиры—творческого коллектива Кукрыниксов (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов): «Поможет, как мертвому припарки», «Совещание» на Формозе» — жестоко высмеивают жалкие расчеты англо-американских хищников на восстановление гоминдановского режима.

Сатирические рисунки Кукрыниксов отличает простота в решении темы, хлесткая, острая выдумка. Вот дядюшка Сам спускает на воду торпеды «Даллес» и «Черчилль», открывая огонь по Организации Объединенных Наций. А вот разбухший Тито с потомством — диверсия, шпионаж и т. д. — «Выродок и выводок».

Тито и его клика, продавшие американцам свободу и независимость своей страны, особенно ненавистны борцам за мир. Вот рисунки Л. Сойфертиса. Черчилль встречает Тито: «У нас с Вами, господин Тито, сейчас одни интересы... американские». Или другой лист — «Долг... платежом красен»: сыплются в шапку Тито американские доллары, и услужливый предатель снова берется за топор.

Новые работы показал на выставке Б. Пророков. Большая патетическая сила заложена в рисунке «Танки Трумэна на дно!» — трудящиеся сталкивают с набережной в море американскую машину смерти. Это произведение перекликается с многочисленными забастовками, митингами протеста в связи с посылкой в Европу американского вооружения.

Карикатуристы, плакатисты, графики разоблачают кровавые планы поджигателей новой войны. На выставке представлены и художники братских республик — Л. Самойлов (Эстония), А. Козюренко, В. Гривенко, З. Толкачев (Украина), И. Гурро (Грузия) и другие.

Мастера изобразительного искусства Советского Союза активно отстаивают дело мира.

Ф. РЕШЕТНИКОВ,
лауреат Сталинской премии

Молодежь выходит на сцену

Фото О. Кнорринга

ОДИННАДЦАТЬ БИОГРАФИЙ

Бережно хранит Аркадий Щербаков старый, чуть пожелтевший лист газеты «Красноярский рабочий». Края газеты изрядно потрепались, дату трудно разобрать, не стерлись лишь цифры года: 1939. В центре газетной полосы — отчет об олимпиаде художественной самодеятельности. В нем несколько похвальных строк выпало на долю участника олимпиады — студента рабфака в городе Канске Аркадия Щербакова.

«Щербаков мечтает об артистической деятельности, — сообщает корреспондент газеты.— Он даже уже выбрал город и студию, где собирается учиться».

Аркадий Щербаков мечтал учиться театральному искусству у мастеров Художественного театра еще до поступления на рабфак, когда работал грузчиком. По окончании войны, в которой он участвовал в качестве моториста авиационного полка, Щербаков явился на вступительный экзамен в школу-студию имени Немировича-Данченко при МХАТ...

Выпускников студии в этом году одиннадцать. Одиннадцать биографий, связанных одной мечтой. В этих биографиях, разумеется, многое несходно, но их последние четыре года совпадают в главном — в напряженном труде, в коллективном изучении основ сценического мастерства. Этот труд увенчался первым успехом: интересной постановкой пьесы Б. Лавренева «Разлом».

ВСТРЕЧА ПОКОЛЕНИЙ

Спектакль «Разлом» во многом необычен для выпускных спектаклей театральных училищ. Прежде всего, в нем участвуют не только дипломники. Они, конечно, «хозяева» постановки, им поручены самые ответственные роли. Но наряду с ними на сцене — актеры, кончившие школу в прежние годы и уже выступавшие в премьерах Художественного театра.

В школе-студии состоялись три выпуска. И все ее воспитанники не теряют с нею творческой связи, продолжают активно участвовать в ее работе. В новых спектаклях студии они совершенствуют свое мастерство, многие из них стали ассистентами постановщиков студийных спектаклей, приобретая режиссерские навыки.

Плодотворность этой традиции очевидна. Так, в постановке «Разлома» кончающие школу-студию невольно равняются по актерам, уже играющим в лучшем театре страны рядом с прославленными мастерами...

Обычно статьи о выпускных спектаклях театральных училищ изобилуют определениями «свежо», «искренно», «задорно», «молодо». Говоря о спектакле моло-

Репетиция окончена. Заведующий кафедрой актерского мастерства народный артист СССР В. О. Топорков подводит ее итоги.

Идет репетиция пьесы А. М. Горького «Последние». Режиссер-педагог народный артист РСФСР С. К. Блинников (в кресле слева) делает замечания участникам. Ведет репетицию режиссер-ассистент, недавний выпускник школы-студии А. Покровский (крайний слева).

дых «художественников», тоже можно упомянуть и об искренности, и о свежести, и о задоре. Однако более всего радует в «Разломе» мастерство исполнителей. Пусть это мастерство еще не совершенно. Пусть попытка иного начинающего актера вылепить характер не во всем оканчивается успехом. И все же в целом это спектакль не только начинающих актеров, но и начинающих мастеров.

В профессии актера едва ли не самое трудное и ценимое зрителями — искусство перевоплощения. Вот такое искусство и демонстрируют многие участники постановки «Разлома».

Совсем недавно молодой актер А. Покровский обратил на себя внимание талантливым исполнением на сцене МХАТ роли выпускника железнодорожного училища Матвеича в «Зеленой улице». Матвеич-Покровский хорошо запомнился: деятельный, вихрастый паренек, старающийся солидно держаться. В «Разломе» Покровский не менее талантливо играет роль совершенно иного плана — боцмана Швача, подхалима и предателя. Бегающий, словно постоянно что-то высматривающий взгляд, полусогнутая в угодливой позе нелепая фигура, нарочито размеренная речь, срывающаяся вдруг на скороговорку, — замечательно рельефный образ, раскрывающий новую сторону дарования артиста.

На сцене МХАТ В. Трошин сыграл уже две роли: героя Сталинграда лейтенанта Масленникова («Дни и ночи» К. Симонова) и гвардейца-танкиста в пьесе С. Михалкова «Илья Головин». В «Разломе» Трошин предстал перед зрителями в виде купеческого сынка Хваткина, нарядившегося в матросскую форму и взывающего истошным голосом к балтийцам, чтобы те предали революцию.

Так же убедительно играют: И. Золотарев — пожилого матроса, умудренного богатым житейским опытом; Ю. Ларионов — члена ЦК эсеров Успенского, демагога, щеголяющего размашистыми жестами и громогласными тирадами; И. Тарханов, сын знаменитого артиста, создал характерный образ контр-адмирала Милицына, за показной «начальнической разгневанностью» скрывающего свою растерянность перед ростом политического сознания матросов, руководимых большевиками.

Все это победы, которые никак нельзя отнести за счет всесильного, но, увы, недолговечного «обаяния молодости». Они результат крепнущего творчества, растущего мастерства.

ПЕРВЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Вернемся, однако, к главным «виновникам торжества» — студентам-выпускникам, для которых «Разлом» — первый спектакль в их жизни.

Задачи, сравнительно легко выполняемые актерами, чувствующими себя на сцене уже привычно, для студентов оказались более трудными.

Но посмотрим на выпускника А. Баталова. Он играет в «Разломе» две различные роли: забулдыгу-анархиста, пытающегося разложить дисциплину на революционном крейсере, и полковника Ярцева — матерого белогвардейского волка, поджарого, злобного, с холодной обстоятельностью творящего свое черное дело. Право, трудно поверить, что эти две роли столь выразительно играет один исполнитель.

Уверенно, мастерски лепит А. Щербаков образ большевика Артема Годуна. Особенно убедительны сцены на крейсере, когда Годун показан признанным вожаком матросов.

Верно, хотя и не всегда ярко, рисует А. Смирнов Берсенева — честного русского офицера, сердцем ощущающего, что истина на стороне большевиков, на стороне народа. Правдиво играют Л. Толмачева дочь Берсенева Татьяну, Э. Позднякова — Ксению, Е. Панкова — их мать.

Спектакль «Разлом» поэтичен, увлекателен, глубоко раскрывает патриотическую идею пьесы. Радует в нем уверенная поступь самого молодого поколения «художественников».

Руководитель курса народный артист СССР В. Я. Станицын занимается со студентами Л. Толмачевой и А. Щербаковым, исполняющими роли Родиона и Груни в инсценировке романа Е. Мальцева «От всего сердца».

НА ПОДСТУПАХ К МАСТЕРСТВУ

Идет репетиция инсценировки романа Е. Мальцева «От всего сердца».

Встреча Груни с Родионом заполнена большой, настоящей радостью. Шесть лет они не виделись; их разлучила война,—а ведь до того и пожили они вместе всего-навсего три денька. За эти годы не только фронтовиком Родионом немало путей пройдено. И Груня из рядовой колхозницы превратилась в инициатора передовых методов труда. Родион гордится своей подругой. Роль Родиона репетирует А. Щербаков, Груни — Л. Толмачева. Но сцена у них не ладится. Главное — жизненная правда — остается неуловимым.

Художественный руководитель курса В. Я. Станицын объясняет студентам, что они забыли о самом существенном, о том, что более всего определяет встречу: любящие молодые супруги шесть лет не видели друг друга.

Постепенно сцена оживает. Родион и Груня не в силах наглядеться друг на друга. Обнявшись, они подходят к столу. Родион любовно усаживает Груню, садится сам в непосредственной близости от нее. Вот когда разговор о колхозных делах Груни приобретает подлинную задушевность!

* * *

Идут экзамены. Кроме «Разлома», выпускники школы-студии Художественного театра показали спектакль «Последние» М. Горького, подготовленный режиссером-педагогом С. К. Блинниковым.

Старейший мастер грима М. Г. Фалеев помог молодым актерам найти точный внешний облик действующих лиц горьковской пьесы.

Эти экзамены — волнующий рубеж в жизни каждого будущего артиста. Окончена школа, открывается дорога в творчество, в будущее. Питомцы Художественного театра станут достойными продолжателями дела своих учителей.

В одиннадцати биографиях намечен новый этап: выход на большую сцену.

В. БЛОК

Театр СЕМИ ГОРОДОВ

Сцена из спектакля «Лес». Счастливцев (артист А. Бердичевский): «Из Вологды в Керчь-с, Геннадий Демьяныч. А вы-с?» Несчастливцев (артист Б. Федоров): «Из Керчи в Вологду. Ты пешком?» Счастливцев: «На своих-с...»

Предание гласит, что после смерти Гомера — автора «Илиады» и «Одиссеи» — семь городов претендовали на честь считаться родиной гениального поэта. Об этом шутя вспоминают зрители спектаклей Театра имени Луначарского и в Новозыбкове и в Клинцах. В каждом из этих городов вы непременно услышите:

— Это наш театр, но он часто выезжает к «ним».

В доказательство новозыбковцы прибавят:

— У нас семь квартир предоставлены актерам.

Жители же Клинцов скажут:

— А у нас здание бывшей гостиницы отдано под общежитие театру.

В этот спор могли бы вставить свои голоса другие, расположенные вблизи, города — Унеча, Сураж, Климово, Стародуб, Злынка, где часто гастролирует Театр имени Луначарского.

Несмотря на небольшую труппу, в 23 человека, и наличие в репертуаре таких сложных для постановки пьес, как «Макар Дубрава» А. Корнейчука, «Особняк в переулке» братьев Тур, «Мой сын» Гергеля и Литовского, «Лес», «Поздняя любовь», «Правда хорошо, а счастье лучше» А. Н. Островского, театр почти ежедневно показывает два спектакля. Не забывает театр и о юном зрителе. Для детей подготовлены специальные утренние спектакли.

Напряженной творческой жизнью живет труппа. В 10 часов утра в театре собирается весь коллектив. Если это вторник, занимаются кружки по изучению основ марксизма-ленинизма, проводится политинформация. В другие дни готовят новые постановки (одну—две в месяц непременно); репетируют старые спектакли, вводят в них дублеров. Часты дневные выезды на фабрики с докладами о творчестве и с отрывками из спектаклей, выступления в местной радиостудии.

В технических цехах разрабатывается световая партитура к готовящимся спектаклям, подвиваются букли париков, отглаживаются фижмы для выездного спектакля «Модная лавка» И. Крылова.

Вечером мы присутствуем на спектакле «Лес».

В творчестве А. Н. Островского большое место занимают пьесы о театре. Они посвящены жизни провинциального актерства. «Без вины виноватые», «Таланты и поклонники», «Лес» пользуются заслуженной любовью зрителей и особым вниманием актеров.

Советский актер, создавая образ дореволюционного своего собрата, невольно противопоставляет страшным картинам старого театрального быта свою жизнь — жизнь советского артиста-гражданина.

Сравнение такого рода возникает и у зрителей. Счастливцев жалуется Несчастливцеву, что в театре «образованные одолели», и зрители, наблюдая игру актеров, понимают, что действительно образованные не только «одолели», но и преодолели невежество и косность старой театральной провинции. Из двадцати трех актеров труппы Театра имени Луначарского большинство со специальным средним, а некоторые со специальным высшим образованием.

Е. Попова, В. Маргорина, В. Демин, Д. Колосов, Е. Большаков, А. Бердичевский — выпускники московских театральных школ; в Ленинграде учились Т. Оболенская, К. Иванова. В труппе наряду с молодежью есть и актеры с большим творческим стажем. Более 40 лет работает в театре главный режиссер Е. М. Баталин. 45 лет отдала сцене З. В. Негина. Партнерша известных провинциальных актеров Ростовцева и Собольщикова-Самарина, она за свою сценическую жизнь создала свыше тысячи ролей. Ее память хранит актерскую биржу, куда съезжались на «великий пост» со всей Руси актеры раздобыть ангажемент в какую-нибудь труппу, и бесконечные странствования актеров «на своих-с» из города в город.

Дела и дни старой театральной провинции вспомнились Зинаиде Васильевне Негиной сейчас, когда, работая над ролью Улиты в «Лесе», она встретилась на сцене с молодыми товарищами, которым предстояло создать образы дореволюционного актерства.

Несчастливцева играет Б. Федоров. В его исполнении трагик Несчастливцев — незаурядный актер и настоящий человек. Несчастливцев привык играть и играет не только на сцене, но и в жизни. У него величественные движения, он декламирует, а не говорит, ступает, а не ходит, но за этой театральностью зритель видит глубокие человеческие чувства — возмущение, страдание,— видит в нем негодующего обличителя помещичье-дворянского быта. Достойный партнер Федорова — А Бердичевский (Аркашка Счастливцев). Актер настоящего комедийного дарования, он сумел показать в Аркашке, потерявшем достоинство и человеческий облик, подлинную любовь к искусству.

К сожалению, в спектакле, несмотря на отдельные актерские удачи, недостает необходимой слаженности.

Коллектив только что поставил «Голос Америки» Б. Лавренева, в ближайших планах театра — «Чужая тень» К. Симонова, «Егор Булычев» М. Горького, «Дворянское гнездо» по И. С. Тургеневу, «Укрощение строптивой» В. Шекспира.

Зрители Новозыбкова и Клинцов, Унечи и Суража, любящие свой театр, ждут от него показа лучших, полноценных пьес, высокоидейных художественных современных спектаклей. Их ожидание должно быть оправдано.

Клинцы — Новозыбков. **И. ВЕРШИНИНА**

Клинцы. В радиостудии идет передача «Театр у микрофона». Сцены исполняют артисты районного Театра имени Луначарского. Слева направо: В. Демин, Е. Большаков и Е. Попова.

Клинцы. Окончился спектакль «Золушка». На сцену в гости к Золушке (артистка М. Беницевич) пришли юные зрители.

Фото Е. Умнова.

Балет Варламова

Наш народ знает и любит песни «Вдоль по улице метелица метет», «Что мне жить и тужить», «Красный сарафан», романсы «Белеет парус одинокий» и «Горные вершины» русского музыканта первой половины XIX века А. Е. Варламова.

Почитатель Глинки, участник концертов из его произведений, Варламов был выдающимся музыкантом. Помимо романсов и песен ярко выраженного демократического характера, ему принадлежит музыка к нескольким драматическим спектаклям. Лет десять тому назад был найден балетный дивертисмент Варламова «Забавы султана, или продавец невольников»; в прошлом столетии он шел на сцене Большого театра в Москве в течение примерно 15 лет. Только монументального симфонического полотна не хватало в наследии Варламова, чтобы утвердить многогранность его дарования и мастерства.

Несколько лет тому назад академик Б. В. Асафьев обнаружил в печати сообщение о музыке балета «Мальчик с пальчик», принадлежащей перу неизвестного композитора А. Гурьянова. Асафьева заинтересовало, что это за балет, что представляет собой его автор.

Поиски дали следующие результаты. В нотной библиотеке Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова отыскалась папка «голосов» (оркестровых партий) балета. По старым реестрам автор был неизвестен. На нотах дата — 15 октября 1837 года.

Музыковед Е. Цинман свела в партитуру «голоса» одной из картин. Выяснилось, что по мелодическим оборотам и песенным интонациям музыка балета сродни романсам Варламова, напоминает их. Было обнаружено и либретто балета «Мальчик с пальчик», поставленного в 1837 году Большим театром в Москве. На титульном листе либретто указан в качестве композитора не А. Гурьянов, а... А. Е. Варламов.

Окончательно помогли разобраться во всем «Московские ведомости» № 81 за 1837 год. В них сообщалось кратко о премьере балета «Мальчик с пальчик» с музыкой А. Варламова и А. Гурьянова.

Появление фамилии А. Гурьянова в качестве соавтора нашло объяснение: балетмейстер в ходе постановки потребовал пополнить партитуру новыми танцевальными номерами, и их сочинил большой поклонник творчества Варламова дирижер и скрипач оркестра Большого театра А. Гурьянов.

* * *

Сценарий балета добросовестно излагает содержание известной сказки Перро. Выполняя заказ сценариста-балетмейстера, Варламов пытался по-русски прочесть фабулу, углубить содержание спектакля.

Дед — Виолен Хмелев. Мальчик — Боря Гайдаенко.
Фото Д. Трахтенберга.

Партитура страдает рядом серьезных недостатков. Но сравнение ее с балетными партитурами западноевропейского театра 40—50-х годов минувшего века показывает, как далеко ушел Варламов в развитии национальных традиций русского балета.

В музыке звучат простодушные, сердечные интонации русской городской народной песни.

Беспечные, веселые подростки, не подозревающие, что их подстерегает беда, попадают в дремучий лес, где их настигает буря. Картина бури трактована Варламовым сообразно традициям русской музыки — психологически. В разгуле разбушевавшихся стихий возникает мужественный, волевой марш, в котором звучат героические ноты. Мальчики не предаются страху и отчаянию. Страдая от непогоды, теряя силы, они не отступают перед препятствиями, а смело преодолевают их.

И вот людоед побежден. Звучит новая мелодия, боевая, полная решимости. Ребята выросли, возмужали в борьбе.

Варламов воспользовался предложением ввести в действие похищенного людоедом графского сына для того, чтобы противопоставить ему семерых братьев. Они смелы, отважны, а графский сынок — неженка, плакса, трус, на коленях вымаливает у людоеда пощаду.

Композитор наполнил пустую фабулу содержанием: тунеядцам — людоеду и маленькому графу — противопоставил маленьких тружеников — семерых братьев.

Творчество Варламова, как и творчество других наших отечественных композиторов, показывает, какие могучие национально-демократические силы питали русскую балетную музыку с первых ее шагов. Эти силы привели ее к высотам классического творчества Глинки, Чайковского.

Находка партитуры Варламова — радостное событие не только для исследователей родной старины. Дворец культуры имени Горького поставил балет Варламова «Мальчик с пальчик» под названием «Семеро братьев». В спектакле занято свыше 100 детей, обучающихся в кружках художественной самодеятельности.

Спектакль понравился ленинградской детворе. Особенно пришелся по душе юным зрителям Мальчик с пальчик, которого играет ученик третьего класса Боря Гайдаенко, сын крановщицы завода имени В. М. Молотова. Трудно поверить, что талантливый Гайдаенко меньше года тому назад начал заниматься в художественной самодеятельности.

Талантливость ребят-актеров пленяет зрителей, превращая старинный балет в живое, волнующее зрелище. В этом большая заслуга бригады, создававшей спектакль: балетмейстера-солиста Театра имени С. М. Кирова Ю. Григоровича, художника того же театра А. Таубера, студента Ленинградской консерватории К. Тимофеева, возродившего партитуру балета.

Ю. СЛОНИМСКИЙ

«Семеро братьев» — балет А. Е. Варламова в ленинградском Дворце культуры имени А. М. Горького. Сцена из второго действия — в пещере людоеда.

Флаг ПЕРВЕНСТВА

Л. БРАСЛАВСКИЙ

Она заблудилась. Впереди какие-то кусты, поляна! Никакой поляны Таня Куликовская не видела вчера, когда участников соревнования везли на машине по трассе, которую они должны были запомнить. И лошадь вдруг тревожно заржала. Куда свернуть: направо или налево?

Татьяна Куликовская со своей лошадью «Авиация». Фото В. Бондаревской

Ясность мысли, самообладание покинули Таню. Она свернула налево. Какие-то собаки, рыжие, злые, с оглушительным лаем бросились за лошадью, пытаясь укусить за ноги. Не та дорога! Опять заблудилась. Что она натворила — опозорила и себя и своих товарищей, всю команду «Пищевика»!

Что она завтра скажет на работе в «Сахаропромпроекте», где все любят, знают, гордятся ею и обычно после соревнований ищут в спортивных отчетах ее имя? Она спрячется за свой чертежный станок и не будет отвечать на вопросы.

А мама? Она так не хотела, чтобы Таня бросила балетный кружок при клубе фабрики «Свобода» и занималась конным спортом.

В самом деле, маленькой, худенькой семикласснице было нелегко справляться с лошадью. Но она была настойчива, трудолюбива, у нее оказалось великолепное «чувство лошади», как говорил тренер, и за три года она добилась немалых успехов. А теперь?!

Когда Таня Куликовская добралась наконец до финиша злополучного кросса, она узнала, что ее сняли с соревнований.

— Сколько вам лет? — спросил главный судья, глядя на ее огорченное лицо.

— Восемнадцать, — ответила Таня, все еще надеясь на что-то.

Но главный судья был неумолим:

— Законы спорта одинаковы для всех: и для закаленных мастеров и для таких молодых девушек, как вы.

А ее тренер, человек, к которому она была так привязана, Елизар Львович Левин сказал судейской коллегии:

— Вы поступили правильно!

Елизар Львович обладал великолепным уменьем подмечать мельчайшие ошибки и устанавливать их причины. Это касалось не только спорта, но и поведения его учеников.

— Мне кажется, что вы настроены слишком беспечно, — сказал он Тане перед этим кроссом на первенство Москвы. — Уж не зазнались ли вы?!

Да, он был прав! Когда их везли на машине по трассе, она то и дело отвлекалась: шутила, разговаривала вместо того, чтобы запоминать путь. И вот к чему это привело!

На другой день, увидев Левина, как обычно в окружении учеников, она подошла к нему. Ее вид, смущенный и в то же время решительный, был красноречивей слов. Левин улыбнулся. Он всегда говорил себе — и тому были тысячи примеров: «Советский спорт воспитывает лучшие черты человеческого характера...»

— До первенства Советского Союза остался месяц, — сказал он. — Вам придется выступать среди мастеров.

— Спасибо! — вырвалось у нее.

Вокруг слышались приветливые голоса, друзья были рады тому, что она пришла:

— Таня, Таня, иди быстрей, «Авиация» заждалась тебя!..

«Авиация»... Так звали ее лошадь. Много раз, разглядывая стройное, мускулистое тело «Авиации», покрытое нежной матовой шерстью, всматриваясь в ее добродушную, приятную морду с белыми пятнами на лбу, Таня спрашивала себя, почему лошади дали такое странное имя. Это было так же зага-

дочно, как и то, что у «Авиации» отсутствовало правое ухо. Оно было начисто отрублено шашкой. Единственное левое ухо как-то необычно торчало на голове лошади, словно и оно было лишним. Таня из своего старого воротника сшила и приладила ей меховое ухо.

Увидев Таню, «Авиация» приветливо заржала и потянулась к карману, где лежали припасенные для нее кусочки сахара. Таня и «Авиация» были очень дружны. То, чего другой не мог бы добиться от этой лошади ударами, силой и криком, Таня добивалась легким движением пальцев, руки, шенкелей. И дело тут было не только в том, что лошадь и всадница «подошли друг к другу». Долгие часы тренировок на манеже и в поле под острым, придирчивым взглядом тренера, неустанное повторение различных движений выработали у «Авиации» уменье выполнять то, что от нее хотят, а у Тани — находить пути к победе.

Когда на Московском ипподроме чемпионы страны подняли флаг всесоюзного первенства и алое полотнище затрепетало на ветру, «Авиация» начала нервно метаться на месте. Решительный момент наступил.

В лесу, на площадке, окруженной народом, всадники демонстрировали выучку своих коней. Чем красивей, совершенней выполнялись упражнения, тем выше была оценка судей. «Авиация» начала свое выступление превосходно... И вдруг при переходе на контргалоп у Тани мелькнула мысль, что эту фигуру лошадь всегда выполняла неохотно, с трудом. И тотчас «Авиация» сбилась. Должно быть, всадница на секунду потеряла над лошадью власть. Начав фигуру сначала, Таня заставила «Авиацию» пройти контргалопом... Но в судейском протоколе уже стояли штрафные очки. После окончания испытаний в манежной езде Татьяны Куликовской в первом десятке ведущих не оказалось.

— Легко выиграть, когда все получается от начала и до конца, — сказал подошедший Левин.

Он смотрел на кончики своих сапог и ждал, что́ она скажет.

— Ничего, все еще впереди,— ответила Таня.

Елизар Львович услыхал то, что хотел услышать: его ученица сохранила решимость.

— Берегите лошадь, — посоветовал он.

Во время пятнадцатикилометровой скачки Таня то и дело напоминала себе об этом. «Авиация» мчала ее по дороге среди полей. Кажется, они запаздывают? Справа замелькали оранжевые стволы сосен, это как раз на полпути. Таня взглянула на часы... «Авиация» идет хорошо! Может быть, подогнать? Нет, не нужно: придти раньше бесполезно, только переутомишь лошадь... На финиш Таня пришла в установленный срок.

Передохнуть почти не пришлось: через две минуты предстоял кросс.

— Дорогу помните? — спросил Левин, напоминая о недавнем поражении.

Таня кивнула.

— Не теряйтесь! — сказал он, когда она уже села на лошадь.

Едва Таня разогнала «Авиацию», как очутилась на краю обрыва. Крутой песчаный скат... Пришлось дать лошади свободу. «Авиация» осторожно, неторопливо спустилась с кручи. Секунды, секунды! Километра три по холмистой равнине Таня шла во всю прыть, выигрывая время. Впереди, за кустами, блеснула река... В ней вязкий грунт. Надо войти в воду шагом.

Несмотря на то, что ее преследовала мысль о времени, о том, что всадница, вышедшая за ней через пять минут, настигает ее, Таня проделывала все, что от нее требовала дорога, с невозмутимым хладнокровием, словно наказывая себя за суматоху на московском кроссе.

Под конец пути Таня разрешила лошади идти, как она может. Необходимо было еще оставить силы для скачек.

Когда и кросс и скачки были закончены и она, стоя возле «Авиации», успокаивала ее, гладила ее мокрую шею, кто-то промчался мимо и крикнул:

— Таня, ты на пятом месте!

«Хорошо, — подумала она, преодолевая усталость. — Надо отдохнуть, завтра прыжки...»

На другой день Татьяна Куликовская прошла без единого штрафного очка маршрут с различными препятствиями среднего класса. Ей жали руку, поздравляли. Она заняла третье место — третье место в Союзе, среди сильнейших мастеров. Неужели теперь учитель не похвалит ее?! Елизар Львович пробирался к ней сквозь толпу. Он несколько секунд смотрел на нее молча...

— Молодец! — сказал он, улыбаясь.

— Это еще не все! — весело ответила Таня.

И они засмеялись. Многократному чемпиону страны, заслуженному мастеру спорта Левину было хорошо знакомо это чувство душевного подъема, когда, кажется, нет ничего невозможного.

— Ты можешь победить, — сказал он с уверенностью, которая всегда передавалась ей.

Двадцать восемь всадниц одна за другой выходили на маршрут с препятствиями трудного класса.

Только четыре спортсменки закончили его, не сбив ни одной преграды, и среди них Татьяна Куликовская. Она наклонилась, дала «Авиации» кусочек сахара и поцеловала ее. Теперь будут соревноваться четверо сильнейших.

Зрители зашумели. Там, в толпе, были товарищи по конно-спортивной школе, знакомые по работе, мама — они махали ей руками. Казалось, цель так близка — еще один гит! Волнение, которое Таня сдерживала все эти дни, вдруг прорвалось, и сердце ее заколотилось. Она слезла с лошади. Нужно обуздать свои нервы, иначе беспокойство передастся лошади...

Как быстро прошло время! Ее вызывают на старт. Она первая. Соперницы оказались счастливей: они пойдут за ней. Но ничего не поделаешь... Смелее вперед! Смелее! А это значит сохранить полную ясность ума, чтобы в случае чего исправить оплошность.

Первое препятствие — жердь с херделями (метелками) — «Авиация» перешла легко. Позади, над судейским столом, зазвенел колокольчик. Одно препятствие есть! Гибкая, умная лошадь взвилась и так же легко преодолела узкую «калитку». Впереди наклонный забор. В какое-то неуловимое, но четко осознанное мгновение Таня «послала» лошадь в прыжок. И в третий раз победно прозвучал колокольчик! Он подгонял, внушал уверенность. Промелькнули открытая, потом закрытая канавы. «Авиация» едва не опустилась в нее. Но Таня всем своим существом устремилась вперед, и лошадь, сделав добавочное усилие в воздухе, коснулась земли за канавой...

«Шлагбаум»! Он вырос как-то странно, внезапно. Должно быть, они сбились с темпа. Лошадь подошла к нему слишком близко. Казалось, исправить что-нибудь было поздно. «Авиация» вздрогнула. Ее движение более чем молниеносно передалось Тане, и в ту же неизмеримую долю секунды она слегка наклонила корпус: «Авиация», снова сделав отчаянное усилие, вывернулась и перешла полосатый барьер. О, молодец!

Чувство теплоты и признательности к лошади все больше охватывало Таню. И «Авиация», угадав ее настроение, шла все увереннней, все резвее. Зрители с волнением наблюдали за юной всадницей, словно слившейся со своей красивой, стремительной лошадью. Звенел колокольчик. Мелькали препятствия. И ни одно из них не рушилось, не падало! Судья взмахнул флажком. Все!

Держа под уздцы «Авиацию», Таня шла мимо аплодировавших зрителей. Сознание, что она нашла в себе силу и волю победить, делало ее счастливой.

Это чувство еще более возросло, когда ей вручили майку чемпиона Советского Союза. Соперницы Тани, закончившие маршрут менее удачно, поздравляли ее.

Вместе с другими победителями Таня выехала на спуск флага. Оглянувшись, она поискала глазами своего учителя. Стоя в общем строю всадников, гордый и счастливый, он смотрел ей вслед.

Недавно в соревнованиях на первенство Москвы, в которых победила команда «Пищевика», Татьяна Куликовская вновь блеснула своим мастерством.

В последнем, решающем туре маленькая всадница с косичками безукоризненно преодолела на рослой кобыле препятствия трудного класса, вызвав всеобщее восхищение.

Из прошлого русского спорта

Велогонка Петербург — Москва

В середине девяностых годов прошлого века в России уже существовали десятки велосипедных клубов и кружков. Широко известны были имена лучших русских гонщиков по треку братьев Симагиных, Похильского, Докучаева, Софонова, Дьякова, совсем еще молодого тогда Уточкина. Немало талантливых спортсменов было и среди велосипедистов-дорожников.

Понятен поэтому интерес, который вызвала к себе первая в России большая международная шоссейная гонка, проведенная в 1895 году между Петербургом и Москвой. Для участия в состязании записалось несколько известных иностранных гонщиков. В числе их был и знаменитый в то время австрийский гонщик Франц Гергер, за два месяца до этого выигравший первенство в гонке Бордо — Париж.

Старт гонки Петербург — Москва был назначен на 29 июня (11 июля) 1895 года. Погода не благоприятствовала соревнованию. Начиная с 26 июня три дня подряд шел проливной дождь, размывший и без того плохие дороги. Испугавшись трудностей пути, два иностранца, И. Фишер (Мюнхен) и А. Кехер (Берлин), не явились на старт. Стартовали 19 гонщиков, 14 из них — русские.

Наиболее вероятным победителем гонок все называли Франца Гергера. Но многие считали, что успешно соревноваться с ним может и московский велосипедист, чертежник управления одной из железных дорог Михаил Фаддеевич Дзевочко, за год до этого выигравший гонку Москва — Нижний.

Однако московского гонщика вскоре же после старта подстерегало несчастье. Машина Михаила Дзевочко попала в яму, затопленную водой. Педаль велосипеда погнулась, сам гонщик сильно рассек себе правое колено. Но Дзевочко не отказался от соревнования. Исправив педаль, он двинулся дальше.

Еще не доезжая Чудова, Михаил Дзевочко перегнал Гергера. Затем он стал уходить от австрийца все дальше и дальше. Дорога была очень трудная. Шоссейные гонки по существу превратились в езду по пересеченной местности. Но Дзевочко продолжал неутомимо нажимать на педали, делая лишь короткие остановки на питательных пунктах.

На некоторых этапах пути просвет между Гергером и Дзевочко достигал полутора часов. Четыре других иностранных гонщика сошли уже с дистанции, но Гергер прилагал все усилия, чтобы «достать» москвича. Около Твери ему это почти удалось сделать. Но тут, на последнем этапе пути, Дзевочко снова рванулся вперед.

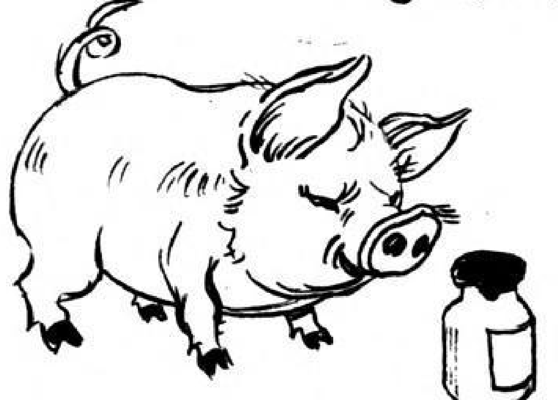
В Москве, возле Всехсвятского, состоялся финиш. Несколько сот москвичей собрались сюда в ночь на 1 (13) июля. Все всматривались в сторону Химок, откуда должны были показаться гонщики.

При общем ликовании первым к финишному столбу пришел Михаил Дзевочко. Дистанцию в 700 километров между Петербургом и Москвой (через Новгород) он покрыл за 36 часов 10 минут, со средней скоростью 19,36 километра в час. Франц Гергер пришел к финишу вторым, на 44 минуты позже. Третье место занял москвич И. Шеляев.

Закончив гонку, М. Ф. Дзевочко чувствовал себя настолько бодро, что отправился пешком в Коптево на дачу к своему знакомому. Гергер же пришел к финишу в полуобморочном состоянии. Его пришлось снимать с машины, но он не устоял на ногах и сразу же упал. Но тут австрийцу пришло на помощь одно обстоятельство... Самонадеянный иностранец настолько был уверен в своей победе, что заранее заказал себе пышную карету, в которой после финиша рассчитывал с триумфом проехать по Москве. Триумфальную карету пришлось превратить в карету скорой помощи, на которой полумертвого Гергера и отвезли в гостиницу.

Успех Михаила Дзевочко был не случаен. В следующем, 1896 году грандиозная гонка была повторена, но уже в обратном направлении — из Москвы в Петербург. И на этот раз первое место занял Дзевочко.

Поросенок с хреном

М. ЭДЕЛЬ

Рисунки А. Каневского

Главный кассир заводоуправления металлургического завода Иван Антонович Горлица отсчитал и вручил главному инженеру Роману Васильевичу Волошину заработную плату и премиальные за квартал — довольно значительную сумму — и по обыкновению дружелюбно придвинул ведомость: «Прошу расписаться».

Волошин, тоже по обыкновению, сказал: «Спасибо, Иван Антонович», — но на этот раз как-то внимательно осмотрел Ивана Антоновича, задержавшись на его круглой лысой голове, покрытой розовато-рыжеватым пушком.

Роман Васильевич глядел на кассира, словно он впервые видел его черный опрятный пиджачок, застегивающийся под самым подбородком жилет, накрахмаленный полотняный воротничок и ниточку золотой цепочки у жилетного карманчика. Волошин уже хотел было что-то сказать Горлице, но, подумав, только улыбнулся. Выйдя на крыльцо конторы, главный инженер вторично чему-то улыбнулся, затем вернулся и решительно вошел в кабинет начальника орса.

— Мне нужен поросенок! — сказал главный инженер завода начальнику орса. — Но чтобы был крупный, упитанный, первосортный. Можешь ты меня понять?..

Начальник орса не понимал. Он с минуту назад вернулся от зубного врача и сейчас, глядя на Волошина, одновременно прислушивался, болит ли зуб или ему только кажется...

— Мы сейчас не продаем поросят... А на базаре хорошего поросенка не найдешь... — внимая поведению зуба, машинально отвечал начальник орса. — Хочешь, я тебе выпишу откормленного гуся?

— Зачем мне гусь? Нужен именно поросенок! Как тебе объяснить?.. Поросенок, как символ, как память... воспоминание... Впрочем, черт с тобой! Я тебе расскажу. Хотя я знаю, что ты человек без лирики, без высоких чувств...

— Правильно замечено, — сказал начальник орса, — какая уж тут лирика!.. 12 лет подряд кормлю и снабжаю вас, несколько тысяч друзей и товарищей... Огороды, фермы, сады, сенокосы, столовые, дома отдыха, пионерлагери... Сколько раз меня на собраниях перевоспитывали, даже в холодный пот бросало!.. Не считая, конечно, устных приветов от руководящих товарищей: «Поставим о тебе вопрос на партбюро. Снимем с работы». Какие уж тут высокие чувства!..

— А два ордена за эти же столовые и фермы получил! — заметил Волошин.

— Это от правительства! А от вас не всегда и спасибо услышишь...

— Вот, вот! Я как раз по этому вопросу. Позвольте, Григорий Тарасович, быть кратким. 20 лет назад я пришел на наш завод прямо из ФЗУ. И тебя еще здесь не было, и ферм твоих, и этого кабинета. Там, где сейчас наши мартены стоят, плавали дикие утки, а где парк культуры и отдыха, — стоял вековой лес... Картина ясная?

— Вполне, — сказал начальник орса, — тем более, что 20 лет назад я для этих мартенов лично рыл котлованы, то есть был нормальным землекопом. Начальники орса тоже когда-то были рабочим классом. Ну, ну, давай дальше...

— Оказывается, ты и я начинали здесь одновременно, — обрадовался Волошин. — Тогда ты поймешь меня...

И главный инженер изложил начальнику орса суть своей затеи, основанной на высоких лирических чувствах.

— Теперь ты понял, почему поросенок?

— Правильная идея! Да, чувства — великое дело, — сказал Григорий Тарасович довольно трогательным голосом.

— Ты гляди! — изумился главный инженер.— Начальник орса — и такое тонкое восприятие!..

— Погоди! Не люблю подхалимов. Мне этого не нужно. Мне хватает и славы и выговоров. Погоди, погоди. Ей богу, зуб перестал болеть... Не болит! — оживился по этому случаю начальник орса. — Так вот, слушай... Во-первых, для такого дела нужна дата. Подарок без торжественной даты теряет свое внутреннее содержание. Во-вторых, подходящего поросенка нет... А через две недели день рождения этого славного человека. Я сейчас дам команду — поставить на откорм порося, чтобы он в известный момент, что называется, на блюде играл и отвечал всем кондициям... Чтобы он, подлец, лежал с розой в зубах и прославлял отдел снабжения и подсобное хозяйство нашего завода...

— И чтоб сюрпризом! — расфантазировался и Волошин. — И ты своей Глаше, а я своей Маше — ни слова. У них ведь нет секретов.

И накануне торжественного дня, рано утром — день был воскресный, выходной, — когда главный кассир Горлица еще брился, парень-возчик внес и положил на кухонный табурет сверток в новенькой рогожке.

— Это вам, — сказал парень супруге кассира.

И пока Антонина Ивановна разворачивала рогожку и ахала, увидев розового, как закат, свежеразделанного поросенка, парень исчез.

Появившийся с полотенцем на шее и мыльной кисточкой в руке Иван Антонович, рассмотрев аппетитного красавца, сразу же ощутил во рту вкус пряного хрена. Тем более, что в рогожке рядом с поросенком покоилась красивая банка пищепромовского хрена, запечатанная коричневым сургучом...

Оба супруга стояли приятно ошеломленные таким нежданным подарком. Первым опомнился Иван Антонович.

— Кто же это прислал? — еще без тревоги и сомнений спросил кассир. — Это, конечно, очень приятно. Но некому присылать нам поросят на дом... Дети наши в других городах живут, а на заводе?.. Не знаю. Ни записки, ни сопроводительной. Я ведь не тенор, не модный дамский закройщик, не профессор-гомеопат...

— Посмотри, на спине печать: орс нашего завода, — обратила внимание Ивана Антоновича Антонина Ивановна.

— Орс? Нашего завода?! Не трогай его.

Обыкновенная круглая лиловая, чуть расплывчатая печать, которую ставят на живности санитарные организации, ясно свидетельствовала, откуда поросенок родом.

Но и это не сыграло бы большой роли, если бы не злополучная банка с надписью «Хрен». Именно хрен и наполнил честную душу главного кассира сомнениями и негодованием.

— Тут ошибка! Возчик ошибся! Кто же станет посылать подарок, приложив хрен? Это действие подхалимства или того хуже.

— Ну, чего там хуже, — сказала Антонина Ивановна. — Кто станет перед тобой подхалимничать или угождать тебе?.. Главное, за что? Ты даже не бухгалтер и никакой не начальник. За что? Чтобы ты ему заработную плату выдал крупными или мелкими купюрами? Если тебе и прислали, то от чистого сердца. Мало ли какие хорошие чувства у людей бывают! Лучше я его начну приготовлять.

— Погоди, Тоша... погоди... — после доводов жены кассир несколько смягчился. — Все-таки я зайду к Чепурному, к Григорию Тарасовичу, он должен знать, раз этот поросенок нашего производства.

Но начальник орса Чепурной отказался наводить справки о поросенке. Иван Антонович снова стал кипятиться, сердиться и пригрозил:

— Я 34 года кассиром... Я не позволю этого! Я отправлю сейчас же поросенка в завком, пусть там разбираются. Ты же понимаешь, кому посылают на дом поросят с хреном?! С хреном! Это же — безобразие!..

— Какой хрен? — удивился Чепурной, который лично распорядился об отправке поросенка Горлице.

— А вот такой! В рогожке поросенок и рядом с ним хрен в банке.

— Хорошо, я выясню, — сказал Григорий Тарасович и вышел в другую комнату, пожимая плечами. — Какой хрен?!

Оказалось, что банку хрена вложил по своей инициативе лихой агент снабжения, исключительно из явного угодничества, решив, что поросенок предназначен заместителю директора по адмхозчасти, которого тоже звали Иваном Антоновичем.

— Ох, подхалимы!.. Нет у вас высоких чувств, — сказал Чепурной агенту... и позвонил Волошину... — Роман Васильевич, пришел старик, скандалит, требует справки, кто ему послал поросенка. Придется сказать, иначе он его отошлет в завком...

— Ни в коем случае!.. Придумай что-нибудь. Я к нему завтра приеду в гости вместе с секретарем нашей парторганизации. С женами приедем... Весь замысел пропадет. Прошу тебя.

Чепурной вернулся в кабинет и сказал Ивану Антоновичу:

— Я узнал, от кого поросенок. Но сказать не могу, дорогой Иван Антонович. Послал уважаемый человек, вам хорошо известный. Поверьте честному человеку. Кончено?

— А зачем он хрен послал?

— Хрен? Хрен не он вложил... Это уже агент моей конторы постарался... С наступающим вас, Иван Антонович.

...Прибытие главного инженера завода и секретаря первичной парторганизации как раз к праздничному обеду уже не удивило Ивана Антоновича. Но по какому случаю ему был подарен именно поросенок, он никак не мог догадаться даже после нескольких рюмок.

Наконец Волошин встал и поднял бокал.

ПОРОСЁНОК С ХРЕНОМ

(Окончание)

— 20 лет назад, — сказал главный инженер, — я впервые подошел к окошечку заводского кассира, чтобы получить свои первые заработанные рубли. И не без волнения. Каждый может вспомнить эту минуту... Я никогда не отличался высоким ростом, а тем более в те отдаленные времена. И вот из окошечка высунулась более чем на данном этапе обрамленная пушистой растительностью голова кассира, который объяснил мне:

— Сумму, молодой человек, напишешь прописью. И вообще держи нос высоко, поросенок. Я тебе еще буду выплачивать премию как главному инженеру. И это было сказано 20 лет назад... Кому? Мальчонке, который только начинал свою трудовую жизнь. Все сбылось, Иван Антонович!

И вот, получая очередную премию, я вспомнил эти теплые, человеческие слова. Спасибо, Иван Антонович, за добрые, напутственные слова! И я от души хотел вам напомнить о них и о веселом прозвище посредством этого вкусного имени существительного... и... и... без всякого хрена.

Ну, а какие слова были сказаны остальными участниками обеда после тоста бывшего фабзаучника Волошина, я думаю, говорить уже не приходится...

Лаковое дерево

Среди причудливых экзотов Чаквы (близ Батуми) привлекают внимание толстые деревья с корой серого цвета, усеянные перистыми, яйцевидными листьями. Из надрезов древесины по прямым стволам стекает белая, густая, тягучая жидкость. На воздухе она постепенно буреет, твердеет и становится черной.

Это — лаковое дерево, источник лучшего в мире лака. Покройте им стекло или бумагу, дерево или металл, и их поверхность превратится в зеркальную. К покрытым этим лаком подводным частям судов не пристают ракушки и водоросли. Лак служит хорошим изолятором для электрических проводов. Он не теряет своего блеска и прочности в течение многих десятилетий.

Но не только лаком богато это интересное растение. Оно дает превосходный воск, который по качеству и цвету не уступает пчелиному. Воск содержится в желтых, сплюснутых, похожих на бусы плодах.

Высоко ценится также белая, с зеленой сердцевиной, древесина лакового дерева. Она не трескается, отлично обрабатывается и полируется, не гниет в земле и в воде.

Еще одним достоинством отличаются лаковые деревья: они медоносы. Их мелкие красные цветы, собранные в метелки, привлекают во время цветения рои пчел.

Лаковые деревья привез из южных стран свыше полувека назад известный русский путешественник и ботаник профессор А. Н. Краснов. Они были посажены в Чаквинском удельном имении на площади в 14 гектаров. Однако в годы первой империалистической войны эти насаждения были хищнически истреблены, уцелело лишь около ста деревьев.

Батумский ботанический сад проводил опыты над лаковыми деревьями, изучал урожайность их плодов, состав и свойства лака, приемы эксплуатации культуры.

Опыты показали, что при правильной агротехнике можно ежегодно получать с гектара до 150 килограммов сырого лака, а воска почти вдвое больше.

Лаковое дерево — ценная техническая культура. С помощью мичуринских методов она может быть продвинута и в более северные районы нашей страны.

А. ВЕКСЛЕР,
научный сотрудник
Главного ботанического
сада Академии наук
СССР

Подумай!

НЕОБЫЧНЫЙ ЛЕД

Мы наблюдали, как куски льда постепенно уменьшались, а затем и вовсе исчезали. Однако «таяли» они необычно: не оставляли после себя ни капли воды.

Кусочки льда, взятые в руку, жгли кожу. Термометр, помещенный в груду льдинок, не дал возможности установить температуру таяния льда, так как вся ртуть из столбика ушла в шарик.

Кусочки этого льда, опущенные в стакан с водой, потонули.

Что это за странный лед? Почему он тает, не превращаясь в воду? Какова температура его таяния? Почему он тонет в воде?

ОБО ВСЕМ

Каждые земные сутки Солнце «худеет» на миллиард тонн, теряя эту массу на излучение. Но масса Солнца так велика, что в течение многих миллиардов лет его «похудение» не отразится на жизни Земли.

* * *

По расчетам академика А. Е. Ферсмана, больше трети Земли по весу состоит из железа, около четвертой части — из кислорода. Далее следуют: кремний — седьмая часть, магний — десятая часть, никель — около трех процентов. Все остальные элементы занимают в составе Земли незначительное место.

* * *

Давление воды на дне океана так велико, что не позволило бы пуле вылететь из дула выстрелившего ружья.

* * *

На земном шаре в разных его местах одновременно происходит в среднем около тысячи гроз. Ежесекундно в Землю ударяет около 100 молний.

КРОССВОРД

По горизонтали:

9. Территория, находящаяся под особой охраной. 10. Решительное требование. 12. Пересаженное молодое растение. 13. Хор певчих. 14. Строительный материал. 15. Жаровня. 16. Город на р. Енисее. 17. Просвещение. 22. Тип одноклеточных животных. 23. Русский драматург. 24. Остановка в пути. 25. Решетка. 30. Опера Римского-Корсакова. 31. Питательный корм. 34. Двузначное число. 37. Древесная ящерица. 38. Храбрец. 39. Бортовой брус на шлюпке. 40. Роман Гладкова. 41. Город на Украине. 42. Насаждение деревьев. 43. Прибор для демонстрации движения небесных тел.

По вертикали:

1. Род земноводных. 2. Инструмент для перемешивания топлива. 3. Профессия. 4. Вселенная. 5. Искусственный материал. 6. Пища. 7. Судовая оснастка. 8. Объявление. 11. Советский художник. 18. Районный центр на Урале. 19. Искусственное орошение. 20. Годовалый жеребенок. 21. Колхозное строение. 26. Непримиримые противоречия. 27. Оборонительное сооружение. 28. Пьеса Чирскова. 29. Советский писатель. 32. Сорное растение. 33. Рыба. 34. Разновидность. 35. Советский авиаконструктор. 36. Прибрежное судоходство.

ОТВЕТ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

1. Украина. 5. Брошюра. 10. Осада. 14. Активист. 15. Избрание. 16. Шарж. 18. Серафимович. 19. Штат. 20. Варламов. 21. Шимпанзе. 22. Тибет. 29. Оратория. 30. Молдавия. 31. Интервью. 33. Шевченко. 39. Гобой. 42. Альманах. 43. Болгария. 44. Тигр. 46. Кандидатура. 47. Арба. 51. Ксилофон. 52. Ансамбль. 53. Отава. 54. Вроцлав. 55. Метрика.

По вертикали:

2. Катер. 3. Айва. 4. Нестеров. 6. Развитие. 7. Шурф. 8. Ранет. 9. Варшава. 11. Симфония. 12. Дромадер. 13. Центнер. 17. Железа. 19. Штатив. 23. Хомич. 24. Домра. 25. Литье. 26. Шопен. 27. Удача. 28. Лядов. 32. Таймыр. 34. Навага. 35. Комбинат. 36. Корсаков. 37. Тактика. 38. Тарасова. 40. Собрание. 41. Вязанье. 45. Глиэр. 48. Рыбак. 49. Боец. 50. Лавр.

ПОПРАВКА. В кроссворде, помещенном в № 21, вопрос № 6 по вертикали, напечатано: «Столица...», вместо «Город...».

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ (№ 22)

О теплоемкости

Вода обладает большей теплоемкостью, чем воздух. Для того, чтобы нагреть на градус равные объемы воды и воздуха, надо при нагревании воды затратить тепла в три тысячи раз (!) больше, чем при нагревании воздуха.

Мак и василек

Посетители, как видно из задачи, были в саду в разное время дня. При дневном свете красный мак воспринимается глазом, как более светлый, чем василек. В сумерках василек кажется светлее мака. Это объясняется различным рассеянием света и, следовательно, различным восприятием глазом цветовых оттенков.

Глубоководные рыбы

Рыбы, обитающие в верхних и средних слоях морей, не могут опуститься в морские глубины. Устройство их тела таково, что они не в состоянии выдержать колоссальных давлений, действующих в глубинах моря.

Обитатели морских глубин не чувствуют испытываемого ими огромного давления, но подняться к поверхности моря они не могут. Нарушение равновесия между внутренним и внешним давлением погубило бы их.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А—04330. Подписано к печати 30/V—50 г. Изд. № 363. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 1423. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

В РЕСПУБЛИКАНСКИХ, КРАЕВЫХ, ОБЛАСТНЫХ ЦЕНТРАХ И ДРУГИХ КРУПНЫХ ГОРОДАХ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ ВЫПОЛНЯЮТ ОПЕРАЦИИ ПО БЕЗНАЛИЧНЫМ РАСЧЕТАМ
СОСТОЯ ВКЛАДЧИКОМ СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЫ, МОЖНО УПЛАТИТЬ ПУТЕМ БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ ЗА
КВАРТИРУ,
ЭЛЕКТРОЭНЕРГИЮ,
ТЕЛЕФОН,
ГАЗ.
ЭКОНОМЬТЕ ВРЕМЯ! ПОЛЬЗУЙТЕСЬ БЕЗНАЛИЧНЫМИ РАСЧЕТАМИ
ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ

Цена 3 руб.